

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

В О Р О Н Ц О В Ы

ИХЪ ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

В. В. Огаркова.

Съ портретомъ князя М. С. Воронцова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ
Геданомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ. «ОБЩ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39
1892.

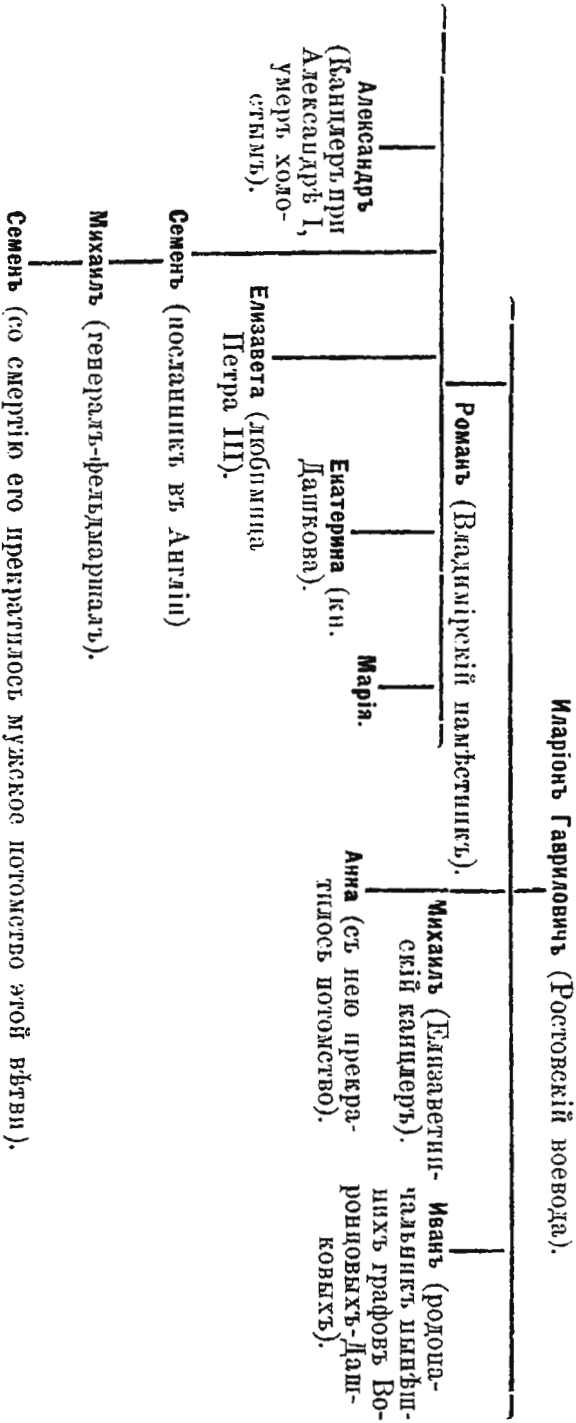

В О Р О Н Ц О В Ъ .

РОДОСЛОВНАЯ ВОРОНЦОВЫХЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ОЧЕРКѢ.

Доводено цѣнзурою. С.-Петербургъ, 1 августа 1892 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Вступленіе .	5
Г Л А В А I.	
Начало карьеры Воронцовыхъ	7
Г Л А В А II.	
Михаилъ Воронцовъ — великій канцлеръ.	20
Г Л А В А III.	
Въ „Золотой“ Екатерининскій вѣкъ	30
Г Л А В А IV.	
Примѣрные братья	39
Г Л А В А V.	
Кары и милости	53
Г Л А В А VI.	
Знаменитѣйшій изъ Воронцовыхъ .	64
Г Л А В А VII.	
Мирная дѣятельность.	73
Г Л А В А VIII.	
Кавказская эпопея	85

Л и т е р а т у р а.

- 1) „Архивъ князя Воронцова“ (томы I—XXXVII).
  - 2) „Исторія Россіи“ *С. М. Соловьева.*
  - 3) „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ“ *А. Л. Зиссермана.*
  - 4) „Дворянскіе роды, внесенные въ общій Гербовникъ Всероссийской Имперіи“ графа *А. Бобринскаго.*
  - 5) „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ *Н. Дубровина.*
  - 6) „Исторія Екатерины II“ *Вильбасова.*
  - 7) „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ *Е. П. Карновича.*
  - 8) „Русскіе уголовные процессы“ *А. Любавскаго.*
  - 9) Сочиненія *А. С. Пушкина.*
  - 10) „А. С. Пушкинъ“ *Анненкова.*
  - 11) *Н. Костомаровъ:* „Фельдмаршалъ Миннихъ“ и „Цесаревна Елисавета Петровна“.
  - 12) *А. Брикнеръ:* „Семейная хроника Воронцовыхъ“, „Жизнь Петра III“ и др.
  - 13) „Русскіе бывшіе дѣятели“ *Баумана.*
  - 14) „Записки Одесскаго Общества Исторіи и древностей“.
  - 15) Новороссійскій календарь на 1863 г.
  - 16) „Мировичъ“ *Данилевскаго.*
  - 17) Журналы: „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“ (статьи *Рябинина, Филипова, Фелькнера, Щербинина, Маевского, „Дневникъ Храповицкаго“, „Записки Гарновскаго“, „Русскіе Избранники“ Гельбига и мн. др.), „Вѣстникъ Европы“, „Русскій Вѣстникъ“, „Военный Сборникъ“, „Историческій Вѣстникъ“ и др.*
  - 18) Газеты: „Кавказъ“, „Иллюстрированная Газета“ и др. И многое другое.
-

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ числѣ фамилій, представители которыхъ занимали за послѣднія полтора столѣтія высокія государственныя должности и отличались талантами, на одномъ изъ самыхъ первыхъ мѣстъ стоитъ родъ Воронцовыхъ, давшій нашему отечеству замѣчательныхъ дѣятелей. Достаточно назвать знаменитаго президента Россійской Академіи княгиню Дашкову (урожденную Воронцову), искуснаго дипломата Семена Романовича и дѣятеля недавно минувшаго времени, князя Михаила Семеновича, чтобъ видѣть, на какихъ разнообразныхъ поприщахъ заслуженно прославились представители помянутой фамиліи. Рѣдкая для своего времени образованность, самостоятельность и энергія, большіе таланты и трудолюбіе—составляли, передаваясь преемственно, удѣлъ многихъ Воронцовыхъ, а въ особенности тѣхъ, которымъ посвященъ нашъ очеркъ: канцлера Елисаветы—Михаила Иларіоновича, его племянниковъ Александра и Семена Романовичей и сына послѣдняго—князя Михаила Семеновича.

Если мы обратимъ вниманіе на условія, при которыхъ приходилось жить и дѣйствовать Воронцовымъ, то должны признаться, что въ атмосферѣ лести и угодничества, въ раболѣпной обстановкѣ, окружавшей фаворитовъ и «случайныхъ» людей тогдашняго времени, и притомъ въ странѣ, гдѣ «почти не было общественнаго мнѣнія» (по выраженію автобіографической записки графа Александра Воронцова) самостоятельность убѣжденій и отсутствіе льстивой угодливости составляли несомнѣнно рѣдкое и высокое достоинство. Способность «съ улыбкою говорить правду государямъ», да еще такимъ, какъ Павелъ I, нельзя не считать доказательствомъ душевной стойкости. А между тѣмъ въ братьяхъ Александрѣ и Семенѣ Воронцовыхъ мы несомнѣнно встрѣчаемъ эти черты характера, которыми можетъ быть въ значительной степени объясняются превратности и неудачи ихъ карьеры: холодное отношеніе къ братьямъ Екатерины II,—не переваривавшей суроваго и стойкаго нрава Александра Романовича и какъ извѣстно тяготившейся Дашковой,—а также и суровыя мѣры императора

Павла I по отношенію къ Семену Романовичу, послѣдствія которыхъ къ счастью быстро были заглажены вскорѣ воцарившимся Александромъ I.

Безкорыстіе, столь рѣдкое въ то время, составляло одну изъ симпатичныхъ сторонъ изображаемыхъ нами Воронцовыхъ. И на этомъ съ отрадою отдыхаетъ историческій обозрѣватель той эпохи, когда повальная корысть обуяла всѣхъ сверху до низу, когда казенныя деньги безцеремонно смѣшивались съ собственными и грабежъ казны для личнаго обогащенія въ той или другой формѣ былъ однимъ изъ распространенныхъ явленій.

Но отмѣченныя выше достоинства героевъ настоящаго очерка не исключали существованія въ нихъ недостатковъ. Нѣкоторыя привычки и понятія, всасывающіяся съ молокомъ матери и упорно поддерживающіяся всѣмъ строемъ окружающей жизни, провожаютъ человѣка до могилы. И какъ намъ теперь кажутся несправедливыми и жестокими многіе взгляды и привычки прошлаго, такъ вѣроятно и наши собственныя отношенія къ окружающимъ насъ явленіямъ, — нашъ умственный и нравственный обиходъ, — покажутся потомкамъ варварскими.

Если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на лицъ, которымъ посвященъ этотъ очеркъ, то увидимъ, что, обладая въ слабой степени нѣкоторыми изъ недостатковъ своего времени, въѣвшимися такъ сказать въ людей органически, — Воронцовы далеко превосходили современниковъ своими достоинствами. Графы Александръ и Семень Романовичи, какъ дѣятели главнымъ образомъ миувшаго столѣтія, когда въ обществѣ еще очень робко и пугливо раздавались голоса противъ крѣпостнаго права, — не могли горячо сочувствовать освободительнымъ тенденціямъ, ссылаясь между прочимъ и на неподготовленность «раба» къ освобожденію. Но и они возмущались многими явленіями крѣпостничества и въ особенности продажею отдѣльныхъ крестьянъ. А сынъ Семена Воронцова — князь Михаилъ Семеновичъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ былъ однимъ изъ убѣжденныхъ членовъ небольшого передоваго кружка людей во время Императора Александра I и какъ извѣстно подалъ въ это царствованіе вмѣстѣ съ Каразиннымъ и др. записку объ освобожденіи крестьянъ.

Въ странахъ гдѣ, благодаря историческимъ условіямъ, во главѣ народа поставлены высшіе классы, нельзя не отмѣтить какъ благоприятное обстоятельство тотъ фактъ, что нѣкото-

рые представители этих классов сознают свои обязанности по отношенію къ обществу и искренно проводятъ въ своей дѣятельности правило «noblesse oblige». Этотъ принципъ всегда былъ на виду у лучшихъ представителей рода Воронцовыхъ.

ГЛАВА I.

Начало карьеры Воронцовыхъ.

„Феерическое“ время.—Воевода Воронцовъ.—Его семья.—Дружба святителя Димитрія Ростовскаго.—Сближеніе Воронцовыхъ съ Елисаветою.—Веселый дворъ цесаревны.—Служба Михаила Воронцова.—Вопареніе Елисаветы.—Участіе въ этомъ событіи Воронцова и Лестока.—Милости Государыни къ Воронцовымъ.—Женитьба—на кузинѣ Императрицы.—„Пляска на вулканѣ“.—Судьба знатныхъ въ минувшемъ столѣтіи.—Канцлеръ Бестужевъ.—Отношеніе его къ Михаилу Воронцову.—Охлажденіе Императрицы къ испытанному слугѣ.—Заботы Воронцова о родныхъ.—Стѣсненные денежныя дѣла его.—„Иллюминаціи и трапезы“.—Проспительныя письма вице-канцлера.—Дѣятельность его.—Отношенія къ Ломоносову.—Исполненіе курьезныхъ порученій.—Воспитаніе дочери.—„Мягкость“ Воронцова.—Отвращеніе къ интригамъ.

Восемнадцатый вѣкъ въ русской исторіи необычайно обилень волненіями и переворотами, представлявшими благодарную почву для честолюбцевъ и ловкихъ людей, создававшихъ блестящія карьеры. Это былъ вѣкъ необыкновенныхъ и быстрыхъ возвышеній и неменѣе стремительныхъ и ужасныхъ паденій. «Безродный баловень счастья»,—полуграмотный пирожникъ Меньшиковъ былъ почти самодержавнымъ властелиномъ при Екатеринѣ I и въ дѣтствѣ Петра II. Кюнюхъ Биронъ сдѣлался регентомъ громаднаго государства, раскинувагося отъ Ледовитаго океана до Чернаго моря. Каждое *coup d'état* выбрасывало людей изъ скромной обстановки въ близость къ трону и дѣлало сержантовъ тогдашней гвардіи,—какъ Потемкина и Орлова,—могущественными временщиками, князьями и графами; фельдшеръ Лестокъ получилъ высшіе въ государствѣ чины и орденъ, а молодой офицеръ Зубовъ въ небольшой промежутокъ времени сдѣлался княземъ и «полнымъ» генераломъ, приобрѣтя такое могущество, которое подъ конецъ сломило и несокрушимаго Потемкина. Это было сказочное, феерическое время съ волшебными превращеніями и людей, и окружавшей ихъ обстановки.

Вѣроятно и скромный статскій совѣтникъ и Ростовскій воево-

да Иларіонъ Гавриловичъ Воронцовъ (р. въ 1674 г., † въ 1750 г.) не думалъ, что судьба такъ скоро вознесетъ все его ближайшее потомство и сдѣлаетъ средняго сына—Михаила Иларіоновича великимъ канцлеромъ обширной Россійской Имперіи и мужемъ двоюродной сестры императрицы Елисаветы.

Михаилъ Иларіоновичъ родился 12 іюля 1714 г. У него было два брата—Романъ и Иванъ,—и возвышеніе средняго отразилось понятно на всемъ семействѣ. Старшій братъ будущаго канцлера, Романъ, былъ родоначальникомъ тѣхъ Воронцовыхъ, которымъ главнымъ образомъ посвященъ этотъ очеркъ.

О дѣтствѣ Михаила Иларіоновича мы имѣемъ мало свѣдѣній, но то обстоятельство, что мать его Анна Григорьевна, урожденная Маслова, пользовалась дружбою знаменитаго святителя Димитрія Ростовскаго, достаточно объясняетъ фактъ, что будущій канцлеръ въ ту бѣдную образованными людьми эпоху выдѣлялся своею письменностью и книжнымъ образованіемъ. Благотворность близости святителя, который при чистотѣ жизни отличался большою любовью къ книжному просвѣщенію (извѣстно, что онъ велѣлъ обложить себя въ гробу своими черновыми рукописями), къ семьѣ Воронцовыхъ могла именно выразиться въ этомъ отношеніи,—и въ воспріимчивую душу даровитаго мальчика Михаила могли запасть рѣчи и примѣръ образованнаго пастыря. И мы дѣйствительно видимъ въ Михаилѣ Иларіоновичѣ человѣка, съ молодю любившаго книги, поддерживавшаго связи съ русскими и иностранными учеными и содѣйствовавшаго образованію своихъ племянниковъ—будущихъ государственныхъ дѣятелей—Семена и Александра Романовичей. Извѣстная образованность и способность владѣть перомъ были несомнѣнною причиною того, что Михаилъ Иларіоновичъ, при скромномъ дворѣ цесаревны Елисаветы, не изобиловавшимъ людьми письменными и книжными, являлся необходимымъ человѣкомъ.

По преданію, лицомъ, сблизившимъ съ Елисаветою семью Воронцовыхъ, что и явилось причиною необычнаго возвышенія послѣднихъ, была жена старшаго брата Михаила Иларіоновича (Романа), мать княгини Дашковой, — Марфа Ивановна, урожденная Сурмина; она, получивъ громадное наслѣдство отъ отца своего, служившаго при Петрѣ I «конюшимъ патріаршаго приказа», часто ссужала Елисавету деньгами, въ которыхъ какъ извѣстно цесаревна не рѣдко нуждалась. Въ кассѣ буду-

щей императрицы—повелительницы милліоновъ людей, за двѣ недѣли до восшествія на престоль, какъ видно изъ доношевія начальника вотчинныхъ дѣлъ, было менѣе *ста* рублей... При такомъ состояніи финансовъ Елисавета естественно должна была дорожить богатою сибирячкою Сурминой и отплатила впоследствии сторицею всей семьѣ Воронцовыхъ за оказанную ей помощь.

Какъ-бы то ни было, но въ 14 лѣтъ мы видимъ Михаила Иларіоновича нажемъ при дворѣ цесаревны. Здѣсь вѣроятно онъ научился по-французски, владѣя порядочно этимъ языкомъ и иногда ведя на немъ корреспонденцію. Что же касается до нѣмецкаго, то какъ видно изъ одной записки Екатерины II, просившей канцлера присылать ей нѣмецкія депеши,—последній имъ не владѣлъ.

Хотя цесаревна Елисавета и находилась въ опалѣ при жесткой характеромъ императрицѣ Аннѣ, имѣвшей конечно право питать подозрительность къ дочери Петра Великаго, но какъ извѣстно опальная цесаревна умѣла и въ своемъ уединеніи отъ двора—весело жить. Она была добрая, мягкосердечная женщина, не забывавшая оказанныхъ ей услугъ и способная на долгую привязанность. Какъ и многія женщины, — склонная иногда прощать большое, она могла однако жестоко мстить за дерзость—соперничать съ нею красотою или затмѣвать ее нарядами на придворныхъ балахъ. Извѣстно, что главнымъ образомъ за эти вины поплатилась красавица Лопухина. Тѣмъ не менѣе Елисавета обладала симпатичнымъ, добрымъ сердцемъ и въ этомъ отношеніи была совершеннымъ антиподомъ своей кузины, суровой и безпощадной Анны Іоанновны.

Весьма возможно, что въ атмосферѣ этого веселаго, не знавшаго особенныхъ этикетовъ двора цесаревны, вблизи жизнерадостной Елисаветы, значительно окрѣпли тѣ черты добродушія и гуманности въ характерѣ Михаила Иларіоновича, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ дѣйствіяхъ этого вельможи. Можетъ быть тутъ сказалось и вліяніе доброй матери, а также и близость въ дѣтствѣ, когда такъ глубоко западаютъ въ душу всѣ впечатлѣнія, къ великому подвижнику земли русской—святителю Димитрію Ростовскому. Во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что имя Михаила Иларіоновича не замѣшано ни въ одномъ кровавомъ процессѣ того времени и его совѣсть была чиста отъ обвиненія въ приобрѣтеніи личнаго благополучія путемъ несчастія другихъ. А это было обычнымъ явленіемъ въ то время.

Когда подвергшійся опалѣ знаменитый канцлеръ Бестужевъ явился въ совѣтъ, гдѣ ему объявили немилость государыни и гдѣ его арестовали, и когда непримиримый врагъ Бестужева, фельдмаршалъ князь Трубецкой, собственными руками сорвалъ съ опальнаго Андреевскую ленту—это очень оскорбило и опечалило Воронцова, хотя Бестужевъ былъ не разъ причиною и его собственныхъ огорченій. Отношеніе Воронцова къ дочери, женѣ и племянникамъ ясно говоритъ о гуманности этого перваго канцлера изъ даровитой семьи Воронцовыхъ.

Будучи камеръ-юнкеромъ Елисаветы, Михаилъ Иларіоновичъ исполнялъ многія порученія цесаревны,—въ томъ числѣ и важныя. Мы уже сказали, что дочь Петра I должна была дорожить Воронцовымъ: онъ одинъ въ ея маленькомъ придворномъ штатѣ владѣлъ перомъ, много читалъ и отличался образованіемъ. При исполненіи порученій, цесаревна могла убѣдиться въ ловкости и преданности своего камеръ-юнкера. И по всему видно, что Елисавета отличала Михаила Иларіоновича и вѣрила ему. «Понеже я ни на кого такую надежду не имѣю, какъ на васъ»,—писала цесаревна Воронцову,—«такъ какъ себѣ вѣрю: много апробацій имѣла». Долгое пребываніе при Елисаветѣ сдружило послѣднюю съ Михаиломъ Иларіоновичемъ и заставило видѣть въ немъ искреннаго и преданнаго слугу; вотъ причины, по которымъ онъ—одинъ изъ немногихъ—былъ посвященъ въ тайну задуманнаго переворота.

Настало 25 ноября 1741 г. Этотъ день, принесшій несчастіе правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и ея многострадальному семейству, былъ началомъ новой эры для рода Воронцовыхъ: Михаилъ Иларіоновичъ принималъ въ событіяхъ этого дня самое дѣятельное участіе. Владычество нѣмцевъ давно набило оскомину русскимъ. Живо было еще въ обществѣ воспоминаніе о жестокостяхъ Бирона, курляндскаго конюха, распорядившагося въ Россіи, какъ когда-то у себя на конюшнѣ. Взоры всѣхъ были обращены на дочь Петра, казавшуюся въ глазахъ народа самою законною обладательницею престола отца и преемницею его славы. Недавній блестящій успѣхъ знаменитой расправы Миниха съ Бирономъ кружилъ головы многимъ честолюбцамъ и заставлялъ надѣяться на удачу и новаго предпріятія.

Извѣстно какъ произошло это достопамятное событіе. Въ ночь на 25 ноября 1741 г. цесаревна въ саняхъ Воронцова, съ Михаиломъ Иларіоновичемъ, ставшимъ на запяткахъ, и со-

проводимая другими санями, занятыми ея приверженцами, пріѣхала въ Преображенскія казармы, гдѣ уже находился Лестокъ; этотъ авантюристъ предусмотрительно распоролъ ножомъ кожу барабана, чтобъ растерявшійся часовой не произвелъ тревоги. Впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ, Лестокъ не дожидаясь въ казармахъ, но стоялъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Иларіоновичемъ на запяткахъ саней Елисаветы. Лестокъ и Воронцовъ тогда же арестовали Анну Леопольдовну и ея семейство.

Если мы примемъ во вниманіе, что въ случаѣ неуспѣха отважнаго предпріятія участникамъ его грозила страшная судьба, и что вообще для участія въ такомъ романтически-смѣломъ поступкѣ нужна была не робкая душа, то мы можемъ сказать, что добродушный и гуманнѣйшій Михаилъ Иларіоновичъ скрывалъ въ себѣ недюжинную энергію и отвагу, и что съ другой стороны онъ былъ искренно преданъ цесаревнѣ.

Утро 25 ноября возвѣстило о новой русской императрицѣ и о милостяхъ къ ея друзьямъ и помощникамъ въ дѣлѣ воцаренія. Милости, доставшіяся на долю Михаила Иларіоновича, вполне вознаградили его за рискъ участія въ совершенномъ дѣлѣ. Онъ былъ пожалованъ въ камергеры (въ то время это званіе считалось болѣе рѣдкимъ, чѣмъ нынѣ) къ воцарившейся императрицѣ, произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ лейтенантомъ роты Преображенскихъ гренадеръ, которая съ тѣхъ поръ получила названіе лейбъ-кампаніи и тѣ рядовые ея, которые не были дворянами, возведены въ это достоинство и одарены помѣстьями. Михаилъ Иларіоновичъ тоже сдѣлался владѣльцемъ богатыхъ помѣстій и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Вся семья Воронцовыхъ, послѣ счастливаго воцаренія Елисаветы, была осыпана милостями государыни, а жена брата Михаила Иларіоновича, — Романа, Марфа Ивановна, пользовалась неизмѣнною дружбою государыни до самой своей смерти, несмотря на зависть и наговоры на нее императрицѣ со стороны Шуваловой, имѣвшей большое вліяніе при дворѣ.

Скоро служба Михаила Иларіоновича ознаменовалась новыми милостями Елисаветы: она ему предложила жениться на одной изъ своихъ двоюродныхъ сестеръ, графинѣ Гендриковой или графинѣ Скавронской, дочеряхъ двухъ родственниковъ императрицы Екатерины I. Михаилъ Иларіоновичъ выбралъ «къ счастью» (по выраженію его племянника графа Александра Романовича, въ автобіографической запискѣ) графиню Скаврон-

скую и дѣйствительно жилъ съ нею въ полномъ согласіи, хотя, какъ увидимъ ниже, не былъ счастливъ въ своемъ потомствѣ. Этотъ бракъ (въ 1742 г.) съ родственницею государыни на время еще болѣе сблизилъ Воронцова съ Елисаветою и ознаменовался новыми милостями для всей семьи любимцевъ. Впрочемъ вскорѣ произошли обстоятельства, которыя охладили чувства со стороны императрицы къ ея камергеру. Чистосердечный и неискусный въ интригѣ, Воронцовъ не могъ хорошо лавировать среди разнообразныхъ придворныхъ теченій, гдѣ были опытные интриганы вроде Вестужева.

Интересную и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную картину представляла жизнь высокопоставленныхъ сановниковъ и придворной толпы въ началѣ и срединѣ прошлаго столѣтія. Эта жизнь представляла собою положительную «пляску на вулканѣ». И съ страшными ударами судьбы и коварною переменчивостью счастья пришлось ознакомиться большинству тогдашнихъ вельможъ. «Полудержавный властелинъ» Меньшиковъ, мечтавшій основать даже чуть не собственную династію, обладатель громаднхъ богатствъ, извѣдавшій всѣ почести, какія только возможны «на высотѣ», — кончилъ бѣднымъ изгнанникомъ въ Березовѣ, въ избѣ, занесенной сугробами снѣга... И это изгнаніе смирило гордую душу временщика: жестокой и надменный раньше, — онъ кончилъ жизнь кроткимъ христіаниномъ, со святымъ и умиротворяющимъ Евангеліемъ въ рукахъ... Участь Долгорукихъ, пославшихъ Меньшикова въ ссылку, оказалась еще страшнѣе: послѣ мукъ униженія, послѣ позора и бѣдствій долгаго изгнанія, они были вновь судимы и погибли на эшафотѣ мучительною смертію. И какой длинной веревницей тянутся эти страдальческія тѣни прошлаго, дѣянія которыхъ теперь мирно покоятся въ архивахъ! Биронъ, Остерманъ, Левенвольдъ, Минихъ, Девьеръ, Волынской... Сколько кровавыхъ воспоминаній вызываютъ эти имена въ нашемъ воображеніи!

Царствованіе Елисаветы было правда не такъ богато печальными процессами, — оно въ этомъ отношеніи уступало предыдущимъ царствованіямъ, въ особенности Петровскому времени и Бироновщинѣ, — но все-таки нравы нашихъ предковъ не могли внезапно изъ жестокихъ сдѣлаться мягкими. Люди слишкомъ огрубѣли отъ тѣхъ ежовыхъ рукавицъ, въ которыхъ ихъ держали ранѣе, и кромѣ того многіе еще дѣятели прежняго времени перешли дѣятелями и въ новую эпоху.

Однимъ изъ сановниковъ, искусившихся въ интригѣ и игравшихъ большую роль при Елисаветѣ, является Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, бывший кабинетъ-министръ въ царствованіе Анны и вице-канцлеръ при началѣ правленія Елисаветы. Это былъ человѣкъ необычайно хитрый, замѣчательно даровитый и съ большими государственными знаніями. Воспитанный въ трудной школѣ Бироновщины, когда приходилось изловчаться всевозможными средствами, Бестужевъ могъ провести и вывести на «свѣжую воду» всякаго, хотя—по пословицѣ «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить»—и «старая лиса» Бестужевъ въ концѣ-концовъ сломалъ себѣ голову. Страстный противникъ Пруссіи и Франціи, онъ оказалъ въ свое время большія услуги родинѣ на политическомъ поприщѣ. Благодаря энергій и ловкости, Бестужевъ побѣждалъ всѣхъ своихъ противниковъ и не постѣснился выслать изъ Россіи французскаго посланника Шетарди, помогавшаго деньгами воцаренію Елисаветы, и думавшаго найти въ ней орудіе французскихъ происковъ. Бестужевъ, вѣрно служившій интересамъ Россіи, разрушилъ козни Шетарди, воспользовавшись оригинальнымъ способомъ, изобрѣтеннымъ Фридрихомъ II,—перехватыванія чужихъ писемъ («перлюстрація»). Французъ неосторожно отзывался въ своей корреспонденціи объ императрицѣ,—письма были показаны государынѣ и Шетарди выслали изъ Петербурга въ 24 часа. Мы упоминаемъ объ этомъ обстоятельстве и враждѣ къ Франціи со стороны Бестужева потому, что эти причины имѣли въ послѣдствіи вліяніе на группировку партій при дворѣ и на отношенія Воронцовыхъ къ Бестужеву.

Бестужевъ, видя сначала въ Воронцовѣ помощника себѣ и человѣка, близкаго къ государынѣ, способствовалъ, послѣ полученія мѣста великаго канцлера, опредѣленію Михаіла Иларіоновича въ вице-канцлеры (1744 г.). Этою мѣрою онъ думалъ создать себѣ приверженца, и съ другой стороны для него являлось весьма удобнымъ то обстоятельство, что Воронцовъ часто видѣлся съ Елисаветою и могъ ей чаще докладывать, нежели самъ Бестужевъ: государыня не особенно любила дѣла, да еще въ докладахъ такого желчнаго, подозрительнаго старика, какимъ былъ великій канцлеръ. Михаілъ Иларіоновичъ,—и это дѣлаетъ ему честь,—всегда цѣнилъ таланты Бестужева и его расположеніе къ себѣ. Молодой вице-канцлеръ усердно занимался дѣлами и его проекты часто одобрялъ самъ канцлеръ.

Дѣятельность съ Бестужевымъ была великолѣбною школою для Воронцова: можетъ быть этому-то послѣдній главнымъ образомъ и обязавъ своими государственными знаніями и способностями, не безъ пользы впослѣдствіи примѣненными къ дѣлу.

Но несмотря на вышесказанное, столкновенія между Воронцовымъ и Бестужевымъ были неизбѣжны: первый, частью по убѣжденію, а частью—изъ-за личныхъ привязанностей къ представителямъ Франціи въ Россіи, съ которыми его сдружило общее участіе въ событіи 25 ноября, — держалъ сторону этой державы, между тѣмъ какъ Бестужевъ былъ ея ненавистникомъ.

Старый канцлеръ счумѣлъ устранить молодого своего помощника отъ дѣлъ и вліянія на императрицу, — устроивъ его поѣздку за границу, которой Воронцовъ, пожалованный въ 1744 году въ графы Римской имперіи, очень желалъ и ранѣе. Въ это путешествіе онъ отправился съ женою и дочерью (родившеюся въ 1743 г.), въ концѣ 1745 г. По обыкновенію всѣхъ путешествующихъ русскихъ вельможъ, Михаилъ Иларіоновичъ смотрѣлъ въ Европѣ разныя диковины, покупалъ себѣ различныя рѣдкости, представлялся по дорогѣ знатымъ лицамъ и царствующимъ особамъ, не забывая о своихъ впечатлѣніяхъ сообщать знаменитому канцлеру. Въ свою очередь и Бестужевъ писалъ Воронцову льстивыя письма, неизмѣнно заканчивая ихъ «нижайшею просьбою о дружбѣ ихъ сіятельствъ».

Въ этой поѣздкѣ прошелъ годъ, но старый канцлеръ, не терпѣвшій, по своему громадному честолюбію, соперниковъ во вліяніи на дѣла и государыню, счумѣлъ, за время отсутствія своего помощника, напелсти на него такую сѣть интригъ и клеветы, и такъ убѣдить въ справедливости этихъ навѣтовъ Елисавету, что она совершенно измѣнилась въ отношеніяхъ къ своему испытанному слугѣ и родственнику.

Нѣсколько лѣтъ Михаилъ Иларіоновичъ не былъ у «личнаго доклада» государынѣ, его просьбы не исполнялись, а вліяніе на дѣла было самое незначительное. Но и любовь императрицы, и милости ея вернулись съ лихвою къ Воронцову впослѣдствіи.

Мы должны отмѣтить симпатичную черту вице-канцлера, — его любовное и ласковое отношеніе къ роднѣ, и въ особенности къ дѣтямъ овдовѣвшаго въ это время брата Романа. По возвращеніи изъ-за границы, Михаилъ Иларіоновичъ взялъ къ себѣ въ домъ младшую племянницу (впослѣдствіи знаменитая княгиня Дашкова). Она была однолѣткомъ единственной

дочери вице-канцлера и воспитывалась вмѣстѣ съ нею въ домѣ дяди, гдѣ прожила до самаго замужества. Племянники вице-канцлера—Александръ и Семенъ Романовичи съ дѣтства почти постоянно бывали у дяди и онъ, какъ добрый отецъ, заботился объ ихъ воспитаніи и образованіи. Такая близость къ дядѣ и дѣламъ государственнымъ, вмѣстѣ съ заботливымъ и ласковымъ отношеніемъ Михайла Иларіоновича къ племянникамъ, послужила для послѣднихъ прекрасною подготовительною школою къ будущей дѣятельности и хорошо ознакомила ихъ съ тогдашними дѣлами и политическими дѣятелями.

За это-же время охлажденія императрицы, Михайлъ Иларіоновичъ начинаетъ испытывать затрудненія въ денежныхъ дѣлахъ, и эти затрудненія потомъ красною нитью проходятъ черезъ всю его жизнь.

Не имѣя родового состоянія и не умѣя устраивать своихъ дѣлъ,—въ чемъ онъ совершенно не походилъ на брата Романа и старшаго сына послѣдняго Александра, скопившихъ громадные воронцовскія богатства,—Михайлъ Иларіоновичъ постоянно нуждался и въ его просительныхъ письмахъ къ императрицѣ о «пожалованіяхъ» встрѣчаются самыя краснорѣчивыя изображенія денежныхъ бѣдствій просителя. Часто эти письма кромѣ того содержатъ внушительные списки долговъ Воронцова, и въ нихъ вице-канцлеръ ссылается на то, что въ его званіи нельзя «жить по философски, а надо—по министерски». Ему нужно шить ливреи лакеямъ, богатая платья, «иллюминаціи и трактаменты дѣлать». То онъ проситъ взять назадъ пожалованныя ему деревни и выдать за нихъ деньги, то повторяетъ ту-же просьбу о принадлежащихъ ему горныхъ заводахъ.

Хотя эти постоянныя просьбы Михайла Иларіоновича, какъ-бы даютъ поводъ заподозрить его въ жадности, во на самомъ дѣлѣ онъ не былъ такимъ и по справедливости могъ закончить свои моленія къ государынѣ утвержденіемъ: «я отъ природы не сребролюбецъ и послѣ меня богатства не останется!» Вице-канцлеръ могъ смѣло говорить такъ: его тароватость и «простота» не подлежатъ сомнѣнію,—они-то и заставляли Воронцова допекать Елисавету «воплемъ» о помощи. Высокое званіе, которымъ былъ облеченъ Михайлъ Иларіоновичъ, и близость его къ государынѣ обязывали много тратить на «представительство», на что онъ и ссылается въ просьбахъ. Ослѣ-

пительная роскошь самой императрицы давала въ этомъ отношеніи соблазнительный примѣръ подданнымъ.

Къ чести Михаила Иларіоновича нужно сказать, что онъ, стоя такъ высоко на ступеняхъ общественной лѣстницы, никогда не злоупотреблялъ своею властью изъ-за личныхъ выгодъ, въ чемъ не мало былъ грѣшенъ его старшій братъ Романъ.

Мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести выдержку изъ одного просительнаго письма Михаила Иларіоновича о пожалованіи ему деревень. «Ибо, — пишетъ Воронцовъ, — какъ свѣтъ сей безъ варіацій и теплоты солнечнаго сіянія никакъ пробыть, а тѣло безъ души — движенія отнюдь имѣть не можетъ, такъ и мы всѣ, вѣрные рабы Ваши, безъ милости и награжденія Ваш. Импер. Вел. прожить не можемъ... И я ни единого дома, фамиліи въ государствѣ не знаю, которые-бы собственно безъ награжденій отъ Монаршихъ щедротъ себя содержали».

Послѣднее замѣчаніе Воронцова весьма справедливо.

Съ возвращеніемъ милостей Елисаветы (въ 1753 г.), удивившейся въ несправедливости навѣтовъ Бестужева, Воронцовъ наконецъ получилъ возможность поправить свои дѣла: ему было пожаловано одно изъ лучшихъ барскихъ имѣній въ Ливоніи, Маріенбургъ; но непрактичный вице-канцлеръ, нуждаясь въ наличныхъ деньгахъ, продалъ его за баснословно дешевую цѣну барону Фитингофу, положившему эту покупкою начало своему громадному богатству.

Императрица учредила конференцію или постоянный совѣтъ, собиравшійся во дворцѣ два раза въ недѣлю для сужденія о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Однимъ изъ усердныхъ посѣтителей и работниковъ въ этомъ совѣтѣ былъ Воронцовъ, проекты котораго, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, часто одобрялись Бестужевымъ. Но все-таки слѣдуетъ сказать правду, что вице-канцлеръ ничѣмъ особеннымъ въ своей государственной дѣятельности не выдавался и въ совѣтѣ попрежнему доминировалъ знающій и изворотливый Бестужевъ. Во всякомъ случаѣ за Михаиломъ Иларіоновичемъ нѣтъ передъ отечествомъ особенныхъ заслугъ въ дѣлахъ политическихъ, гдѣ ему правда, и трудно было выдѣлиться при Бестужевѣ. Но вниманіе историка останавливается на немъ, какъ на дѣятельномъ и порядочномъ работникѣ, безкорыстномъ и добромъ человѣкѣ и какъ на подготовителѣ своихъ племянниковъ Александра и Семена Романовичей къ будущей ихъ дѣятельности.

Отношенія вице-канцлера къ русскому гению Ломоносову способны только усилить наше уваженіе къ безкорыстному и доброму меценату Воронцову: онъ помогаль Ломоносову, ходатайствовалъ за него и переписывался съ нимъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ диковинному помору. Непокладистый и неспускавшій даже «сильнымъ міра», Ломоносовъ кажется искренно уважалъ Михаила Иларіоновича.

Ломоносовъ, какъ извѣстно, былъ на всѣ руки мастеръ и имѣль право произнести свой знаменитый и гордый отвѣтъ Шувалову. Послѣдній, разсердившись на Ломоносова, сказалъ ему, что «отставить его отъ академіи», на что не дававшей и вельможамъ спуску Михаилъ Васильевичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ: развѣ академію отъ *меня* отставятъ!

Графъ Воронцовъ часто пользовался разнообразными услугами Ломоносова: послѣдній сочиняль ему надписи на транспаранты, писалъ стихи и устраивалъ иллюминаціи, хотя и въ этомъ случаѣ сказывалась неладница въ денежныхъ дѣлахъ Михаила Иларіоновича. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ Ломоносову онъ просить объ устройствѣ иллюминаціи по случаю какого-то торжества, но жалуется на денежную «скудость» и потому желаетъ уладить это дѣло «на 500 рублей»... Памятникъ на могилѣ Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ воздвигнуть его искреннимъ почитателемъ — Михаиломъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ. *

Кромѣ переписки съ Ломоносовымъ, Михаилъ Иларіоновичъ велъ корреспонденцію и съ другими просвѣщенными русскими людьми, напрямѣръ — Кантемиромъ. Многія письма Воронцова испещрены цитатами изъ Вольтера и др. писателей. Замѣчательнъ фактъ, что многіе изъ нашихъ властительныхъ вельможъ, — даже самые отчаянные реакціонеры, — уважали Вольтеромъ и поддерживали оживленныя сношенія съ этимъ рѣзкимъ разрушителемъ всякихъ кастовыхъ привилегій и тонкимъ борцомъ за свободу и гуманность. Этотъ фактъ конечно объясняется подражательностью и модою, и сомнительно, чтобъ здѣсь участвовала разумная и ясная оцѣнка со стороны нашихъ тогдашнихъ сановниковъ дѣятельности великаго писателя.

Наряду съ важными государственными дѣлами и порученіями, Михаилу Иларіоновичу приходилось нерѣдко, какъ и другимъ крупнымъ лицамъ, исполнять для государыни смѣшныя комисіи. И этотъ фактъ характеризуетъ вообще отношеніе

тогдашнихъ властителей къ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ,—какъ къ личнымъ ихъ слугамъ и исполнителямъ прихотей. При Аняѣ Іоанновѣ цѣлый рядъ представителей знаменитыхъ фамилій забавлялъ ее шутовскими выходками, даже кудахта по куриному въ лукошкахъ въ комнатѣ государыни.

При Елисаветѣ нравы были конечно мягче, но въ дѣловой корреспонденціи Михаила Иларіоновича мы встрѣчаемъ слѣды довольно странныхъ порученій его повелительницы. Въ письмахъ напримѣръ къ Михаилу Петровичу Бестужеву (посланнику въ Парижѣ, брату канцлера) Воронцовъ просилъ, «для высочайшаго любопытства» немедленно доставить портретъ въ натуральную величину «славнаго карла короля польскаго Ставислава». Но всѣ подобныя черты конечно были въ нравахъ того далекаго прошлаго, о которомъ мы здѣсь рассказываемъ.

Изъ записокъ княгини Дашковой видно, какое стараніе прилагалъ Михаилъ Иларіоновичъ къ тому, чтобъ дать лучшее воспитаніе своей единственной дочери вмѣстѣ съ подругою ея дѣтства—извѣстнымъ впослѣдствіи «Президентомъ Россійской Академіи». Обѣ онѣ обучались у лучшихъ тогдашнихъ учителей разнымъ наукамъ и знали четыре языка. Вице-канцлеръ, какъ мы уже знаемъ, заботился и о воспитаніи своихъ племянниковъ, дѣтей брата Романа,—человѣка еще не стараго, отдавагося свѣтскимъ удовольствіямъ и мало обращаваго вниманія на свое потомство.

Изъ сказаннаго нами обрисовывается портретъ перваго высокопоставленнаго Воронцова. Это былъ добрый, хорошій и просвѣщенный человѣкъ съ большою душевною «мягкостью», рѣдкій экземпляръ въ то жесткое и невѣжественное время, что не исключало однако въ немъ извѣстной нравственной стойкости въ важныхъ вопросахъ; трудолюбиво и съ талантомъ занимавшійся государственными дѣлами сановникъ, хотя и не отличавшійся, какъ его знаменитый современникъ—Бестужевъ, чрезвычайными дарованіями. Рѣдкій семьянинъ, гуманный и заботливый въ попеченіяхъ о родныхъ и знакомыхъ,—онъ и въ этомъ отношеніи далеко выдѣлялся изъ круга своихъ надменныхъ современниковъ. Его безкорыстіе было несомнѣнно. Разные современники—кн. Щербатовъ. Манштейнъ и др.,—оставившіе намъ записки о дѣлахъ минувшаго, не сходясь въ оцѣнкѣ дарованій Михаила Иларіоновича, всѣ единогласно отдають ему справедливость, какъ человѣку безкорыстному и чуждому

интригъ. Вѣроятно послѣднее обстоятельство немало способствовало тому, что онъ не имѣлъ особенныхъ враговъ и что ему пришлось удержаться на достаточной высотѣ при всѣхъ позже послѣдовавшихъ на родинѣ событіяхъ. Въ общемъ съ этими же симпатичными, но не особенно выразительными чертами смотреть на насъ образъ Михаила Иларіоновича и со страницъ воспоминаній о немъ его племянниковъ—Александра и Семена Воронцовыхъ, многимъ обязаннымъ дядѣ и глубоко уважавшимъ его.

Царствованіе Елисаветы было прекраснымъ временемъ для семьи Воронцовыхъ. Двѣ старшія племянницы Михаила Иларіоновича (дочери брата Романа) были почти съ дѣтства фрейлинами императрицы, у которой часто собиралась молодежь на обѣды и балы. Въ домѣ вице-канцлера, вышнемъ пажескомъ корпусѣ, постоянно почти находились представители всей фамилии Воронцовыхъ, въ особенности часто—дѣти Романа Иларіоновича. Очень нерѣдко запросто бывала тамъ и императрица, какъ извѣстно, очень привѣтливая и простая, когда этому не препятствовали суровыя правила придворнаго этикета.

Но то время было чревато перемѣнами и событіями огромной важности, которыя захватывали въ свой круговоротъ всѣхъ властныхъ представителей современнаго общества... При дворѣ уже давно, на смѣну Разумовскому, появился Шуваловъ. Великая княгиня (впослѣдствіи императрица Екатерина II), будучи 9 лѣтъ бездѣтною, разрѣшилась отъ бремени сыномъ... Это событіе, упрочивавшее престолонаслѣдіе, необычайно обрадовало Елисавету и было отпраздновано безконечными пирами и увеселеніями, причемъ на окружающихъ пролились многія милости государыни... Приближалось уже время опалы Бестужева и возвышенія Воронцова; время знаменитыхъ побѣдъ русскаго оружія надъ Фридрихомъ Великимъ. Это время прибавляетъ нѣсколько новыхъ симпатичныхъ чертъ къ портрету Михаила Иларіоновича, и мы теперь перейдемъ къ названной эпохѣ.

ГЛАВА II.

Михаилъ Воронцовъ—великій канцлеръ.

Могущество Бестужева. — Опала Лестока. — Замыслы канцлера. — Ненависть къ Фридриху Великому. — Союзъ съ Франціей и дѣятельность Михаила Воронцова. — Разгромъ Пруссіи. — Щедрость на проекты. — Отступленіе Апраксина. — Опала Бестужева. — Назначеніе канцлеромъ Воронцова. — Монополіи и откупы. — Грѣхъ за Воронцовымъ по этой части. — Юноша Воронцовъ — посломъ въ Англію. — Смерть Елисаветы. — Память о „добрѣй феѣ“ у Воронцовыхъ. — Воцареніе Петра III. — Совѣты канцлера племяннику. — Осторожность дипломата. — Добрая отношенія къ подчиненнымъ.

Канцлеръ Бестужевъ достигъ могущества въ срединѣ царствованія Елисаветы. Въ костлявомъ и худомъ тѣлѣ этого человѣка жила могучая душа и борьба съ нимъ была чрезвычайно трудна и опасна. Непомѣрное честолюбіе являлось его господствующею страстью, но это честолюбіе счастливо сочеталось съ достиженіемъ результатовъ, полезныхъ государству. Хитрый старикъ притомъ не забывалъ обидъ и не стѣснялся въ достиженіи своихъ цѣлей никакими средствами. Мы уже видѣли, какъ онъ ловко удалилъ препятствовавшего его планамъ посланника Франціи Шетарди. Въ своей ненависти къ Фридриху II онъ пошелъ еще дальше и не постѣснялся удалить изъ Россіи принцессу Ангальтъ-Цербстскую, мать Екатерины II, слишкомъ усердно и безцеремонно интриговавшую въ пользу прусскаго короля. Наступила очередь и Лестока.

Знаменитый авантюристъ достигъ въ началѣ царствованія Елисаветы всего, чего только можетъ жаждать человѣкъ, цѣнящій «земныя блага»: почестей, чиновъ, орденовъ и богатствъ, пользуясь притомъ большимъ вліяніемъ на императрицу. Но всего этого Лестоку было мало: онъ повидимому скучалъ безъ интригъ и тяготился вліяніемъ Бестужева. Подкапываясь подъ него, онъ придрался къ случаю «заговора Ботты», чтобъ доканать врага и въ этомъ случаѣ кромѣ другихъ лицъ, пострадалъ Лопухинъ и жена брата канцлера (впослѣдствіи нашего парижскаго посла). Однако, хотя это событіе въ извѣстной степени и отразилось на репутаціи Бестужевыхъ, но императрица слишкомъ цѣнила зна-

нія братьевъ, — въ особенности великаго канцлера, — чтобы оправдать надежды Лестока на гибель враговъ. Старикъ, великолѣпно зная всѣ государственныя дѣла, снималъ съ императрицы тяжелую обузу управленія Россією: онъ такъ сказать «разжевывалъ» ей всякое дѣло и вся забота ея заключалась только въ томъ, чтобъ написать на докладываемой бумагѣ знаменитое «Елисаветъ».

Въ свою очередь Бестужевъ отплатилъ Лестоку за его подкобы. Послѣднему пришлось испытать всѣ неудобства борьбы съ канцлеромъ и муки тѣхъ пытокъ, на которыя онъ самъ съ большою легкостью послалъ несчастныхъ женщинъ, виновныхъ развѣ только въ излишней болтливости, а Лопухина — еще и въ томъ, что, какъ было сказано выше, соперничала красотой и нарядами съ государыней. Но Лестокъ оказался стойкимъ на дыбѣ и отъ него ничего не допытались, хотя обвиняли и уличали во многомъ. Дѣйствительно этотъ смѣлый французъ былъ способенъ на всякія «авантюры», но въ упоминаемое время (1748 г.) его вины заключались главнымъ образомъ въ томъ, что онъ съ представителей всѣхъ державъ бралъ взятки и часто дѣйствовалъ въ пользу тѣхъ государствъ, интересы которыхъ были противны выгодамъ Россіи.

Звѣзда Бестужева померкла черезъ десять лѣтъ послѣ осужденія Лестока, но все-таки и эта «старая лиса» дождалась печальнаго конца (1758 г.). Старикъ давно уже началъ надѣлать императрицѣ своимъ брюзжаньемъ, неподатливымъ характеромъ и постоянными навѣтами на окружающихъ. Кромѣ того онъ не переставалъ измышлять разныя рискованныя политическія комбинаціи и дождался наконецъ обвиненія, можетъ быть до извѣстной степени и справедливаго, — въ желаніи устранить отъ престола Петра III, обвиненія, которое и было причиною его паденія, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ слишкомъ много ненавистниковъ и враговъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому обстоятельству, выдвинувшему Мих. Илар., мы должны бросить взглядъ на тогдашнія европейскія событія и положеніе дѣлъ при русскомъ дворѣ.

Знаменитое «европейское равновѣсіе», въ стремленіи къ которому наши политики дѣлаютъ положеніе Европы такимъ шаткимъ и неустойчивымъ и постоянно дерутся, — имѣло и тогда многихъ адептовъ среди людей, заправлявшихъ судьбами государствъ; оно и тогда было одною изъ незыблемыхъ аксіомъ по-

литическихъ доктринеровъ. Успѣшная борьба Фридриха Великаго съ Австріею за политическое преобладаніе сдѣлала слишкомъ сильнымъ этого государя и нарушала пресловутое «равновѣсіе». Начали образовываться союзы и противъ Фридриха, и одною изъ первыхъ державъ, отпавшихъ отъ Пруссіи, была Франція.

У насъ всѣ одинаково ненавидѣли Фридриха, кромѣ только великаго князя (Петра III), его страстнаго почитателя. Въ государынѣ искусно раздували непріязнь къ ея коронованному современнику, выставляя на видъ его злословіе и коварные замыслы замѣстить дочь Петра на русскомъ престолѣ другими претендентами. Непріязнь къ Пруссіи была общая, но къ Франціи относились различно: Бестужевъ ее не любилъ, а Воронцовъ и Шуваловъ, ставшіе могущественными при дворѣ, тяготѣли издавна къ ней. Сношенія съ этою страной, прерванныя почти на 10 лѣтъ, возобновились при энергическомъ содѣйствіи Михаила Иларіоновича Воронцова. Послѣдній дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не по однимъ личнымъ симпатіямъ, но и по убѣжденію въ пользѣ союза съ родиною Вольтера. «Я никакого пристрастія и ненависти ни къ какимъ иностраннымъ государствамъ не имѣлъ, не имѣю и впредь не буду»,—писалъ онъ еще раньше Елисаветѣ, вѣроятно послѣ навѣтовъ на него со стороны Бестужева.—«Они всѣ у меня дотолѣ въ почтеніи содержатся, доколѣ къ Вашему Величеству въ искренней дружбѣ и любви пребудутъ». Но какъ-бы ни думалъ Воронцовъ о выгодахъ политическаго союза съ Франціею или другою державою, онѣ, эти державы, тогда, какъ и теперь, старались «выгребать жаръ изъ печи» русскими руками...

И такъ, послѣ успѣховъ Фридриха и подъ вліяніемъ сильной французской партіи при дворѣ, былъ заключенъ союзъ съ Франціею; и въ этомъ дѣлѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Михаилъ Иларіоновичъ. Переговоры велись помимо Бестужева и втайнѣ отъ него, такъ что канцлеръ узналъ о союзѣ съ Франціею тогда, когда уже все совершилось.

Успѣхъ этой политической комбинаціи былъ первымъ сильнымъ ударомъ для самолюбиваго великаго канцлера. Впрочемъ всѣ уже давно замѣчали охлажденіе государыни къ когда-то всемогущему министру. По отзывамъ современниковъ, къ этому времени и самъ канцлеръ не такъ усердно работалъ, какъ прежде; вѣчныя интриги, постоянно напряженная нервная дѣятельность, множество дѣлъ—все это могло утомить кого

удовно. Очень можетъ быть, что на канцлера расхолаживающе дѣйствовало и измѣнившееся отношеніе императрицы, — по цѣлымъ годамъ не принимавшей его съ докладами, — а также и то, что трудами рукъ Вестужева пользовались другіе; но является несомнѣннымъ, что хитрый старикъ въ упоминаемое время не выказывалъ уже прежней энергіи.

Мы не будемъ здѣсь излагать подробно послѣдовавшихъ вскорѣ за образованіемъ союза противъ Фридриха II дѣйствій Россіи въ семилѣтнюю войну, — это завело-бы насъ далеко за предѣлы нашего очерка. Громъ русскихъ побѣдъ, — правда, доставшихся намъ цѣною громадныхъ жертвъ, — наполнилъ всю Европу. Непобѣдимый, гениальный Фридрихъ остался безъ войска и въ отчаяніи хотѣлъ покончить съ жизнью, враги наводнили и опустошали его родину, Кенигсбергъ и Берлинъ были взяты и губернаторомъ королевства Прусскаго состоялъ русскій генералъ Корфъ... Существовало даже желаніе присоединить «прусскую провинцію» къ Россіи: Пруссія уже присягнула на подданство Елисаветѣ и въ этой новой нашей «губерніи» заводились русскіе порядки... Разсказываютъ, что фавориту Шувалову очень хотѣлось прибавить къ своему титулу и названіе «герцога прусскаго». Если пирожникъ Меньшиковъ былъ «свѣтлѣйшимъ герцогомъ ижорскимъ», а берейторъ Биронъ — «герцогомъ курляндскимъ», то отчего-же Шувалову, прирожденному русскому дворянину, не сдѣлаться герцогомъ прусскимъ? Весьма возможно, что онъ нѣкоторое время питалъ эти надежды, а Елисавета не прочь была исполнить его желаніе, тѣмъ болѣе, что это послужило бы къ униженію ненавистнаго Фридриха, очень невыгодно отзывавшагося и зло острившаго на счетъ русской императрицы.

Вообще то далекое время было очень щедро на самые несбыточные проекты. Вспомнимъ хотя-бы планъ Екатерины II — завоевать всю Турцію и посадить на византійскомъ престолѣ своего внука, которому съ этою цѣлью и было дано при рожденіи имя Константина. И тогда еще Турція считалась колоссомъ «на глиняныхъ ногахъ», хотя этотъ колоссъ живетъ съ тѣхъ поръ уже болѣе сотни лѣтъ, проживетъ, вѣроятно и еще не мало времени, а если и рухнетъ, то завалитъ своими обломками всю Европу. Вопреки пословицѣ: «у семи нянекъ — дитя безъ глазъ», — европейскія няни не совсѣмъ еще занянычили этого живучаго младенца...

Щедрость прежняго времени на проекты, исполненіе кото-

рыхъ потребовало-бы страшныхъ, безпощадныхъ жертвъ отъ государства,—являлось естественнымъ слѣдствіемъ неопредѣленности политическихъ цѣлей управителей, плохого знанія родины и обилія «пушечнаго мяса», съ которымъ не перемонились.

Мы должны здѣсь остановиться на одномъ эпизодѣ семилѣтней войны—на первыхъ шагахъ участія въ ней русскихъ. Апраксинъ, послѣ нѣкоторыхъ удачныхъ дѣйствій и послѣ знаменитой побѣды при Гроссъ-Эгерсдорфѣ, форсированными маршами сталъ отступать къ рус. границамъ. Это похожее на бѣгство отступление было одною изъ причинъ паденія Бестужева.

Около этого времени старый канцлеръ уже заключилъ дружбу съ великою княгинею Екатериною Алексѣевною (будущая императрица), очаровавшею всѣхъ своимъ умомъ и обращеніемъ. Видя болѣзненное состояніе Елисаветы, которое могло разрѣшиться внезапною смертію, онъ уже составлялъ планы о преемникѣ больной государыни, помимо Петра III, неудобныя свойства котораго не могли не быть замѣчены прозорливымъ старикомъ. По этому плану престолъ переходилъ къ внуку государыни Павлу Петровичу, а Екатерина назначалась регентшею. Современники говорятъ и о другихъ вариантахъ этого проекта, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ императрицѣ,— и надъ Бестужевымъ, обвиненнымъ кромѣ того и въ отступленіи Апраксина съ войскомъ, разразилась гроза. Между тѣмъ это отступление Апраксина вовсе не входило въ планы Бестужева и могло произойти отъ дѣйствительнаго недостатка провіанта для войскъ въ опустошенномъ краю, а также и отъ извѣстія, достигшаго до Апраксина, о болѣзненномъ припадкѣ съ государыней, въ случаѣ смерти которой престолъ переходилъ къ Петру III, страстному почитателю талантовъ Фридриха.

Великій канцлеръ былъ приговоренъ къ смерти, но эта кара была замѣнена ссылкой, во время которой враги (главнѣйшій—князь Трубецкой), обвинившіе его, изрядно попользовались имуществомъ опальнаго, возвращеннаго изъ изгнанія только при Екатеринѣ II, за которую онъ пострадалъ. Къ чести Михаила Иларіоновича, онъ не принималъ участія въ дѣйствіяхъ комиссіи, судившей знаменитаго министра и не былъ въ стаѣ людей, съ жадностью набросившихся на имѣнія и проч. имущество старика.

Апраксинъ, во время засѣданія допрашивавшаго его трибунала, при неосторожномъ возгласѣ одного изъ членовъ послѣд-

няго, принятомъ обвиняемымъ за намекъ на пытку, умеръ, пораженный апоплексическимъ ударомъ.

Съ удаленіемъ Вестужева главное завѣдываніе государственными дѣлами перешло къ Михаилу Иларіоновичу, къ которому императрица все болѣе и болѣе чувствовала расположенія. Въ качествѣ патріота, сконфуженнаго эпизодомъ съ Апраксинымъ, онъ еще прежде умолялъ генерала Фермора, замѣнившаго обвиненнаго военачальника въ командованіи арміей «употребить искусство и оставленные города въ Пруссіи обратно взять, тѣмъ ея величеству и отечеству нашему безсмертную славу и честь доставить, а для своей персоны заслужить вѣчную благодарность и дворъ нашъ оправдать отъ продолжающихся въ Европѣ нескладныхъ мнѣній о храбрости и руководствѣ нашей арміи...» Дальнѣйшія заботы М. И. Воронцова были также направлены къ торжеству русскихъ надъ Фридрихомъ II, чтó и кончилось, какъ извѣстно, разгромомъ Пруссіи.

Въ 1758 г., 23 октября, Михаилъ Иларіоновичъ былъ назначенъ великимъ канцлеромъ, — и эту вѣсть объявила Воронцову сама императрица, пріѣхавъ къ нему въ гости.

Хотя канцлеръ порой чувствовалъ себя серьезно больнымъ, чтó и при Елисаветѣ заставляло его просить отпусковъ и даже отставки, но онъ попрежнему усердно занимался дѣлами, посвящая въ нихъ также своихъ племянниковъ — графовъ (графское достоинство было пожаловано обоимъ братьямъ канцлера) Семена и Александра Романовичей, которые, бывая постоянно у дяди, встрѣчая тамъ посланниковъ всѣхъ державъ и постепенно вникая въ ходъ европейскихъ дѣлъ, стояли au courant всѣхъ тогдашнихъ политическихъ событій. Эти Воронцовы уже въ раннемъ возрастѣ проявляли развившуюся при благопріятной обстановкѣ необычайную любознательность.

Званіе великаго канцлера — первой «персоны» въ государствѣ — было слишкомъ заманчиво, чтобъ имъ не могъ воспользоваться даже скромный и безкорыстный Михаилъ Иларіоновичъ для поправленія своихъ дѣлишекъ и для того, чтобы «порадѣть родному человѣчку». Это впрочемъ дѣлалось имъ въ скромныхъ размѣрахъ и въ приличной формѣ, такъ что отнюдь не измѣняетъ прежней аттестаціи о его безкорыстїи.

А денежные дѣла великаго канцлера были попрежнему плохи и ставили его нерѣдко въ неудобное положеніе. Еще ранѣе канцлерства какой-то досужій «газетиръ» утрехтскій со-

общалъ о Воронцовѣ, что «ему за усердное тушеніе пожара дворца въ Москвѣ, гдѣ, съ гренадерами смѣшавшись, жизнь свою экспонировалъ, пожаловано 25 каре въ Лифляндіи съ 25 тысячами рублей ежегоднаго дохода». Такой странный слухъ за границею объ источникахъ его доходовъ очень оскорбилъ Воронцова, и онъ писалъ графу Головкину объ истребованіи отъ «газетира» объясненій, откуда тотъ почерпнулъ это извѣстіе о способностяхъ Михаила Иларіоновича по пожарной части.

Какъ извѣстно, положеніе тогдашняго могущественнаго вельможи весьма благопріятствовало извлеченію большихъ личныхъ выгодъ путемъ полученія разныхъ монополій, откуповъ и подрядовъ отъ казны. Извѣстно, что даже «великолѣпный князь Тавриды» не гнушался монопольною продажею водки и торговалъ стеклянными издѣліями. Это разумѣется являлось благовиднымъ предлогомъ для выуживанія разными способами казенныхъ денегъ, потому что монополіи и откупа были весьма разорительны для государства въ рукахъ могущественныхъ сановниковъ, за невозможностью наказать ихъ и потребовать отъ нихъ строгаго отчета.

И за Михаиломъ Иларіоновичемъ есть такой же грѣхъ, но конечно въ болѣе мягкихъ формахъ. Желаніе поправить свои дѣла заставило и его пуститься въ торговые спекуляціи подъ крыломъ монополіи. Онъ, будучи канцлеромъ, въ 1759 году выхлопоталъ съ генераль-прокуроромъ Глѣбовымъ привилегію на исключительный отпускъ изъ портовъ Архангельскаго и Онежскаго льянаго сѣмени; къ участию въ этомъ дѣлѣ канцлеръ приглашалъ и Кирилла Разумовскаго, обѣщая ему богатые «прибытки». Но и тутъ не повезло Воронцову: его ожиданія на выгоду отъ предпріятія не оправдались и онъ не поправилъ своихъ дѣлъ...

Что-же касается до помощи роднымъ, то, будучи канцлеромъ, Михаилъ Иларіоновичъ еще больше заботился о нихъ, чѣмъ прежде. Мы уже говорили, что княгиня Дашкова до своего замужества жила у дяди; вмѣстѣ съ дочерью послѣдняго онѣ пользовались уроками у однихъ и тѣхъ же учителей, жили въ однѣхъ комнатахъ и одѣвались одинаково, — хотя никогда близко не сходились характерами и привычками. Впослѣдствіи и самъ канцлеръ не долюбливалъ Дашковой, находя, что у нея нравъ «развращенный и тщеславный» и только «мнимые разумъ и наука». Но этотъ дядинъ приговоръ смягчался указа-

ніемъ на заслуги племянницы, имѣвшей большое участіе въ восшествіи на престолъ Екатерины II, въ чемъ «ее должно весьма прославлять и почитать» Вообще отмѣтимъ при этомъ, что почти всѣ Воронцовы, включая и отца княгини Дашковой, очень не любили Екатерину Романовну и справедливо обвиняли ее въ нѣкоторыхъ предосудительныхъ поступкахъ.

Съ другою племянницею — Елисаветою, жившею на половинѣ великой княгини, у канцлера было тоже горе. Дядя пытался выдать ее замужъ, но этого сдѣлать не удалось. Вообще говоря, положеніе Михаила Иларіоновича въ отношеніи къ «малому» двору (т. е. къ четвѣ наслѣдника престола) было странное. Сестры Елисавета и Екатерина, его племянницы, являлись антагонистками: интересы первой связывались съ успѣхами, Петра III, а другая, ненавидя Елисавету за ея «фортуна» и желая устроить свою собственную, стала страстнымъ и энергическимъ бойцомъ за права великой княгини. Но слѣдуетъ сказать, что Михаилъ Иларіоновичъ въ отношеніи къ «малому» двору держалъ себя въ высшей степени тактично, хотя могъ-бы, какъ это дѣлали другіе временщики, вести себя съ бѣльшимъ гоноромъ; напротивъ онъ всегда дѣйствовалъ мягко и старался улаживать возникавшія недоразумѣнія между императрицею и великокняжескою четюю. Можетъ быть этому тактичному поведенію въ дворцовомъ дѣлѣ Михаилъ Иларіоновичъ обязанъ тѣмъ, что и въ послѣдовавшія два царствованія онъ все-таки игралъ извѣстную роль, и Екатерина II къ нему относилась милостиво.

Племянника — Александра Романовича, канцлеръ, при посредствѣ французскаго посланника Лопиталья, сначала помѣстилъ въ школу «chevaux légers», въ Версали. По возвращеніи оттуда, 20 лѣтній Воронцовъ былъ сначала опредѣленъ въ Вѣну, повѣреннымъ въ дѣлахъ, а затѣмъ — полномочнымъ посломъ въ Голландію и наконецъ, въ 1762 г., этотъ юноша, которому едва только исполнилось 21 годъ, былъ уже полномочнымъ русскимъ посланникомъ при могущественной европейской державѣ — Англіи!

Вся родня канцлера Воронцова, конечно при энергическомъ посредствѣ его самого, была облагодѣтельствована покровительствомъ этой фамиліи государынею. Братъ канцлера Романъ былъ генераломъ и сенаторомъ, а Иванъ Иларіоновичъ (предокъ нынѣшнихъ гр. Воронцовыхъ-Дашковыхъ) — президентомъ Вотчинной коллегіи. Но дни императрицы Ели-

саветы, пролившей столько благодѣяній на Воронцовыхъ и царствованіе которой являлось кульминаціоннымъ временемъ ихъ могущества,—были сочтены: она скончалась 25 декабря 1761 г. Смерть ея конечно была сильнымъ ударомъ для Воронцовыхъ, потерявшихъ въ ней свою добрую фею. Память о благодѣтельница-государынѣ у всѣхъ знавшихъ ее представителей этой семьи была окружена священнымъ ореоломъ. Это поклоненіе покойной проявлялось даже въ мелочахъ: напримѣръ на связкахъ писемъ усопшей государыни, писанныхъ къ Михаилу Иларіоновичу,—рукою послѣдняго изображено: «письма *дражайшія* руки Е. И. В.» Эта короткая надпись говоритъ о многомъ и вѣроятно не одна слеза вѣрнаго раба и слуги упала на эти пожелтѣвшія отъ времени связки!

Воцарился Петръ III и, благодаря его благоволенію къ Елисаветѣ Воронцовой, положеніе семьи послѣднихъ пока не ухудшалось; напротивъ Романъ Иларіоновичъ, участникъ забавъ государя, быстро пошелъ въ гору, получивъ чины, ордена и богатства.

Но какъ извѣстно всѣмъ, окружавшіе царственную чету, чувствовали себя не хорошо,—въ воздухѣ слышалось приближеніе грозы. Михаилу Иларіоновичу было вѣроятно не лучше другихъ, такъ какъ къ общимъ причинамъ безпокойствъ у него прибавилось и личное горе: единственная дочь канцлера — на которой сосредоточены были привязанности родителей,—вышедшая замужъ за графа Строганова въ началѣ 1758 г. была несчастлива въ замужествѣ и скоро разошлась съ супругомъ, опечаливъ любящаго отца. Она умерла бездѣтною, немногимъ переживъ канцлера. Вѣроятно, неудачи въ собственномъ семействѣ и отсутствіе мужского потомства заставили дядю еще болѣе заботиться о племянникахъ, вполне въ послѣдствіи оправдавшихъ его попеченія.

Совѣты и указанія Михаила Иларіоновича племяннику Александру Романовичу въ то время, когда тотъ поѣхалъ учиться во Францію, а затѣмъ состоялъ посланникомъ, указываютъ на родственную заботливость, большой здравый смыслъ канцлера и его знанія тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ. Въстѣ съ тѣмъ какъ въ этихъ письмахъ, такъ и въ его посланіяхъ къ дочери проглядываютъ интересныя бытовые черты современности.

Умѣренный лично для себя въ расходахъ и принужденный много тратить лишь по высокому званію канцлера на

«трактаменты» и представительство, Михаилъ Иларіоновичъ не упускалъ случая пожурить племянника за большіе расходы и постоянно давалъ ему совѣты на сѣть «умѣренности и аккуратности». Въ особенности, по его мнѣнію, была умѣстна скромная жизнь въ Голландіи... «Тамъ народъ, — писалъ Воронцовъ племяннику, — весьма сребролюбивъ и генерально всѣ скупы: въ семь случаѣ вы имъ можете подражать!» Обращаетъ на себя вниманіе заботливость дяди о томъ, чтобъ его племянникъ читалъ по русски и не забылъ родного языка за-границей.

Въ письмѣ къ дочери, въ Вѣну, видна осторожность дипломата. Михаилъ Иларіоновичъ посылалъ Строгановой «зеленый чай», только что полученный съ китайской границы, и поручилъ подарить часть его графинѣ «Квестенборговой» и Эстергази. «Только узнай, — прибавлялъ въ письмѣ канцлеръ, — пьютъ-ли чай?» Онъ просилъ свачала самимъ отвѣдать напитокъ, чтобъ рѣшить вопросъ о годности его для питья. Эта же ловкость дипломата видна и въ томъ, что Михаилъ Иларіоновичъ, при заключеніи союза съ Франціей, очень кстати задаривалъ m-me Помпадуръ соболями и другими вещами, — такъ какъ фаворитка имѣла большое вліяніе на дѣла.

Изъ другихъ писемъ канцлера видно, какъ онъ интересовался науками; такъ онъ просилъ привезти ему телескопъ, «смотреть въ прохождение планеты Венусъ мимо солнца» и др.

Ведя важныя государственныя дѣла, Михаилъ Иларіоновичъ не забывалъ собственноручно записывать свой личный приходъ и расходъ, хотя эта аккуратность нисколько не поправляла его дѣлъ. Онъ не упускалъ выписывать въ расходную рубрику и «мамзелѣ въ счетъ жалованья», и «столяру иноземцу на иллюминацію» и даже карточные проигрыши Разумовскому, Шувалову и другимъ лицамъ.

Отношеніе Михаила Иларіоновича къ своимъ подчиненнымъ по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а также и къ представителямъ Россіи за границую указываютъ еще новую черту порядочности въ характерѣ канцлера: онъ постоянно и неліцемерно ходатайствовалъ за служащихъ и настойчиво добивался требуемаго. Изъ писемъ Воронцова напримѣръ къ Бехтѣеву, нашему уполномоченному въ Парижѣ, виднѣтъ мягкій, гуманный и надежный для подчиненныхъ характеръ канцлера.

Но и для этого добраго, достаточно безкорыстнаго и просвѣщеннаго елисаветинскаго сановника наступали иные дни.

ГЛАВА III.

Въ «Золотой» Екатерининскій Вѣкъ.

„Явленіе Фелицы“.—Радость въ Петербургѣ.—Поведеніе канцлера Воронцова.—Старыя и новыя „звѣзды“.—Немилости къ Воронцовымъ.—Отпускъ и отставка канцлера.—Молодые смѣняютъ старика.—Дѣйство Александра и Семена Воронцовыхъ.—„Романъ—Большой карманъ“.—Письма къ дѣтямъ—Жизнь при дворѣ Елисаветы.—Образованіе Воронцовыхъ.—Chevaux Pegers.—Путешествія.—Мечты о военной службѣ Семена Воронцова.—Назначеніе въ Вѣну.—Путешествіе по Европѣ.—Смерть канцлера Воронцова.—Платоническій романъ родственниковъ.

28 іюня 1762 г. въ Петербургѣ «явилась Фелица» — воцарилась Екатерина II. Волны ликующаго народа заливали Казанскую площадь. Императрица, сіяющая и радостная, гарцовала на конѣ среди привѣтствовавшихъ ее гвардейскихъ полковъ, а рядомъ съ нею была и молоденькая годами, но въ энергіи и смѣлости не уступавшая любому взрослому мужчинѣ — княгиня Дашкова; старыя придворныя звѣзды тускнѣли и закатывались, новыя появлялись на горизонтѣ...

Какъ-же велъ себя Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ въ это время? Нужно сознаться, что его положеніе было очень щекотливо и что его дѣйствія въ настоящемъ случаѣ доказываютъ какъ присутствіе извѣстной нравственной силы, такъ и порядочности, — весьма рѣдкой въ придворныхъ того времени. Современники, не говоря уже о родственникахъ канцлера, — единогласно свидѣтельствуютъ о благородствѣ его поведенія...

Вѣроятно благородныя дѣйствія Михаила Иларіоновича, а также и отношеніе его къ «малому двору» при жизни Елисаветы не лишили канцлера уваженія Екатерины, которая, какъ извѣстно, въ первое время царствованія способна была проявлять искреннее вниманіе къ благороднымъ людямъ и поступкамъ. Канцлеръ притомъ и по отношенію къ новой государынѣ ознаменовалъ себя дѣломъ, за которое она должна была чувствовать благодарность къ нему...

Впрочемъ сначала даже къ дому канцлера былъ приставленъ офицеръ для охраненія сановника будто-бы отъ народныхъ волненій, но этотъ благовидный домашній арестъ былъ отмѣненъ и Михаилъ Иларіоновичъ вскорѣ вступилъ въ управленіе своихъ обязанностей. Но все-таки съ новымъ цар-

ствованіемъ вліяніе канцлера на дѣла значительно упало, въ чемъ онъ и самъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться.

Вообще день 28 іюня много перепортилъ крови Воронцовымъ, кромѣ княгини Дашковой, которой онъ послужилъ ступенью къ «президентству» въ академіи. «Толстушку» Елисавету Воронцову, бывшую камеръ-фрейлиною при дворѣ, сейчасъ же арестовали и выслали въ деревню, за Москвою. Отца ея, графа Романа Иларіоновича, необычайно возвысившагося и облагодѣтельствованнаго въ короткое царствованіе Петра III, сослали въ Москву, лишивъ многихъ изъ пожалованныхъ богатствъ. За то Романъ Иларіоновичъ возненавидѣлъ дочь Екатерину и не хотѣлъ прощать ее за участіе въ смѣломъ предпріятіи, такъ плохо отозвавшемся на отцѣ.

Впрочемъ мы должны сказать, что Екатерина II поступила совсѣмъ нежестокосердо даже съ тѣми изъ Воронцовыхъ, которые несомнѣнно еще очень недавно относились къ ней враждебно и которымъ было выгодно несчастіе супруги Петра III. Весьма вѣроятно, что женщина, подобная императрицѣ Аннѣ, иначе бы расправилась со своими недругами. Но при Екатеринѣ даже Елисавета Воронцова была скоро возвращена изъ деревни, а Романъ Иларіоновичъ занималъ довольно крупную должность — намѣстника Владимірскаго, Пензенскаго и Тамбовскаго.

Послѣ кончины Петра III (въ Ропшѣ) Екатерина Великая взяла окончательно бразды правленія въ свои руки и держала ихъ крѣпко въ теченіи 35 лѣтъ. Начинался, такъ называемый «славный», «золотой» Екатерининскій вѣкъ, хотя и въ немъ несомнѣнно были очень крупные изъяны. Звѣзда Елисаветинскихъ вершителей судебъ государства Шуваловыхъ и Воронцовыхъ закатилась и прежде всего при новой повелительницѣ ярко заблестала звѣзда красавца Гр. Орлова, быстро шагнувшего изъ «цальмейстеровъ» гвардейской артиллеріи въ князья...

Канцлеру Воронцову уже не было мѣста при новомъ порядкѣ вещей и это онъ чувствовалъ: для иностранныхъ дѣлъ у императрицы явился свой излюбленный человекъ — извѣстный графъ Панинъ, который и оттеръ старѣвшаго и болѣвшаго Воронцова. Впрочемъ государыня не оставляла послѣдняго своими милостями: вѣчно нуждавшійся Михаилъ Иларіоновичъ продалъ ей свой домъ (нынѣшній Пажескій корпусъ) за 217 тысячъ рублей, съ правомъ однако жить тамъ ему, какъ канцлеру. Изъ этой довольно крупной суммы съ Михаила Иларіоновича вычли его

многочисленные долги банку и таможнямъ, и Воронцову, при его несомнѣнномъ богатствѣ вѣчно бившемуся, какъ рыба объ ледь, пришлось на руки гораздо меньшая сумма. Кромѣ того, канцлеру было уступлено около 200 тысячъ гульденовъ «субсидныхъ» денегъ, слѣдовавшихъ съ Голландской республики еще съ 1748 г. Эти деньги частью получалъ для дяди племянникъ его Александръ Романовичъ, но республика, какъ бы оправдывая о себѣ репутацію Михаила Иларіоновича, очень «скупо» выплачивала субсидію.

Въ 1763 г. Михаилу Иларіоновичу данъ былъ отпускъ на два года—для лѣченія и отдыха, хотя это являлось только благовиднымъ предлогомъ удалить его отъ дѣлъ, чтобъ ихъ окончательно вручить въ «дирекцію» Панина. Старый канцлеръ поѣхалъ снова за границу. Онъ вернулся на родину нѣсколькими мѣсяцами раньше назначеннаго срока и желалъ снова вступить въ управленіе дѣлами, но уклончивый отвѣтъ императрицы и ея резолюція на докладъ канцлера заставили послѣдняго убѣдиться, что его пѣсня спѣта. Тогда старикъ рѣшилъ уступить мѣсто новымъ дѣятелямъ и въ 1765 г. вышелъ совсѣмъ въ отставку. Видя, что его мнѣнія далеко не такъ, какъ прежде, принимаются во вниманіе, онъ уже и самъ не по старому усердно занимался дѣлами и проводилъ долгіе мѣсяцы въ своемъ имѣніи Кимрахъ, приволжскомъ селѣ Тверской губерніи.

Еще до выхода въ отставку канцлеръ могъ убѣдиться въ потерѣ своего вліянія изъ отношенія государыни къ графу Александру Романовичу, бывшему посломъ въ Англіи. Въ 1764 г. молодой Воронцовъ былъ такъ сказанъ «пониженъ» и снова переведенъ изъ Англіи на такое же мѣсто въ Голландію, гдѣ служилъ и раньше. Поводомъ для этого, непріятнаго всему семейству Воронцовыхъ, перемѣщенія Александра Романовича послужило то обстоятельство, что послѣдній сошелся съ представителями оппозиціи въ парламентѣ и причинялъ затрудненія англійскому правительству Александръ Романовичъ въ письмахъ изъ Голландіи часто жаловался дядѣ канцлеру на скучное житье въ этой республикѣ и на отсутствіе дѣла, причемъ онъ просилъ объ «отозваніи». Его мольбамъ вняли уже гораздо позже (въ 1768 г.), переведя на службу при дворѣ.

Старый Воронцовъ сошелъ со сцены и былъ близокъ уже къ могилѣ. Но на смѣну ему выступали племянники, графы Александръ и Семенъ Романовичи Воронцовы. Къ дѣтству и

первымъ служебнымъ шагамъ этихъ недюжинныхъ людей прошлаго вѣка мы и обратимся теперь.

Раннее дѣтство Александра и Семена Романовичей прошло при несовсѣмъ благопріятныхъ условіяхъ: они рано лишились матери и на ихъ дѣтскіе годы выпало немного теплыхъ материнскихъ ласкъ, заставляющихъ съ такою отрадою вспомнить эту золотую пору жизни. Отецъ, оставшись молодымъ вдовцомъ, велъ веселую жизнь и мало обращалъ вниманія на дѣтей, добрая половина которыхъ и не жила съ нимъ: двѣ старшія дочери, какъ фрейлины, находились съ дѣтства во дворцѣ; будущая княгиня Дашкова, какъ мы уже знаемъ, жила у дяди-канцлера.

Кромѣ того графъ Романъ Иларіоновичъ прижилъ съ англичанкою Брокетъ много дѣтей, извѣстныхъ впоследствии подъ именемъ дворянъ Ронцовыхъ. Къ послѣднимъ родитель питалъ особенную нѣжность и тратилъ не мало средствъ на нихъ, что конечно еще болѣе непріятно было сиротамъ Воронцовымъ, рано лишившимся матери. Вліяніе отца на дѣтей и съ нравственной стороны не могло быть особенно благотворнымъ: Романъ Иларіоновичъ даже въ тогдашнемъ обществѣ пользовался репутаціей человѣка далеко небезкорыстнаго и былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Романа-Большаго Кармана». Впоследствии, когда онъ былъ намѣстникомъ Владимірскимъ, Екатерина II, зная про его мздоимства, прислала ему въ день ангела длинный пустой кошелекъ. Этотъ двусмысленный знакъ монаршей милости, говорятъ, былъ одною изъ причинъ, ускорившихъ смерть сановника. Кромѣ этихъ чертъ отца интересующихъ насъ дѣятелей, нужно еще упомянуть о его жестокости, суровости и взыскательности къ дѣтямъ, боявшимся его, какъ огня. Указаніемъ на эти свойства Романа Иларіоновича можетъ служить частію и то обстоятельство, что ему, при воцареніи Елисаветы, былъ порученъ надзоръ за препровожденіемъ въ Ригу опальной Брауншвейгской фамиліей.

Изъ чрезвычайно интересныхъ по своимъ бытовымъ подробностямъ писемъ Семена Романовича къ отцу, помѣщенныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ», видно, какія отношенія были у родителя къ дѣтямъ. Письма сына наполнены рабскими: «всеподданнѣйше вамъ доношу», «всенижайшій рабъ вашъ» и др.

Въ письмахъ отца къ Александру Романовичу постоянно встрѣчаются упреки и угрозы за большіе расходы, хотя, по всѣмъ даннымъ, сынъ ничѣмъ особеннымъ не провинился пе-

редь родителемъ въ этомъ грѣхѣ. «Невоздержнымъ житьемъ, — пишетъ отецъ сыну, учившемуся во Франціи, — понудишь меня вскорѣ отозвать тебя, да и въ отечествѣ фигуры не сдѣлаешь». Затѣмъ въ другомъ письмѣ: «расточительная твоя поступка мнѣ тягостна...» Дальше слѣдуютъ укоры за то, что сынъ неразборчиво пишетъ (хотя этотъ упрекъ до извѣстной степени справедливъ). «Хотя штиль хорошъ, да такъ написано, что никто прочесть не можетъ!»

Часто Романъ Иларіоновичъ въ своихъ письмахъ къ сыновьямъ напоминаетъ, чтобъ они не забывали писать фавориту Шувалову. Вообще письма отца къ дѣтямъ суровы, наставительны, придирчивы, — хотя въ нѣкоторыхъ попадаются совѣты, внушенные желаніемъ, чтобъ сыновья не ударили «лицомъ въ грязь».

Когда Романъ Иларіоновичъ узналъ, что его сынъ Александръ собирается писать Вольтеру, съ которымъ тотъ недавно познакомился, — онъ пишетъ молодому Воронцову: «разсуди, когда будешь писать Вольтеру: онъ постыдится отвѣчать такому человѣку, который литеры писать не умѣетъ». Для полной характеристики графа Романа Воронцова мы должны добавить, что онъ нѣжнѣе всѣхъ относился къ дочери Елисаветѣ и что былъ человѣкъ необразованный; почему-то между прочимъ онъ чувствовалъ паническій страхъ передъ электрическою машиною — вѣроятно это было послѣ случая съ пріятелемъ Ломоносова, профессоромъ Рихманомъ, какъ извѣстно убитымъ электрическою искрою.

Изъ набросаннаго выше портрета Романа Иларіоновича видно, какъ невыгодно было обставлено дѣтство будущихъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей. И въ этомъ случаѣ не мало принесъ имъ пользы домъ дяди, гдѣ они встрѣчали и ласку со стороны Михаила Иларіоновича и его доброй жены Анны Карловны, и любовь къ чтенію книгъ и просвѣщенію. Тотъ-же домъ, какъ мы уже знаемъ, служилъ для нихъ практическою школою знакомства съ государственными дѣлами.

Если мальчикамъ жилось угрюмо въ родительскомъ домѣ, за то весело было у дяди и при дворѣ Елисаветы, гдѣ непрерывною вереницей тянулись праздники, пиры и маскарады. Въ интересной автобіографической запискѣ графа Александра Романовича Воронцова много говорится про патриархальное веселье, царившее часто во дворцѣ Елисаветы. Эта дѣйствительно мягкосердечная государыня собирала у себя толпы дѣтей

близкихъ ко дворцу лицъ и сама веселилась съ ними. Она позволяла имъ бывать во дворцѣ и въ пріемные дни, вмѣстѣ съ взрослыми, а иногда только спеціально для дѣтей, давала обѣды и балы въ своихъ внутреннихъ апартаментгахъ. Такая близость съ самаго дѣтства къ большому свѣту выработала въ братьяхъ Воронцовыхъ привычку свободно держаться въ обществѣ, сообщивъ имъ благородныя и изящныя манеры.

Братья Воронцовы получили дома тогдашнее «французское» воспитаніе, т. е. кромѣ сноснаго знанія языковъ, усвоили себѣ кое-что изъ математики, географіи и исторіи.

Но они очень рано и прекрасно ознакомились съ французскимъ языкомъ и, благодаря ему, съ лучшими образцами богатой французской литературы. Въ нихъ рано развилась склонность къ чтенію и любознательность. Можетъ быть эти свойства развились у братьевъ и подъ вліяніемъ удачно взятыхъ гувернеровъ. Во всякомъ случаѣ учителями молодыхъ графовъ были не французскіе лакеи и парикмахеры, часто попадавшіе тогда къ представителямъ русской знати въ качествѣ учителей и воспитателей ихъ молодыхъ отпрысковъ. Ко всему этому нужно прибавить, что Александръ Романовичъ, великолѣпно усвоивъ французскій языкъ, очень плохо писалъ по-русски, и братъ Семень часто журилъ Александра за неправильную конструкцію рѣчи въ русскихъ письмахъ.

Изъ всего этого видно, что братья Воронцовы не получили систематическаго образованія. Но много-ли было тогда на Руси лицъ, получившихъ его? Для Воронцовыхъ школою послужила сама жизнь, въ которой они набрались и опыта, и знаній.

Графъ Александръ Романовичъ родился 4 сентября 1741 г., Семень Романовичъ.—2 іюня 1744 г. Первый состоялъ по 14 году прапорщикомъ Измайловскаго полка, но, какъ мы уже знаемъ, въ 1758 г., семнадцати лѣтъ, былъ отправленъ, по желанію дяди Михаила Иларіоновича и по волѣ императрицы, въ Версаль, во Францію, въ школу *chevaux légers*, гдѣ воспитывались дѣти знатнѣйшихъ французскихъ семействъ. Это поступленіе въ школу совершилось въ то время, когда, послѣ долгой размолвки, Россія и Франція опять сблизились и, какъ намъ уже извѣстно, французскій посланникъ Лопиталь выхлопоталъ у Людовика XV разрѣшеніе на принятіе въ помянутое учебное заведеніе знатнаго русскаго юноши.

Семнадцатилѣтній мальчикъ, впервые попавшій за-границу

и посѣтившій многія страны, былъ конечно удивленъ тамошними порядками и благоустройствомъ. Дядя далъ ему массу рекомендательныхъ писемъ ко всѣмъ русскимъ посланникамъ, а также къ знатнѣйшимъ иностранцамъ. Вдумчивыя, умныя письма юноши и тогда уже указывали, что изъ него выйдетъ прокъ. Проѣзжая черезъ Нарву, путешественникъ побывалъ у задержаннаго тамъ фельдмаршала Апраксина. Хотя этотъ послѣдній и былъ обязанъ многимъ Бестужеву и считался его другомъ, но послѣ опалы старика канцлера, по «свойственной многимъ придворнымъ и свѣтскимъ людямъ привычкѣ», очень дурно отзывался объ опальномъ министрѣ.

Въ Мангеймѣ Александръ Романовичъ увидѣлъ во время обѣда, какъ собравшееся многочисленное общество ухаживало за пожилымъ скромно одѣтымъ человѣкомъ. Когда графъ спросилъ объ этой личности, то узналъ, къ своей великой радости и удивленію, что это былъ Вольтеръ. Привыкнувъ еще въ Россіи къ почитанію знаменитаго имени, окруженнаго ореоломъ славы, молодой Воронцовъ пожелалъ познакомиться съ царемъ остроумія. Это знакомство завязалось и они впослѣдствіи долго переписывались другъ съ другомъ.

Благодаря письмамъ и тому, что мальчикъ-графъ былъ племянникомъ могущественнаго русскаго вельможи, — а тогда Россія, послѣ недавнихъ побѣдъ надъ Фридрихомъ пользовалась большимъ престижемъ, — Александръ Романовичъ вездѣ встрѣчалъ радушный и богатый пріемъ. Онъ видѣлся съ десятками министровъ, былъ представленъ многимъ коронованнымъ особамъ и узналъ не мало фаворитокъ, въ томъ числѣ и знаменитую m-me Помпадуръ.

Учился графъ недолго — полтора года, а затѣмъ поѣхалъ въ продолжительное путешествіе по всей Европѣ, былъ даже въ «Гишпавіи» и Португаліи. Въ 1761 г. этотъ юноша, вѣроятно — по помятіямъ своихъ родныхъ — набравшійся политической опытности въ поѣздкахъ, былъ опредѣленъ, при помощи всесильнаго дяди, повѣреннымъ въ дѣлахъ при Вѣнскомъ дворѣ, а затѣмъ, послѣ Англій и Голландіи, какъ мы знаемъ, въ 1768 г. снова вернулся въ Россію. Во время своего посланничества въ Англій, графъ Александръ Романовичъ, узнавъ объ опалѣ сестры Елисаветы, хотѣлъ выписать ее въ Англію, но осторожный и благоразумный дядя-канцлеръ, въ интересахъ племянника, запретилъ эту поѣздку племянницѣ.

Судьба младшаго брата Семена была иная: принятый девятилѣтнимъ мальчикомъ въ число пажей при дворѣ императрицы Елисаветы, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ состоялъ уже ея камеръ-пажемъ. Затѣмъ какъ судьба судила его брату Александру извѣздить юношею полъ-Европы, такъ и Семень Романовичъ почти въ тѣ же годы совершилъ продолжительную поѣздку по Россіи, видѣлъ много губерній, заѣзжалъ на уральскіе заводы своего отца, а также и дяди-канцлера. Эта продолжительная поѣздка могла достаточно ознакомить впечатлительнаго, даровитаго юношу съ бытовыми условіями русской жизни. Долго спустя затѣмъ, живя въ Англии и сравнивая порядки этой высококультурной страны съ тогдашними условіями жизни дома, онъ вѣроятно вспоминалъ съ тяжелымъ чувствомъ о своей неустроенной и печальной родинѣ. Отголоскомъ тогдашнихъ порядковъ на Руси могло-бы служить письмо Семена Романовича къ отцу, во время путешествія, изъ Тулы. Въ этомъ городѣ былъ воеводою Строевъ. «Онъ—пишетъ сынъ отцу,—великое нашей фамиліи безславіе навосить, ибо говорить, что намъ ближайшій родичъ: грабилъ и разорялъ, но на него не жаловались, боялись, что вы и дядя Михаилъ Иларіоновичъ заступитесь...» По дорогѣ мальчикъ заѣзжалъ ко многимъ родственникамъ и знакомымъ Воронцовыхъ. Интересно его письмо о знакомствѣ съ докторомъ графа Кирилла Разумовскаго. «Онымъ я чрезмѣрно одолженъ,—пишетъ мальчикъ,—онъ такъ меня любилъ, что самыя лучшія и нравоучительныя книги мнѣ уступилъ, между которыми одна есть, которая во многихъ государствахъ запрещена... Титулъ ея: «Esprit des Lois (Монтескье)».

По возвращеніи изъ поѣздки Семена Воронцова, его должны были изъ камеръ-пажей выпустить въ офицеры гвардіи. Пылкаго молодого человѣка, съ интересомъ слѣдившаго за борьбою покрывшихъ себя славою русскихъ войскъ съ Фридрихомъ Великимъ, давно уже тянуло на военное поприще. И милость только-что подарившагося Петра Феодоровича, пожаловавшаго молодому Семену Воронцову придворное званіе камеръ-юнкера, была послѣднему не совсѣмъ пріятна. Онъ добился назначенія поручикомъ въ Преображенскій полкъ. Императоръ благоволилъ къ юношѣ и, по горячей просьбѣ Воронцова, согласился послать его къ знаменитому герою позднѣйшихъ войнъ съ Турціею графу Румянцеву, назначенному главнокомандующимъ въ задуманную Петромъ III войну противъ Давіи за обиды родной

Голштиніи, привязанность къ которой никогда не оставляла государя. Воронцовъ собрался въ Ораніенбаумъ къ императору за окончательными инструкціями утромъ 28 іюня 1762 г., когда вдругъ узналъ о происходящихъ въ городѣ событіяхъ. Въ послѣднихъ принималъ участіе и пылкій 18-лѣтній Воронцовъ, одинъ изъ немногихъ офицеровъ преображенскаго полка, пожелавшій остаться вѣрнымъ Петру III, но его отвага не задержала роковаго хода событій. Послѣ 11 дней ареста, за время котораго молодому человѣку пришлось пережить не мало грубыхъ сценъ, Порошинъ, извѣстный авторъ записокъ и бывшій флигель-адъютантъ уже покойнаго императора, объявилъ арестанту, что государыня возвращаетъ ему шпагу, приказываетъ отправляться домой и продолжать службу. Изъ этого факта мы видимъ, съ какою мягкостью было поступлено даже съ Семеномъ Воронцовымъ, пытавшимся съ оружіемъ въ рукахъ противодѣйствовать совершившемуся событію.

Порывистый и впечатлительный Семень Воронцовъ непримирился сразу съ наступившимъ порядкомъ вещей, неохотно служилъ и даже думалъ вовсе бросить службу. Но у него была довольно сильная рука въ лицѣ еще несошедшаго съ политической арены дяди - канцлера, который выхлопоталъ разрѣшеніе — отправить молодого племянника въ Вѣну, совѣтникомъ посольства къ князю Голицыну. Семень Романовичъ поспѣшилъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ можетъ быть не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ передъ государыней изъ за прецедента въ его недавнемъ поведеніи. Однако, поживъ въ Вѣнѣ и сдѣлавъ большое путешествіе по Европѣ съ канцлеромъ, племянникъ вмѣстѣ съ дядею вернулся въ 1765 году въ Петербургъ.

Но мечтамъ молодого Воронцова о военной службѣ, о лаврахъ подъ русскими знаменами цока не суждено было осуществиться. Гордый еще недавнимъ величіемъ своей фамиліи, Семень Романовичъ не могъ снести оказанной ему служебной несправедливости и вышелъ въ отставку, уѣхавъ съ дядею въ Москву и потомъ въ имѣніе канцлера.

Графу Семену Воронцову пришлось быть свидѣтелемъ кончины дяди, котораго племянникъ искренно любилъ и уважалъ. «Онъ смотрѣлъ на насъ съ братомъ, — говоритъ младшій Воронцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ про дядю, — какъ на сыновей и мнѣ суждено было горе — быть свидѣтелемъ кончины этого дяди, человѣка самой возвышенной души между современниками».

Скромный канцлеръ, видѣвшій впродолженіи своей жизни много трагическихъ и крупныхъ событій, — тихо почилъ 15 февраля 1767 г. въ Москвѣ, гдѣ и похороненъ въ церкви Воздвиженья Креста. Надъ его могилою поставленъ мраморный памятникъ и теперь только скромная надпись говорить, что подъ нимъ поконтъя челоуѣкъ, когда-то воровавшій государствомъ.

Было еще одно обстоятельство, связывавшее племянника съ дядею особенно-нѣжными узами: послѣдній былъ отцомъ женщины, къ которой Семень Романовичъ питалъ глубокую сердечную привязанность. Но этотъ романъ такъ и остался платоническимъ: онъ не могъ закончиться бракомъ уже въ силу одного того обстоятельства, что влюбленныхъ связывали слишкомъ близкія родственныя узы.

Анна Михайловна, единственная дочь канцлера, бывшая, какъ уже говорено выше, несчастливою въ своемъ замужествѣ за Строгановымъ, — скоро послѣдовала за отцомъ: она скончалась бездѣтною въ 1769 году, и нѣжнолюбившему ее Семену Романовичу пришлось плакать о кузинѣ на турецкой войнѣ, наканунѣ знаменитыхъ военныхъ подвиговъ, прославившихъ знаменитаго Румянцева-Задунайскаго и выдвинувшихъ молодого Воронцова, какъ одного изъ храбрѣйшихъ сподвижниковъ героя Ларги и Кагула.

ГЛАВА IV.

Примѣрные братья.

Различные характеры братьевъ Воронцовыхъ. — Ихъ дружба. — Заботливость старшаго о младшемъ. — Политическій катехизисъ братьевъ. — Взгляды на внутреннее управленіе. — Ненависть къ временщикамъ. — Теорія и практика. — Элитафія Лафермьеру. — Семень Воронцовъ у Румянцева. — Неудобства военной службы. Заботы о дисциплинѣ. — Любовь къ Семену Воронцову солдатъ. — Отставка и начало дипломатической службы. — Назначеніе посломъ въ Англию. — Выдержки изъ дневника Храповицкаго о старшемъ Воронцовѣ. — Отношеніе къ Радищеву. — Привычки и независимость старшаго Воронцова. — Знакомство съ Россією. — Самая образованная чета среди знати. — Недолюбливаніе Франціи. — Сцена съ графомъ д'Артуа. — Разставанье старшаго Воронцова съ Екатериною II. — Умныя слова государыни.

Братья Воронцовы, дѣтство и первые шаги которыхъ на общественномъ поприщѣ мы описали въ предыдущей главѣ, совершенно не походили другъ на друга характерами. Старшій —

графъ Александръ Романовичъ былъ тяжеловатъ на подъемъ, отиѣнно трудолюбивъ, строго дѣловитъ, остороженъ въ дѣйствіяхъ и отзывкахъ. Характеръ у него былъ не мягкій, «кремневый». Многія данныя свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о строгомъ хозяинѣ своихъ крѣпостныхъ, въ чемъ не былъ безгрѣшенъ и знаменитый Радищевъ, близкій сосѣдъ графа и пріятель, описавшій съ негодованіемъ въ своей сенсаціонной книгѣ всѣ ужасы тогдашняго положенія «рабовъ». Осторожность въ поступкахъ и выраженіяхъ, рѣдко измѣнявшая графу Александру Романовичу, была приобрѣтена имъ отъ долгой жизни въ Россіи, въ тогдашнемъ Петербургѣ, центрѣ интригъ и подкоповъ другъ подъ друга. Эти свойства поневолѣ въ немъ выработались. Между тѣмъ Семень Романовичъ, обладавшій пылкимъ, подвижнымъ темпераментомъ, живя вдали отъ родины, въ Англии, при совершенно иныхъ общественныхъ порядкахъ, не имѣлъ особенныхъ поводовъ къ сдержанности въ мысляхъ и поступкахъ. Можетъ быть если-бы онъ въ зрѣломъ возрастѣ пожилъ въ Россіи подольше, то и въ немъ выработалось-бы это свойство—разговоръ и дѣйствій «съ оглядкою», но, какъ сказано выше, онъ бѣльшую часть жизни провелъ внѣ родины. На сколько старшій братъ былъ остороженъ и медлителенъ, настолько младшій—пылокъ и стремителенъ. Первый былъ почти непривѣтливъ, второй—отличался «обаятельнымъ добродушіемъ» и гостепримствомъ, приобрѣвшими ему массу друзей и на родинѣ, и за границей. Семень Романовичъ имѣлъ несомнѣнно мягкое, чувствительное сердце и послѣ смерти горячо любимой молодой жены (урожденной Сенявиной), вышедшей за него замужъ въ 1781 г. и оставившей малолѣтнихъ сына и дочь,—онъ обратилъ весь запасъ чувства на послѣднихъ; изъ нихъ сынъ, благодаря заботамъ отца, сталъ впоследствии знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ. Графъ Александръ Воронцовъ прожилъ всю жизнь холостякомъ, но и онъ конечно чувствовалъ въ глубинѣ сердца потребность дружбы и искреннихъ, горячихъ привязанностей,—и эти желанія, безъ которыхъ жизнь была-бы такъ холодна и печальна, нашли выраженіе въ его дружбѣ къ брату, походившей на самую нѣжную материнскую любовь,—несмотря на несходство характеровъ обоихъ Воронцовыхъ. И эти чрезвычайно симпатичныя отношенія братьевъ покажутся еще болѣе замѣчательными, если мы вспомнимъ, что они имѣли мѣсто въ такое время, когда потребность богатства и почестей

заглушала всё другія лучшія чувства и часто раздѣляла семьи на враждующіе лагеря.

Въ громадной перепискѣ, наполняющей собою страницы «Воронцовскаго Архива», мы находимъ массу доказательствъ этой трогательной привязанности друзей-братьевъ, раздѣленныхъ большимъ разстояніемъ. Въ каждомъ почти письмѣ старшаго брата къ младшему встрѣчаются совѣты, исходящіе отъ самаго сердца, и заботы о судьбѣ друга, часто позволявшаго въ своихъ посланіяхъ неосторожныя выраженія, что, при тогдашней «перлюстраціи» писемъ, было далеко не безопасно. И дѣйствительно Семень Романовичъ, принимая близко къ сердцу судьбу родины, въ которой тогда хозяйничали временщики, позволялъ себѣ рѣзко осуждать ихъ дѣйствія и, что еще болѣе пугало брата, давалъ совѣты государямъ. — Екатеринѣ II и даже Павлу I, который, какъ извѣстно, не выносилъ ничего подобнаго. Изъ переписки братьевъ видно, какъ старшій тревожился за младшаго въ этихъ случаяхъ и какъ онъ, вмѣстѣ съ другомъ Семена Романовича, графомъ П. В. Завадовскимъ, умолялъ «Сенюшу» поумѣрить его пылкость въ письмахъ. «Въ твоёмъ отдаленіи, — пишетъ нацр. Семену Воронцову Завадовскій, — какъ можешь попадать въ расположеніе настоящихъ вещей?» «Братъ твой моетъ тебѣ голову за необдуманную пылкость. Сенюша, ты давно выѣхалъ изъ Россіи и не воображаешь вещей и въ мысляхъ перемѣны»...

Александръ Романовичъ великолѣпно ведя свои собственныя денежныя дѣла, управлялъ имѣніями брата на родинѣ и часто предлагалъ ему свои деньги для поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ, но отъ этой помощи безкорыстный Семень всегда отказывался. Александръ Романовичъ былъ вообще вѣрнымъ стражемъ, совѣтникомъ и помощникомъ своего младшаго брата, являясь далеко болѣе послѣдняго опытнымъ въ дѣлахъ и несомнѣнно болѣе знавшимъ людей.

Политическій катехизисъ братьевъ былъ одинъ и тотъ-же: во внѣшнихъ дѣлахъ — союзъ съ Англією, какъ самостоятельной морскою державою, — за что эти Воронцовы прослыли «англоманами», — и ненависть къ Пруссіи. Слѣдуетъ отмѣтить и то обстоятельство, что братья являлись противниками раздѣла Польши. Это государство должно было, по ихъ понятіямъ, служить барьеромъ между тремя сильными сосѣдями, между тѣмъ какъ раздѣлъ Польши сблизилъ ихъ границы и породилъ воз-

возмущало то обстоятельство, что на русской дипломатической службѣ было много иностранцевъ; этимъ иноземцамъ поручалась защита крупныхъ интересовъ страны, ни нравовъ, ни силъ, ни истинныхъ интересовъ которой они не знали и смотрѣли на свою службу, какъ на средство къ наживѣ. Семень Романовичъ часто сѣтовалъ на это въ своихъ письмахъ и предлагалъ даже устроить на родинѣ школу, гдѣ-бы могли получать подготовительное «дипломатическое» образованіе молодые люди изъ русскихъ. Такой взглядъ на иностранцевъ не мѣшалъ однако Воронцовымъ привлекать на службу своей родинѣ тѣхъ изъ нихъ, которые отличались честностью и талантами.

Въ дѣлахъ «внутреннихъ» братья стояли за идеалы Петра I о коллегіальномъ управленіи, при которомъ совмѣстно обсуждаются всѣ вопросы и не можетъ конфирмоваться единоличный докладъ только одного лица, когда другія вѣдомства тоже могли-бы что-нибудь сказать «за» или «противъ». Эта мысль прочно держалась у Воронцовыхъ, можетъ быть отъ слишкомъ свѣжихъ примѣровъ «единоличнаго» вліянія временщиковъ, нерѣдко дорого обходившагося родинѣ. Въ ненависти къ «случайнымъ» людямъ сходились и суровый Александръ, и мягкій Семень. Потемкина они звали не иначе, какъ «язвою» Россіи, и даже графъ Александръ Романовичъ не скрывалъ своихъ чувствъ къ этому властелину, съ феерическимъ великолѣпіемъ бросавшему казенные милліоны на свои личныя прихоти, и передъ которымъ все трепетало и раболѣпствовало. О такомъ отношеніи старшаго Воронцова къ «князю Тавриды» не рѣдко свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ извѣстный Гарновскій, считавшій Александра Романовича въ числѣ самыхъ лютыхъ ненавистниковъ своего патрона, Потемкина. «Никто столько насъ не злословить, — говоритъ Гарновскій, — какъ графъ Александръ Романовичъ». Тотъ-же Гарновскій сообщаетъ, что графъ въ Совѣтѣ постоянно опровергалъ представленія Потемкина, когда всѣ другіе члены безмолвствовали. Когда-же однако многія дѣла все-таки рѣшались въ угоду временщику, то «осторожный» Александръ Романовичъ гнѣвно вскрикивалъ: «Я не понимаю, зачѣмъ насъ посадили въ Совѣтъ: что мы — чучелы или пѣшки что-ли?» Эти гнѣвныя реплики Воронцова, молча и «брады въ землю уставя», выслушивали остальные члены Совѣта. Когда въ столицу доходили вѣсти о побѣдахъ Потемкина въ турецкую

войну, — таскавшаго «кашпаны изъ огня» при помощи своихъ знаменитыхъ полководцевъ — Репнина и Суворова и объ отношеніяхъ князя Таврическаго къ Румянцеву-Задунайскому, Воронцовъ, по показаніямъ того-же Гарновскаго, говорилъ: «когда-бы я былъ на мѣстѣ Румянцева, то даль-бы себя знать Потемкину!»

Читатель конечно согласится, что для подобныхъ дѣйствій Александра Романовича необходимо было извѣстное гражданское мужество. Во всякомъ случаѣ графъ Воронцовъ былъ изъ «крѣпкихъ» душою людей, «душесильный», — по выраженію его пріятеля Радищева. Конечно Потемкинъ платилъ своему недругу тою-же монетою и это сказалося въ вопросѣ о наслѣдованіи имѣній послѣ умершаго канцлера Воронцова: «князь Тавриды» оттягалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ пользу графа Скавронскаго, помолвленнаго съ племянницею временщика.

Императрица хотя и признавала большія способности и государственнй умъ своего неподатливаго и методичнаго сановника Александра Романовича, но убѣжденная въ его затаенной непріязни къ себѣ, — въ чемъ, какъ женщина чуткая, не ошибалась, — не любила графа.

Мы уже во вступленіи къ очерку говорили объ отношеніи братьевъ къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ и знаемъ, что въ этомъ дѣлѣ они не могли высоко подняться надъ господствовавшими тогда взглядами въ обществѣ на означенный предметъ. На такую высоту подъема духа, опережающую общественное мнѣніе на цѣлые вѣка, способны только чрезвычайно рѣдкіе люди: или гении, или дѣятели, просвѣщенные свѣтомъ нравственной истины и не знающіе ни различія кастъ, ни націй; но такіе люди рождаются только вѣками. Въ теоріи могли признаваться и въ екатерининское время хорошими многія вещи, но когда дѣло доходило до практики, то и знаменитый президентъ Россійской Академіи и ея братья, и самъ Радищевъ, какъ мы уже говорили, поступали совсѣмъ не «по теоріи». И всего интереснѣе въ этомъ вопросѣ поведеніе самой Екатерины Великой, начавшей съ знаменитаго «Наказа», переписывавшейся съ самыми громкими именами Франціи и Европы — Вольтеромъ, Дидро, Даламберомъ, — объ освобожденіи своихъ «рабовъ» и кончившей прозаически: раздачею цѣлыхъ сотенъ тысячъ людей въ даръ своимъ приближеннымъ...

Изъ всего нами сказаннаго видно однако, что братья Воронцовы, по складу своихъ понятій и стойкости убѣжденій, не

совѣтъ подходили къ тогдашнему придворному кругу. Чѣмъ-же объяснить, что они все-таки стояли на высокихъ мѣстахъ и имѣли свою партію даже среди сановниковъ и знатныхъ лицъ, толпившихся у трона? Прежде всего братья были несомнѣнно талантливыми и высокособразованными людьми, — а такіе считались тогда только единицами, — чего конечно, не могла не понимать умная государыня, хвалявшаяся знаніемъ людей, уваженіемъ къ образованности и заботившаяся о «славѣ» своего царствованія, которому должны были придавать блескъ люди просвѣщенные. Съ другой стороны тогда уже возникали болѣе оживленныя сношенія Россіи съ Европою: у насъ читали Вольтера и французскихъ энциклопедистовъ, что не могло не вліять на возникновеніе людей протестующаго образа мыслей, можетъ быть притомъ еще обойденныхъ въ попыткахъ создать «фортуну», — и такіе люди не могли не цѣнить стойкихъ и просвѣщенныхъ братьевъ Воронцовыхъ. По крайней мѣрѣ уже при дворѣ Екатерины II мы встрѣчаемъ ихъ горячихъ почитателей: прославившагося впоследствии московскаго главнокомандующаго Ростопчина, Завадовскаго и др. Кромѣ того Безбородко былъ тоже пріятелемъ братьевъ, дорожа государственнымъ знаніемъ и опытностью старшаго, бывшаго несомнѣнно политическимъ вдохновителемъ и вліятельнымъ совѣтникомъ знаменитаго канцлера-хохла. Приведемъ здѣсь примѣръ «стойкости» графа Александра Романовича, а также и того, какъ онъ смотрѣлъ на жизнь при тогдашнемъ дворѣ. Воронцовъ, удалившійся отъ дѣлъ передъ воцареніемъ Павла I, не побоялся дать у себя пожизненный пріютъ другу своему, швейцарцу Лафермьеру, секретарю и библіотекарю государыни Маріи Феодоровны, — уволенному отъ занятій императоромъ. И вотъ краснорѣчивая надпись на могильномъ памятникѣ этого друга Воронцовыхъ, поставленномъ въ селѣ Андреевскомъ Александромъ Романовичемъ: «Другу искреннему, испытанному и благородному, при царскомъ дворѣ *непорочно* прожившему». Въ этихъ простыхъ, душевныхъ словахъ скрывается однако тонкій намекъ на счетъ того, что «*непорочность*» являлась въ то время довольно рѣдкою и высокою добродѣтью.

Въ предъидущей главѣ мы оставили графа Александра Романовича въ Голландіи. Въ то время, какъ онъ тамъ томился скукою отъ бездѣятельности, пылкій братъ его поступилъ въ армію Румянцева-Задунайскаго, командовавшаго войсками въ

войну 1768 г. съ турками. Графъ Румянцевъ питаль особенное уваженіе къ памяти Петра I, и вѣрность къ внуку Преобразователя, выказанная молодымъ Воронцовымъ, расположила къ послѣднему героя Кагула: Семень Романовичъ сдѣлался близкимъ къ нему человѣкомъ и дѣятельнѣйшимъ участникомъ его славы, прогремѣвшей въ то время на всю Европу. Въ особенности молодой Воронцовъ отличился при Кагулѣ, гдѣ, командуя своимъ гренадерскимъ батальономъ, ворвался первымъ въ одну изъ самыхъ сильныхъ турецкихъ укрѣпленій, взялъ его съ боя и захватилъ при этомъ четыре пушки, за что и былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Мы не будемъ подробно рассказывать о его другихъ подвигахъ въ эту войну и о томъ, какъ, благодаря отсутствію въ немъ угодливости, его часто обижали невниманіемъ къ оказаннымъ заслугамъ. Скажемъ только, что, научившись за время своихъ путешествій, а можетъ быть и дома, итальянскому языку, онъ принималъ вмѣстѣ съ Завадовскимъ участіе въ редактированіи мирнаго трактата въ Кучукъ-Кайнарджи на этомъ языкѣ, такъ какъ онъ въ ту пору употреблялся Портою въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ.

Условія военной службы сложились во многихъ отношеніяхъ неблагопріятно для графа Семена Романовича. Хуже всего было то, что онъ, гордый своимъ прошлымъ и дѣйствительно имѣвшій право на эту благородную гордость по свойствамъ своей недюжинной души, попалъ подъ начальство къ родственнику временщика Павлу Потемкину, опередившему графа не благодаря подвигамъ и достоинствамъ, а лишь по протекціи начинавшаго входить въ силу князя. Помимо этого нѣскольколѣтъ трудной боевой жизни сильно отразились на его здоровьѣ; жить на театрѣ войны ему приходилось очень скромно, потому что отецъ—Романъ Иларіоновичъ былъ «кряжемъ» и скупцомъ по части расходованія денегъ, хотя не отказывался получать доходы и непозволительными путями. Сынъ былъ не таковъ: нуждаясь, онъ не позволялъ выручать себя предосудительными средствами на счетъ продовольствія и обмундированія своего полка. Сохранилось не мало его писемъ къ отцу о стѣсненныхъ денежныхъ дѣлахъ. Но любовь къ чтенію сказывалась даже при неудобствахъ лагерной жизни: Семень Романовичъ постоянно просилъ о присылкѣ ему книгъ.

Ко всѣмъ перечисленнымъ неудобствамъ военной службы прибавилось и еще одно обстоятельство: Семень Романовичъ

въ стремленіи водворить дисциплину въ своей части, какъ необходимое условіе для успѣшности военныхъ дѣйствій, постоянно встрѣчалъ сопротивленіе со стороны подчиненныхъ офицеровъ. Эти господа, большею частью представители достаточныхъ дворянскихъ фамилій, не могли переносить трудностей походовъ и войны. Они привыкли парадировать на смотрахъ въ раззолоченныхъ мундирахъ, вести праздную и невоздержную жизнь и не считали возможнымъ обходиться безъ помощи многочисленной челяди. На войнѣ приходилось бросать эти привычки. Понятно, что стремленія Семена Романовича, всегда лично безупречно исполнявшаго свои обязанности, — водворить у себя порядокъ, встрѣчали отпоръ со стороны баричей-офицеровъ. Изъ за этого между прочимъ въ Яссахъ въ 1772 г. онъ дрался на дуэли съ графомъ Стакельбергомъ, тяжело ранилъ его, причемъ самъ отдѣлался царапиною. Это обстоятельство должно было еще подлить горечи въ его чашу, такъ какъ на сестрѣ Стакельберга былъ женатъ одинъ изъ Орловыхъ, пользовавшихся еще весьма значительнымъ вліяніемъ при дворѣ.

Но поддерживая дисциплину, которою дѣйствительно отличался его полкъ, графъ Воронцовъ въ то же время тратилъ свои собственныя деньги на улучшеніе солдатскаго быта и помогать бѣднымъ офицерамъ, служившимъ подъ его начальствомъ. «Мы всѣ молили Бога за него», — говорилъ впоследствии Ростопчину одинъ изъ сержантовъ полка Воронцова, — «онъ намъ былъ отецъ, а не командиръ!»

Нужно тоже замѣтить, что немногіе могли такъ хорошо относиться къ своимъ слугамъ, какъ графъ Семень Романовичъ. Эта трогательная и въ высокой степени симпатичная черта видна во всѣхъ поступкахъ Воронцова. Еще молодымъ человекомъ отказался онъ исполнить приказаніе строгаго отца о наказаніи своего провинившагося служителя. Затѣмъ мы видимъ, съ какою заботою и вниманіемъ отправлялъ онъ на родину изъ Англій кормилицу, выкормившую его сына Михаила. Семень Романовичъ во многихъ письмахъ просилъ брата Александра о помощи своимъ старымъ слугамъ, жившимъ на родинѣ. Даже самая смерть его запечатлѣна этою симпатичною чертою: почти 90-лѣтнимъ старикомъ, не желая беспокоить прислугу, онъ самъ со свѣчею отправился ночью въ другой ярусъ дома, въ бібліотеку, — оступился и упалъ, что и ускорило его кончину.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства, а въ особенности

непріятность службы подъ начальствомъ ненавистнаго Павла Потемкина, заставили молодого Воронцова бросить военное поприще, на которомъ онъ уже успѣлъ выказать несомнѣнныя дарованія. Но судьба вскорѣ бросила его на другую арену — дипломатическую, гдѣ онъ тоже оказался не безполезнымъ.

Послѣ путешествія по Италіи для поправленія здоровья, Семень Романовичъ женился, какъ мы уже говорили, на дочери Сенявина. Рѣшившись бросить службу при Екатеринѣ, когда его заслуги несправедливо забывались и гдѣ онъ многихъ близкихъ государынѣ людей не любилъ, Семень Романовичъ внезапно однако былъ снова призванъ на служебное поприще. Ему было государынею предложено новоучрежденное мѣсто полномочнаго министра при Венеціанской республикѣ, которымъ онъ, послѣ долгихъ колебаній, и воспользовался. Это назначеніе устроили для пріятели графы Завадовскій и Безбородко, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы уже знаемъ, самъ нуждался въ помощи графа Александра Романовича.

Но дѣль въ «свѣтлѣйшей» Венеціи было совсѣмъ мало и нашъ посолъ, привыкшій къ дѣятельности и движенію, томился скукою въ этомъ городѣ. Кромѣ того при скупости Романа Иларіоновича, не удѣлявшаго сыновьямъ даже материнскаго состоянія, на которое они имѣли право, и при скудости содержанія Венеціанскаго посланника, — между тѣмъ какъ это званіе обязывало вести «открытую» жизнь, Семень Романовичъ нерѣдко чувствовалъ себя стѣсненнымъ. Вообще въ денежномъ отношеніи его положеніе, при жизни отца, напоминало затрудненія покойнаго дяди-канцлера. Сохранилось въ родовомъ «архивѣ» много любопытныхъ писемъ посланника къ отцу. Между прочимъ онъ просилъ Романа Иларіоновича прислать въ Венецію серебряный сервизъ или денегъ на его покупку, такъ какъ «стыдно посланнику угощать гостей на фаянсовомъ». Впрочемъ денежныя затрудненія Семена Романовича вскорѣ прошли. такъ какъ Романъ Иларіоновичъ, будучи намѣстникомъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, вскорѣ послѣ присылки ему длиннаго кошелька Екатериною II, умеръ (въ 1783 г.), оставивъ дѣтямъ большое состояніе. Скажемъ кстати здѣсь, что Роману Иларіоновичу не пришлось увидѣть своего внука — будущаго знаменитаго фельд-маршала, прославившаго Воронцовское имя.

Живя въ Италіи и имѣя мало занятій по посольству, Семень Романовичъ все-таки не бездѣйствовалъ въ этой странѣ, быв-

шей колыбелью наукъ и искусствъ и представлявшей настоящей музей безцѣнныхъ художественныхъ сокровищъ. Тамъ, на античныхъ образахъ, Семенъ Романовичъ пріобрѣлъ художественный вкусъ, признававшійся за нимъ современниками, которые нерѣдко обращались къ Воронцову, какъ знатоку въ вопросахъ «изящнаго».

Но бездѣлье въ Венеціи въ сферѣ дипломатической томило предприимчиваго и подвижнаго Воронцова. Онъ умолялъ своихъ друзей и брата выручить его оттуда. Вскорѣ ему было предложено на выборъ одно изъ посланническихъ мѣстъ, — Парижъ и Лондонъ. Онъ выбралъ послѣдній городъ и отправился въ Англію, ставшую ему впослѣдствіи второю родиною. На этотъ выборъ повліяло то обстоятельство, что графъ Александръ Романовичъ, въ бытность свою въ Лондонѣ, оставилъ тамъ видныя знакомства и связи, которыя конечно могли пригодиться и младшему брату. Но тутъ могла быть и другая причина — политическія убѣжденія младшаго Воронцова, считавшаго союзъ съ Англіей и вообще поддерживавіе добрыхъ отношеній съ нею необходимымъ для Россіи. Но еще до поѣздки въ Англію Воронцова постигла тяжкая утрата: смерть жены, оставившей на рукахъ графа двухъ малютокъ, на которыхъ потомъ и сосредоточились заботы отца. Только въ 1785 г. прибылъ онъ въ Лондонъ.

Между тѣмъ какъ Семенъ Романовичъ, послѣ бурнаго житейскаго плаванія, нашелъ на долгое время прочную пристань въ Англіи, гдѣ онъ пробылъ десятки лѣтъ и умеръ, — Александръ Романовичъ принужденъ былъ «лабиринтъ» по усѣянному мелями и подводными камнями придворному поприщу. Правда онъ достигъ почестей, отличій, высокаго званія президента Коммерцъ-Коллегіи (министра торговли), но отношенія его къ государынѣ оставались холодными и натянутыми. Изъ дневника Храповицкаго видно, какъ относилась къ этому «медвѣдю» императрица. У Храповицкаго, бывшаго такъ сказать фотографомъ поступковъ и словъ Екатерины, сохранились слѣдующія ея замѣчанія: «Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ распространяетъ дальніе виды для своихъ прибытковъ». Когда Храповицкій читалъ докладъ о взяткахъ при рекрутскомъ наборѣ во Владимірѣ во время намѣстничества «Романа — Большаго кармана», государыня замѣтила о графѣ Александрѣ: «и этотъ таковъ-же!» Но здѣсь государыня несомнѣнно была неправа. Въ этомъ замѣчаніи ея скорѣе усматривается недоволь-

ство неугодливымъ, «не расшибавшимъ лба» на ея послыкахъ подданнымъ, чѣмъ искренняя увѣренность въ его издоимствѣ.

Во всякомъ случаѣ, въ ряду другихъ заслугъ Александра Романовича, исторія должна отмѣтить его поведеніе въ дѣлѣ Радищева, пострадавшаго за свою знаменитую книгу, неожиданно, какъ громъ, свалившуюся въ русское общество. Кажется и самъ Александръ Романовичъ былъ причастенъ изданію «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», ставшаго теперь библиографическою рѣдкостью. Поведеніе его въ дѣлѣ Радищева заслуживаетъ искренней похвалы. Онъ не испугался, что опала его пріятеля можетъ отразиться и на немъ, и дѣятельно вступился за изгнанника. Онъ способствовалъ снятію оковъ съ Радищева, писалъ губернаторамъ попутныхъ губерній объ оказаніи всякихъ льготъ и милостей арестанту, снабдилъ послѣдняго теплымъ платьемъ и порядочными деньгами, а также много переписывался съ нимъ въ то время, когда тотъ былъ въ ссылкѣ. При Александрѣ I Воронцовъ выхлопоталъ пособія семейству Радищева и помѣстилъ дѣтей его на казенный счетъ въ учебныя заведенія. Разсчетливый и не бросавшій денегъ на вѣтеръ, графъ Воронцовъ не жалѣлъ ихъ тамъ, гдѣ это было необходимо для хорошаго дѣла. Такъ онъ выкупилъ изъ тюрьмы сидѣвшаго за долги Голикова, извѣстнаго потомъ автора «Дѣяній Петра Великаго», которыми зачитывался въ Лондонѣ Семенъ Романовичъ.

Мы уже говорили, какъ нуждался Безбородко въ услугахъ своего пріятеля Воронцова. Вообще вся дѣятельность послѣдняго отличалась опредѣленностью и ясностью цѣлей, къ которымъ онъ стремился, между тѣмъ какъ другіе шли туда, куда «дуетъ вѣтеръ». Остальные прислушивались къ слову любимца, между тѣмъ какъ Воронцовъ противорѣчилъ самой государынѣ. И эту самостоятельность поступковъ и отсутствіе угодливости къ фаворитамъ графъ сохранилъ до конца, благодаря своему характеру и образу жизни. Въ своей автобіографической запискѣ онъ говоритъ, что все, вводящее въ соблазнъ большинство людей: почести, богатство, отличіе или карьера родственниковъ имѣло въ его глазахъ мало привлекательности и никогда не повліяло ни на одинъ его поступокъ. Хотя такое абсолютное увѣреніе и нужно принимать съ нѣкоторою осторожностью, но во всякомъ случаѣ образъ жизни графа не заставлялъ его прибѣгать къ унижительнымъ средствамъ для добыванія «благъ земныхъ»: онъ не любилъ ни роскоши, ни легкомысленныхъ

издержекъ и такимъ образомъ не особенно нуждался, владѣя и такъ большими капиталами, въ попрошайничествѣ «презрѣннаго металла». И въ этомъ отношеніи онъ далеко выдѣлялся изъ окружавшей его толпы, готовой, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ о любви къ родинѣ, продать эту «горячо любимую» родину за деньги любому покупателю. И мы можемъ вполне согласиться съ утвержденіемъ записокъ графа Александра Романовича, что все, доставшееся ему въ удѣлъ, получилось имъ за его таланты, благодаря силѣ обстоятельствъ, а можетъ быть иногда и «справедливости государей, которымъ онъ служилъ».

Графъ съ большимъ талантомъ участвовалъ въ составленіи таможеннаго тарифа, заключалъ торговые договоры съ иностранными государствами и способствовалъ возникновенію и оживленію нашей промышленности и торговли. Онъ между прочимъ обратилъ вниманіе на каменный уголь, зная хорошо это драгоцѣнное ископаемое еще въ Англіи. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ хвалитъ Елисавету за уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и «заставъ». Вообще Александръ Романовичъ былъ противникомъ большихъ налоговъ и обремененія платежей бѣдныхъ классовъ населенія.

Графу пришлось познакомиться съ Россією очень поздно, въ зрѣломъ уже возрастѣ: онъ былъ посланъ для ревизіи въ Москву и въ большинство центральныхъ губерній (1787 г.). Но кромѣ того онъ подолгу живалъ въ своемъ имѣніи Андреевскомъ, близко видѣлъ мужицкое житье и могъ считаться знатокомъ въ вопросахъ внутренняго устройства родины.

Мы уже знаемъ про плохія отношенія Александра Романовича къ княгинѣ Дашковой послѣ 28 іюня 1762 г. Онъ осуждалъ ее за предосудительныя поступки по отношенію къ опальной сестрѣ Елисаветѣ. Но потомъ графъ примирился съ княгинею и ихъ переписка продолжалась до смерти Александра Романовича. Конечно графъ, какъ человѣкъ умный, видѣлъ недюжинную силу въ своей сестрѣ, женщинѣ образованной и даже ученой: такихъ женщинъ тогда совсѣмъ не было въ государствѣ. Братъ и сестра справедливо пользовались репутаціей самыхъ образованныхъ людей среди тогдашней знати. Графъ всегда интересовался передовыми людьми Европы, переписывался съ Вольтеромъ, Даламберомъ и друг., при чемъ вѣроятно Воронцову, какъ и другимъ, пришлось окупать эту переписку соответственными подношеніями «фернейскому» отшельнику,

такъ какъ послѣдній не любилъ даромъ тратить время на корреспонденцію съ «баловавшимися» литературою русскими вельможами. вмѣсто письма къ забывавшимъ ублажать любившаго подарки «генія остроты» послѣдній могъ разразиться какою-нибудь убійственною эпитафиею.

Такъ шла жизнь братьевъ Воронцовыхъ: одинъ сражался за Россію съ англійскими дипломатами въ Лондонѣ, другой жилъ въ Петербургѣ, затаивъ глубоко непріязнь къ царившимъ тамъ порядкамъ. Старшій братъ былъ для младшаго живою связью съ оставленною послѣднимъ родиною: писалъ ему, извѣщалъ о перемѣнахъ при дворѣ и въ Россіи, предстательствовалъ за брата и за его проекты передъ императрицею. Кромѣ дружбы къ Англій, у обоихъ Воронцовыхъ за описываемое время рѣзко выдѣляется непріязнь къ Франціи, демагоги которой не на шутку переполошили всѣхъ защитниковъ стараго режима. Хотя Воронцовы и стояли за «лучшее» правленіе за коллегіальное рѣшеніе государственныхъ дѣлъ, но во всякомъ случаѣ не сочувствовали забиравшему силу парламенту, а на лицъ, подобныхъ Марату, Робеспьеру и Дантону — смотрѣли съ нескрываемымъ ужасомъ. Разумѣется, въ понятіяхъ Воронцовыхъ «лучшее» управленіе было синонимомъ командованія «лучшихъ» людей (въ смыслѣ ихъ принадлежности къ «высшему» сословію) остальною массою. Мысль о главенствѣ «народа» была еще тогда слишкомъ молодою, и трудно было-бы конечно рассчитывать встрѣтить ея адептовъ среди людей, выросшихъ въ горделивыхъ родовыхъ традиціяхъ.

Но всего интереснѣе, что эту непріязнь къ «жакобитамъ» Воронцовы перенесли на всю французскую націю, правамъ которой они однако подражали, а передъ литературою — преклонялись. Семень Романовичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: «кто съ французами ни связывался, — всѣ теряли свою непорочность, славу и независимость. Отъ нихъ только возвращенія умножаются». А Александръ Романовичъ въ своей запискѣ о французской революціи къ Безбородко говоритъ: «нужно бы симъ неистовствамъ преграду сдѣлать государямъ. Если сей образъ правленія и мнимаго равенства хоть тѣнь закоренѣлости во Франціи приметъ — для другихъ весьма пагубно». Въ этой же запискѣ «осторожный» Воронцовъ предлагалъ смотрѣть за пріѣзжими французами. Конечно графъ пересаливалъ, предполагая, что эти «французики», пріѣзжавшіе къ намъ за «ловлей

*

счастья и чиновъ», способны устроить революцію и въ Россіи...

Семень Романовичъ, нелюбя «жакобитовъ», вмѣстѣ съ тѣмъ негодовалъ на то, что—при скудости русскихъ финансовъ—выдали принцамъ, эмигрировавшимъ изъ Франціи, большія деньги. Въ раннихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Михаила Семеновича Воронцова осталась сцена, происшедшая у отца его съ графомъ д'Артуа, пріѣхавшимъ, по опрометчивому настоянію Зубова, въ Англію. Въ полурастворенную дверь дѣти слышали, какъ Семень Романовичъ сказалъ въ горячности принцу: «когда въ жилахъ течетъ кровь Генриха IV, то нечего попрошайничать, а нужно возвращать свои права со шпагою въ рукѣ!»

Отношенія графа Александра Романовича къ государынѣ и придворнымъ партіямъ оставались попрежнему холодными и въ 1794 г. онъ вышелъ, по собственному желанію, въ отставку, призванный снова на службу только при Александрѣ I.

Въ замѣчательной автобиографической запискѣ Александръ Романовичъ высказываетъ много благородныхъ мыслей и, говоря въ исполненныхъ достоинства выраженіяхъ о своей службѣ, не безполезной, по его мнѣнію, родинѣ, а также объ испытанныхъ неудачахъ, — заканчиваетъ слѣдующими прекрасными словами: «впрочемъ, я всегда былъ того мнѣнія, что люди имѣютъ соотвѣтственно ихъ достоинствамъ внутреннюю цѣну, которой не въ состояніи отнять у нихъ никто».

Но и государыня на этотъ разъ была довольно справедлива къ своему неугодливому министру. Приказывая Завадовскому заготовить указъ объ отставкѣ его друга, она писала: «не спору, что онъ вамъ дорогъ и что таланты имѣетъ. Всегда знала, а теперь наипаче вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя; права не имѣю принудить быть усерднымъ ко мнѣ... Разведены и развязаны на вѣкъ будемъ»... Затѣмъ слѣдовало совѣтъ не «дипломатическое», но чисто русское ухарское выраженіе по адресу Воронцова: «Чортъ его поberi»!

Александръ Романовичъ былъ избавленъ отъ необходимости откланиваться послѣ отставки государынѣ, причемъ послѣдняя мотивировала это дозволеніе слѣдующими умными словами: «За справедливость, коя требована съ гордостью и отдана по убѣжденію, — поклонъ всякой неумѣстенъ!»

Такъ разстался Воронцовъ съ императрицею, жизнь которой, исполненная бурныхъ приключеній, крупныхъ, но некон-

ченныѣ начинаній и давшая Россіи такъ называемый «Золотой Екатерининскій вѣкъ», склонялась къ вѣнзбѣжному концу, отъ котораго не избавлены — увы! — даже могучіе вѣнценосцы.

ГЛАВА V.

Кары и милости.

Царствованіе Павла I. — Дѣятельность Семена Воронцова въ Англіи. — Трудное положеніе Россіи. — Блестящій эпизодъ изъ посланничества Воронцова. — Неудобность Зубову. — Интимныя черты переписки. — Смерть Екатерины II. Ужасное положеніе Зубова. — Воцареніе императора Павла I. — Отношенія государя къ Воронцовымъ. — Семенъ Воронцовъ въ фаворѣ. — Рискованное ослушаніе императора. — Характеръ царствованія Павла I. — Опала Ростопчина. Опасныя предложенія. — „Репримандъ“ Семену Воронцову. — Его внезапная отставка. — Конфискація и секвестръ имѣній Воронцова. — Письмо священника Смирнова о смерти Павла I. Молодой государь. — Подача мнѣній Воронцовыми. Старшій Воронцовъ — канцлеръ. — Брюзжащая старость и кичущая юность. — Прибытіе Семена Воронцова въ Россію. — Воронцовъ и Чарторижскій. — Отставка и смерть канцлера Воронцова. — Утѣшеніе послѣднихъ лѣтъ жизни Семена Воронцова.

Приближалась эпоха — одна изъ самыхъ угрюмыхъ въ русской исторіи: кратковременное царствованіе Павла I. Эпоха политическихъ комбинацій и союзовъ, заключенныхъ сегодня для того, чтобъ быть разрушенными завтра; эпоха мальтійскаго грессмейстерства и удивительнаго похода въ Индію русскихъ казаковъ, совершенно не знавшихъ дороги въ сокровищницу «коварнаго Альбіона», власть котораго въ этой богатой странѣ предпологалось сокрушить смѣлымъ казацкимъ набѣгомъ атамана Платова. Эта эпоха, конечно, должна была отразиться и на братьяхъ Воронцовыхъ, но прежде, чѣмъ рассказывать объ этомъ, мы должны остановиться на жизни и дѣятельности графа Семена Романовича въ Англіи.

Обладая «обаятельнымъ добродушіемъ», импонирующею внѣшностью и многосторонне-образованный, графъ скоро совершенно акклиматизировался даже въ малогостепримной Англіи: онъ завелъ тамъ многочисленныя знакомства, близокъ былъ даже къ знаменитому Питту младшему (лорду Чатаму). Какъ извѣстно, графъ выдалъ свою единственную дочь за представителя самой родовитой англійской аристократіи — лорда Пэмброка.

Въ письмахъ его на континентъ, относящихся къ очень длинному промежутку времени, видно, какъ Семень Романовичъ болѣе и болѣе знакомился съ англійскими порядками и какъ съ этимъ болѣе основательнымъ знакомствомъ все сильнѣе возбуждалось въ немъ уваженіе къ строю, царствовавшему въ этой высококультурной странѣ. Но, глубоко уважая Англію, графъ Семень Романовичъ высоко держалъ знамя интересовъ своей родины и не разъ оказывалъ ей услуги въ то, богатое всякими военными столкновениями, время. Мы конечно не можемъ перечислять всѣхъ случаевъ, гдѣ проявилъ себя Семень Романовичъ вѣрнымъ слугою своей далеко оставленной отчизны, но остановимъ вниманіе читателей на самомъ знаменитомъ эпизодѣ его послѣдней дѣятельности.

Вскорѣ (въ 1788—91 гг.) послѣ начала дипломатической службы Воронцова въ Англіи, для Россіи наступили тяжелыя времена: она воевала со Швеціей и Турціей, — и въ это-же время ей грозила война на западѣ съ Пруссіей и Англіей. Питтъ, для котораго униженіе Россіею Турціи было такъ-же нежелательно, какъ и въ недавнюю войну для нынѣшняго англійскаго правительства, — сталъ весною 1791 г. вооружать огромныя морскія силы. Россія, истощенная недавнею Пугачевщиною и тяжелою войною въ Швеціи и Турціи, могла жестоко пострадать, если-бы осуществилась еще новая страшная война на западѣ, — и большая честь Семену Романовичу, что онъ сумѣлъ оказать крупную помощь въ устраненіи этого несчастія.

Англія вела значительную морскую торговлю съ Россіею, обезпеченную очень выгоднымъ для первой страны трактатомъ, срокъ котораго однако уже истекалъ. Очень любезно относясь къ своимъ пріятелямъ лордамъ и къ англійскому правительству и успокаивая ихъ на счетъ новаго заключенія торговаго договора, Семень Романовичъ однако, въ виду военныхъ приготовленій Англіи, посылалъ въ Петербургъ энергическія представленія, о томъ, что не слѣдуетъ спѣшить съ заключеніемъ трактата, и въ этомъ отношеніи Александръ Романовичъ, какъ президентъ коммерцъ-коллегіи, и Безбородко были его дѣятельными пособниками, представляя Екатеринѣ II убѣдительные доводы

Однако въ Англіи дѣло стало не на шутку походить на объявленіе войны и всемогущій даже въ этой конституціонной странѣ Питтъ готовъ уже былъ предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ нашей родины; тогда Семень Романовичъ при-

нялся энергически за работу. Онъ сошелся съ представителями оппозиціи въ томъ числѣ и съ знаменитымъ Фоксомъ, — говорилъ имъ о несправедливыхъ дѣйствіяхъ министра противъ державы, которая ничего дурного не сдѣлала Англій. Графъ Воронцовъ напалъ на самую чувствительную струну англичанъ — ихъ торговые интересы, которые могли значительно пострадать въ случаѣ войны. Онъ наконецъ распространилъ цѣлыя тучи воззваній къ народу по этому поводу, и его энергическая дѣятельность увѣнчалась успѣхомъ. Питтъ, владѣвшій сначала громаднымъ большинствомъ въ парламентѣ, съ безпокойствомъ видѣлъ, что это большинство убываетъ и готово въ вопросѣ о войнѣ съ Россіею измѣнить министру. Тогда послѣдній, увидѣвъ въ этомъ «гласъ народа» — «гласъ Божій», послалъ догонять курьера, везшаго уже депеши съ объявленіемъ войны Россіи.

Такъ окончился этотъ блистательный эпизодъ въ дѣятельности Семена Романовича, и къ чести императрицы нужно сказать, что въ эту пору она высоко цѣнила заслуги своего представителя: послѣ заключенія мира съ Турціей въ Яссахъ въ 1791 г. онъ былъ награжденъ.

Но, исполняя высокія государственныя обязанности защитника интересовъ своего отечества, графъ часто приходилъ въ негодованіе отъ тѣхъ порученій, которыя шли отъ фаворитовъ государыни. Въ особенности возмущалъ его Зубовъ. Этотъ зазнавшійся временщикъ, совершенно не зная ни нравовъ, ни строя «гордаго» Альбіона, выдумывалъ многія нелѣпости и поручалъ исполненіе ихъ, подъ эгидою конечно императрицы, Семену Романовичу. Зубовъ, передъ которымъ все преклонялось въ Россіи, въ передней котораго толпились власти и родовитые дворяне, считая за счастье, если ихъ удостоить взглядомъ любимецъ «случая», — воображалъ, что его имя будетъ достаточно импонировать англичанамъ и что они за него полѣзутъ «въ огонь и въ воду». Зубовъ между прочимъ навязалъ Семену Романовичу миссію съ графомъ д'Артуа, которому, по мнѣнію временщика, англичане должны были помочь въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ, между тѣмъ какъ эти англичане несомнѣнно-бы арестовали царственнаго эмигранта за его долги, если-бы онъ сошелъ на англійскій берегъ. Но графъ Воронцовъ предупредилъ этотъ скандалъ и графъ д'Артуа уѣхалъ, «не солоно хлебавши». Зубову передали, что неудачу принца нарочно подготовилъ Семень Романовичъ и что эта миссія удалась-бы,

если-бы посольство захотѣло постараться. Такъ какъ и еще были случаи неисполненія желаній Зубова и такъ какъ всегда въ этихъ случаяхъ Воронцовъ считалъ себя правымъ, говорилъ съ временщикомъ твердымъ тономъ, то легко предположить, почему послѣдній не взлюбилъ англійскаго посланника. А это обстоятельство, — въ связи съ тѣмъ фактомъ, что Семень Романовичъ позволялъ себѣ критиковать дѣйствія тогдашняго правительства, — достаточно объясняетъ холодность къ нему Екатерины за послѣдніе годы ея царствованія.

О томъ, что дѣлалось на родинѣ, Семень Романовичъ узнавалъ точно, ведя громадную корреспонденцію — во времена Екатерины и Павла I отъ брата, Завадовскаго и Ростопчина. Эта корреспонденція имѣетъ высокой исторической интересъ и конечно со временемъ послужитъ богатымъ матеріаломъ для историковъ. Въ ней попадаетъ масса бытовыхъ чертъ, интересныхъ характеристикъ и разсказовъ о грандіозныхъ событіяхъ того времени. Мелькаютъ часто и чрезвычайно интимныя черты, какъ напримѣръ въ письмѣ Завадовскаго, относящемся впрочемъ до болѣе ранняго времени. Это посланіе состоитъ всего изъ нѣсколькихъ строчекъ, но весьма многозначительно. «Порадуйся, мой любезный графъ, — писалъ 2 января 1776 г. Семену Романовичу Завадовскій, весь сіяющій отъ выпавшаго на его долю счастья, — что на меня проглянуло небо и что уже со вчерашняго дня — генераль-адъютантомъ вашъ другъ»... Т. е., попросту говоря, на долю графа Завадовскаго съ этого времени выпалъ «случай», продолжавшійся впрочемъ недолго.

Насталъ 1796 годъ. Семень Романовичъ, видѣвшій ясно холодное отношеніе къ себѣ въ Петербургѣ, — такъ какъ нѣкоторыя сношенія съ представителями Англій велись уже помимо графа, что очевидно происходило подъ вліяніемъ Зубова, — подумывалъ выйти въ отставку и покинуть Лондонъ. Но въ зимнемъ дворцѣ 6 ноября этого года произошла драма: старая государыня, блестящее царствованіе которой омрачилось неудачею сватовства внуки за юношу шведскаго короля, — неудачею, усилившею болѣзнь «сѣверной Семирамиды», — лежала безъ движенія, пораженная апоплексическимъ ударомъ. Всѣ усилія возвратить ее къ жизни были тщетны и она скончалась. Около почившей толпились ея вѣрные слуги, прожившіе съ нею десятки лѣтъ, ея возвышенные изъ ничтожества любимцы, — съ мрачными предчувствіями ожидавшіе бу-

душаго. Толпа сановниковъ и знати наполняла дворецъ. Всего ужаснѣе было положеніе Зубова: зтотъ еще вчера всемогущій человекъ, въ переднюю котораго считали за счастье попасть люди, которые теперь сторонились отъ него, какъ отъ зачумленнаго, сидѣлъ блѣдный и растерянный. Онъ не могъ добыть даже стакана воды отъ лакеевъ и въ этомъ случаѣ помогъ ему уже Ростопчинъ, внезапно, съ воцареніемъ новаго государя, выдвинувшійся на передній планъ и оставившій въ высокой степени интересныя записки о послѣднемъ днѣ Екатерины Великой... Всѣ во дворцѣ тяготились невѣдомыми, тяжелыми предчувствіями, въ воздухѣ нависла гроза. Гатчинскіе друзья государя—Аракчеевъ, Кутайсовъ, Плещеевъ, Куракинъ—являлись на смѣну прежнимъ дѣятелямъ.

На судьбѣ Воронцовыхъ не замедлили отразиться новыя событія. Княгиня Дашкова, которой Павелъ I терпѣть не могъ за ея нравъ,—была выслана въ село Горетово; положеніе Александра Романовича, пріютившаго уволеннаго Лаферьера, было сначала тоже незавиднымъ, хотя оно скоро поправилось, благодаря тому, что Безбородко, пріятель старшаго Воронцова, возымѣлъ большое вліяніе на дѣла и какъ извѣстно былъ осыпанъ неожиданно для многихъ милостями государя. Впрочемъ всѣ дѣйствія императора Павла I носили неожиданный и внезапный характеръ, и даже его любимцы должны были хорошо помнить, что отъ Капитолія не далеко и до Тарпейской скалы. Но въ отношеніи графа Семена Романовича на первое время дѣло обстояло благополучно.

Прежде всего государь зналъ о поведеніи младшаго Воронцова во время воцаренія Екатерины II и уже эта одна причина была достаточна для того, чтобъ нашъ англійскій посоль не безпокоился за свою судьбу. Но кромѣ этого за него былъ предстателемъ горячій его почитатель Фед. Вас. Ростопчинъ, въ первое время игравшій очень вліятельную роль при государѣ.

Хотя при постоянныхъ сношеніяхъ съ своими друзьями и знакомыми при дворѣ, Семень Романовичъ и зналъ о неустойчивомъ характерѣ склоннаго къ крайнимъ увлеченіямъ своего повелителя, но въ первое время онъ получилъ ясныя указанія благоволенія государя. Вначалѣ царствованія Павелъ I пожаловалъ Семена Романовича чиномъ генерала отъ инфантеріи съ повышеніемъ въ званіе чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Лондонъ. «Знайте,—писалъ ему на другой день по смерти

Екатерины II Ростовчинъ, — знайте, что вы сами и труды ваши угодны и нужны императору». Впрочемъ всё вождельнiя посла за это время не заходили дальше скромнаго желанiя — остаться въ Лондонѣ посланникомъ. Онъ вовсе не желалъ ѣхать въ Россiю, такъ какъ зналъ, что, живя въ Петербургѣ, долженъ былъ по званiю «полнаго генерала» являться на раннiя упражненiя и тяжелые вахтпарады Павла I, на что посоль при своемъ плохомъ здоровьѣ не считалъ себя способнымъ.

Тутъ конечно дѣйствовало и опасенiе характера государя, отношенiя съ которымъ на разстоянii казались безопаснѣе. Спустя нѣкоторое время по воцаренii, настроенiе государя оказалось благопрiятнымъ даже по отношенiю къ графу Александру Романовичу, котораго прiатели (Безбородко и др.) вызывали опять на службу, но «осторожный» Воронцовъ, вѣроятно зная хорошо, съ кѣмъ-бы ему пришлось имѣть дѣло, не выходилъ изъ своего подмосковнаго уединенiя, хотя это кажется въ свою очередь упрочило противъ него предубѣжденiе государя.

Въ коронацiю Павла I (5 апрѣля 1797 г.) Семену Романовичу была дана одна изъ самыхъ высшихъ наградъ — Андреевская лента и онъ возведенъ въ графское достоинство росси́йской имперii (до того Воронцовы считались графами нѣмецко-римской имперii). Кромѣ того послу подарены имѣнiя въ Финляндii, а дочь получила званiе фрейлины императрицы. Вскорѣ затѣмъ и сынъ Семена Романовича 16-лѣтнii Михаилъ, по просьбѣ отца, былъ отчисленъ изъ списковъ гвардii и прямо, помимо званiя камеръ-юнкера, пожалованъ въ камергеры, съ оставленiемъ при отцѣ для занятiй въ посольствѣ.

Но среди этого потока милостей встрѣтилось одно обстоятельство, которое сразу могло имѣть опасныя послѣдствiя для графа. Это обстоятельство рисуеть намъ самостоятельность Семена Романовича, не побояшагося, въ интересахъ дѣла, послушаться приказанiя даже императора Павла, съ характеромъ котораго посоль уже достаточно ознакомился.

Въ англiйскихъ портахъ стояла русская эскадра адмирала Макарова, назначенная для совмѣстныхъ дѣйствiй съ англiйскимъ флотомъ противъ французовъ; императоръ приказалъ ей черезъ посла возвратиться домой. Въ это время въ англiйскомъ флотѣ вспыхнулъ опасный бунтъ, матросы овладѣли большинствомъ кораблей и берега Англiи оставались беззащитными противъ голландцевъ и французовъ. Посоль, по отчаянной

просьбѣ лорда Гренвиля, рѣшился на свой страхъ оставить эскадру почти на 3 недѣли болѣе, чѣмъ было приказано государемъ. Это спасло Англiю отъ покушенiй голландскаго флота. За этотъ поступокъ посла, рѣшившагося ослушаться государя, не терпѣвшаго ни малѣйшаго сопротивленiя своей волѣ, трепетали друзья Сем. Романовича. Но гроза миновала благополучно.

Между тѣмъ характеръ государя начиналъ все болѣе и болѣе выясняться. Даже Ростовчинъ попалъ въ немилость и это только за то, что не успѣлъ въ нѣсколько минутъ прибыть во дворецъ по приглашенiю государя. Поэтому неудивительно, что Семена Романовича нисколько не обрадовало предложенiе Павла I быть вице-канцлеромъ въ помощь болѣвшему Безбородкѣ. Но замѣчательно обдуманнѣмъ и тактичнѣмъ письмомъ Семенъ Романовичъ устранилъ отъ себя эту честь. Затѣмъ послѣдовало новое приглашенiе императора, въ виду ожидавшейся смерти Безбородки, занять могущую открыться вакансiю канцлера— и казалось отступленiе было невозможно. Воронцовъ снова послалъ государю замѣчательное письмо, а самъ все-таки сталъ готовиться къ отъѣзду изъ Англiи, съ нравами и климатомъ которой онъ уже свыкъся. Изъ переписки посла за это время видно, какiя мрачныя предчувствiя и даже увѣренность въ близкой гибели тяготили его. Но и тутъ дѣло обошлось благополучно: Павелъ I разрѣшилъ послу оставаться въ Англiи, не волея его прiѣздомъ на родину, «будучи увѣренъ,— по словамъ рескрипта,— что онъ и внѣ Россiи будетъ ей полезенъ». Но на этомъ пора добрыхъ отношенiй между императоромъ и его англiйскимъ посломъ кончилась: Семену Романовичу приходилось испивать общую со всѣми чашу—неожиданныхъ немилостей и каръ. Въ Европѣ на ту пору происходила страшная суматоха. Успѣхи революцiонной Францiи и ея консуль, одерживавшiй блестящiя побѣды, грозили всему тогдашнему режиму. Но ни коалицiи, ни союзы противъ республики не помогали: она гигантскими шагами шла къ господству въ Европѣ. Павелъ I тоже не оставался равнодушнѣмъ зрителемъ событiй, колебавшихъ троны его царственныхъ «братьевъ». Мы примкнули къ Австрiи и Англiи, но послѣдняя, по обыкновенiю, эксплуатировала насъ и не сдерживала постановленiй трактата. Больше всего обидѣлся государь на Англiю за то, что она, вопреки договору, удержала за собою островъ Мальту, а между тѣмъ Павелъ I былъ великимъ магистромъ Мальтiйскаго

ордена. Союзъ съ Англіей висѣлъ на волоскѣ и Семень Романовичъ старался его спасти, дѣлая соотвѣтственныя представленія государю. Но 4 апрѣля 1800 г. графъ получилъ «репримандъ»: официальное письмо Ростопчина, что «Его В-во, усматривая изъ донесеній вашихъ разныя представленія вопреки его волѣ, приказалъ вамъ сказать, что если исполненіе оной вамъ въ тягость, то не возбраняется вамъ просить увольненія съ службы...» Это официальное письмо сопровождалось другимъ (шифрованнымъ), въ которомъ Ростопчинъ писалъ, между прочимъ: «если съ вами такъ поступаютъ, то что ждетъ меня? И могу-ли я оставаться? Орошаю слезами ваши руки... Будемъ плакать вмѣстѣ!»

Не успѣлъ графъ даже послать объясненій по поводу гнѣвныхъ замѣчаній Павла I, какъ получилъ отъ него уже вторую «неожиданность» (рескриптъ 13 апрѣля 1800 г.): «находя, по малому числу дѣлъ, что присутствіе ваше въ Англіи не совсѣмъ можетъ быть нужно, позволяю употребить сіе время на поправленіе вашего здоровья и отправиться къ водамъ».

Но эту внезапную и обидную отставку испытанія только-что начинались: вскорѣ Михаилъ Семеновичъ былъ отставленъ отъ камергерства. Затѣмъ послѣдовалъ союзъ съ Франціею уже противъ Англіи, наложено было въ русскихъ гаваняхъ запрещеніе на англійскіе корабли и замышлялась уже знаменитая экспедиція донскихъ казаковъ въ Индію. Семень Романовичъ, удалившійся изъ Лондона въ Соутгэмптонъ, въ то время небольшое рыбацье мѣстечко,—видѣлъ неизбежность войны. Онъ сознавалъ, что въ этомъ случаѣ ему не придется оставаться въ Англіи и нужно покинуть мирный уголокъ, въ которомъ онъ спокойно и счастливо проживалъ съ дѣтьми послѣ бурь и тревоженій дипломатической службы. Онъ собирался уже къ отъѣзду, какъ вдругъ на него обрушилась тяжелая кара: «за недоплаченные лондонскими банкирами Пишелемъ и Броденомъ,—говорилось въ указѣ 19 февраля 1801 г.—казнѣ принадлежащія деньги 499 ф. стерлинговъ, 14 шиллинговъ и 5 пенсовъ—конфисковать на такую сумму имѣнія генерала графа Воронцова; прочее-же имѣніе его за пребываніе въ Англіи—взять въ казенный секвестръ».

Подъ указомъ стояло одно изъ зловѣщихъ тогдашнихъ именъ генералъ-прокурора Обольянинова.

Пишель и Броденъ были банкиры, чрезъ которыхъ велись

денежныя дѣла посольства, и взысканіе съ нихъ задержанныхъ ими денегъ было возможно обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Понятно, графъ Семень Романовичъ не былъ ни въ чемъ виноватъ и это внезапное и суровое рѣшеніе, отнимавшее средства къ жизни, поразило посла. Но объясненіе и оправданіе его по этому поводу не застало уже государя въ живыхъ. Посольскій священникъ Смирновъ 13 апрѣля 1801 г. писалъ графу въ Соутгамптонъ; «успокойте, ваше сіятельство, духъ вашъ отъ временнаго безпокойства: Павелъ I отыде въ вѣчный покой»... Новый государь немедленно отмѣнилъ распоряженіе покойнаго отца и секвестръ съ имѣній англійскаго посла, передававшихся уже, по распоряженію графа Александра Романовича, исправникамъ, былъ снятъ. Эту милость Александра I сообщилъ Семену Романовичу Паленъ, что однако не измѣнило отношенія Воронцова къ этому «подлому угоднику Зубова, дѣлавшему и приносившему фавориту по утрамъ кофе».

Молодой государь старался залѣчить раны прошлаго. Съ жаромъ юноши набросился онъ на дѣла государственныя, окружилъ себя молодыми и талантливыми помощниками и конечно братья Воронцовы могли вздохнуть при немъ свободнѣе: младшій былъ утѣшенъ знаками вниманія государя, а старшій — Александръ Романовичъ былъ вызванъ изъ своего уединенія и вскорѣ занялъ постъ государственнаго канцлера (8 сентября 1802 г.). «Заживаютъ раны отъ муки прежней», — писалъ своему пріятелю въ Лондонъ послѣ воцаренія Александра I, — испытавшій при Павлѣ опалу старикъ Завадовскій.

Вновь настала пора для братьевъ Воронцовыхъ заявлять свои мысли и убѣжденія: молодой государь сначала ихъ очень благосклонно выслушивалъ, причѣмъ братья не стѣснялись въ критикѣ какъ минувшаго времени, такъ и современныхъ порядковъ и лицъ, ими завѣдующихъ. Въ особенности Семень Романовичъ сильно нападалъ на тогдашняго молодого дѣятеля, графа Н. П. Панина, завѣдывавшаго иностранными дѣлами и представлявшаго собою антагониста братьямъ Воронцовымъ въ политикѣ. Вскорѣ Панинъ былъ смѣщенъ и, какъ мы уже сказали, главенство, впрочемъ на весьма недолгое время, въ управленіи госуд. дѣлами принялъ Александръ Романовичъ.

Въ своихъ запискахъ Воронцовы были откровенны и непримѣръ старшій братъ довольно ясно говоритъ о тяжелыхъ павловскихъ временахъ и рѣшительно утверждаетъ, что Рос-

сія «никогда, къ сожалѣнію, устроена не была». Въ своихъ политическихъ взглядахъ братья, не смотря на то, что «воды много уже утекло», оставались консервативны: по прежнему они стояли за согласіе съ Англіею и не долюбливали Франціи, въ особенности «высочки» Бонапарта, хотя уже не далеко было время, когда этотъ «высочка» наполнилъ міръ славою своихъ побѣдъ и изъ когда-то скромнаго офицера сдѣлался сюзереномъ, раздававшимъ европейскіе престолы своимъ маршаламъ, роднѣ и фаворитамъ,—и гигантомъ, раздавившимъ въ нѣсколько недѣль все могущество Пруссіи и Австріи.

Во внутреннемъ управленіи Воронцовы попрежнему стояли за коллективное обсужденіе дѣлъ и прежнюю роль сената, какую онъ имѣлъ въ Петровское время. Теперь, какъ и въ прежнія царствованія, не было почти ни одного вопроса въ государственномъ управленіи, о которомъ бы не подавали своихъ мнѣній, проектовъ и записокъ братья Воронцовы. Партизаны союза съ Англіею, при помощи котораго они желали развитъ морскія силы Россіи, Воронцовы интересовались положеніемъ морского дѣла на родинѣ; зная хорошо Англію и ея морскую организацію, они въ этомъ отношеніи были цѣнными совѣтниками и участвовали въ разработкѣ вопросовъ о русскомъ флотѣ. Между прочимъ, знаменитый адмиралъ Грейгъ, герой войны съ Швеціею, былъ ихъ другомъ. Въ сферѣ военнаго дѣла, которое Семень Романовичъ прошелъ въ школѣ славнаго Румянцева,—младшій Воронцовъ былъ специалистомъ и его записка «о способахъ лучшаго устройства русской арміи», поданная Александру I, не утратила интереса и въ настоящее время. Вообще какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ вопросахъ мнѣнія Воронцовыхъ отличались разумностью и самостоятельностью, выдѣлявшими ихъ изъ окружающей посредственности, и во всякомъ случаѣ—основательнымъ знаніемъ трактуемаго предмета.

Но брюзжащая и упрямая старость, отстаивающая съ упорствомъ убѣжденія, разъ сложившіяся въ умѣ, и съ трудомъ поддающаяся новымъ вѣяніямъ, бываетъ плохую союзницею кипучей, порывающейся молодости, желающей испытать способности пересоздать по новымъ рецептамъ міръ и возстановить въ немъ нарушенное нравственное равновѣсіе. И братья Воронцовы испытали это вскорѣ по воцареніи Александра I.

Послѣ долгихъ 17 лѣтъ—въ 1802 г. прибылъ Семень Романовичъ на родину вмѣстѣ съ дочерью. Сынъ его уже ранѣ

пріѣхаль въ Россію и жилъ у дяди-канцлера. Все семейство Семена Романовича было обласкано и прекрасно принято при дворѣ, а образованный, молодой и любезный Михайль Семеновичъ, — гордость дяди и отца, — имѣлъ большой успѣхъ среди тогдашняго общества, которое не могло похвалиться образованною молодежью. Это пребываніе Семена Романовича въ Россіи было послѣднимъ и онъ вернулся въ концѣ 1802 г. снова въ Англію, чтобъ никогда уже не видѣть родины, по отношенію къ которой были можетъ быть довольно справедливы слова одного изъ государственныхъ людей: «это страна, въ которой, живя въ деревнѣ, пошлѣешь я, живя въ столицѣ, подлѣешь»...

Молодые сотрудники государя вездѣ вытѣсняли старыхъ слугъ его отца и бабки. Не замедлило тоже случиться и съ графомъ Александромъ Романовичемъ. Назначенный ему въ помощники молодой Чарторижскій, тонкій и образованный полякъ, на самомъ дѣлѣ забралъ все въ свои руки и пользовался большимъ довѣріемъ государя. Чувствуя притомъ себя большимъ, графъ отстранился отъ дѣлъ съ 1804 г., уѣхалъ въ свое имѣніе Андреевское, гдѣ и прожилъ, сохраняя по внѣшности всю канцлерскую обстановку, — получалъ депеши, имѣлъ канцелярію, — но уже почти безъ вліянія на дѣла государственныхныя. Въ 1805 г., 2 декабря, графъ Александръ Романовичъ скончался въ Андреевскомъ, гдѣ и погребенъ.

Братъ его, Семень Романовичъ, тоже сходилъ со сцены: 15 мая 1806 г. онъ вышелъ въ отставку, при чрезвычайно лестномъ отзывѣ о его дѣятельности со стороны государя, съ почетомъ и соотвѣтственнымъ гонораромъ. Но на долю этого симпатичнаго старика выпало рѣдкое счастье видѣть блестящіе успѣхи сына, воспитанію котораго онъ посвятилъ такъ много времени и заботъ. Къ жизни и дѣятельности этого знаменитѣйшаго изъ Воронцовыхъ мы теперь и перейдемъ.

ГЛАВА VI.

Знаменитѣйшій изъ Воронцовыхъ.

Личность и общество. — Невозможность быстро пересозданія общества. — Счастливыя условія въ дѣтствѣ Михаила Семеновича Воронцова. — Его воспитаніе и образованіе. — Мальчикъ пишетъ письма и денеші. — Вдали отъ крѣпостного права. — Простота и привѣтливость Воронцова. — Подъ командой Циціанова. — Переговоры съ царемъ Імеретіи. — На поляхъ европейскихъ битвъ. — Жизнь въ Андреевскомъ. — На поляхъ Наполеоновскихъ битвъ. — Окупаціонный корпусъ Воронцова. — Благодарность и любовь подчиненныхъ къ воеводу. — Участіе въ запискѣ объ освобожденіи крестьянъ. — Характеръ Воронцова — Его взгляды и наружность. — Воронцовская "скровенность". — Вражда къ тѣлеснымъ наказаніямъ. — Громадное богатство. — Назначеніе Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ.

Обозрѣвая жизнь государственнаго челоуѣка, захватывавшаго своею дѣятельностью многія сферы народной жизни, — невольно сталкиваешься съ вопросомъ о взаимодействіи личности и общества, о степени вліянія дѣятеля на общество и наоборотъ. Существуютъ разные взгляды на этотъ предметъ: одна школа историковъ вѣритъ въ возможность чудесъ при воздѣйствіи со стороны геніальной личности даже на самое инертное и невѣжественное общество; другіе историки наоборотъ отводятъ слишкомъ мало мѣста личности въ ходѣ историческаго процесса и видятъ въ дѣятелѣ только что-то вродѣ аккумулятора, скопившаго въ себѣ то, что въ разбросанномъ видѣ циркулируетъ въ массѣ. При такомъ взглядѣ на дѣло понятно личности, въ особенности въ странахъ культурныхъ, — отводится незначительное мѣсто: она, дѣйствуя оригинально, на-перекоръ массѣ, ничего не подѣлаетъ съ стихійной силой народа. Но кажется, что подобный взглядъ на личность и общество могъ возникнуть только въ такихъ высокообразованныхъ государствахъ, какъ Англія, гдѣ масса выросла и развилась въ политическомъ отношеніи, при цѣлыхъ столѣтіяхъ историческаго опыта, и сознательно относится къ дѣлу. Но вопросъ принимаетъ иную форму для странъ мало-культурныхъ: здѣсь вліяніе личности, — могучей, энергической, облеченной прерогативами власти, — на толпу несомнѣнно, хотя оно сильнѣе всего можетъ выразиться только отрицательными результатами.

Въ самомъ дѣлѣ, много-ли можетъ сдѣлать вообще добра личность громадной массѣ, представляющей результатъ вѣковыхъ стихійныхъ вліяній? Можетъ-ли она, и въ особенности

за періодъ времени, обнимаемый человѣческою жизнью, — улучшить положеніе массы и содѣйствовать ея духовному просвѣтленію? Передъ государственнымъ чловѣкомъ стоитъ трудная задача улучшенія быта цѣлыхъ милліоновъ людей, утопающихъ во мракѣ: постановка на прочную почву цѣлаго государственнаго организма и необходимость провидѣть его далекое будущее и, во имя будущаго «здоровья» этого организма, — производить надъ нимъ въ настоящемъ кровопусканія и хирургическія операціи. Но въ человѣческой природѣ слишкомъ много унаслѣдованныхъ пороковъ. чтобы она могла быстрыми шагами прійти къ «правдѣ и свѣту». Достиженіе этихъ результатовъ предполагаетъ извѣстный подвигъ и самовоздержаніе въ интересахъ «ближняго», а на это люди очень мало склонны. Такъ что личность, поставленная высоко и дѣйствующая на невѣжественную толпу, воспитанную въ страхѣ передъ властью, имѣетъ возможность скорѣе сдѣлать много зла: опустошить цѣлыя страны войною, принять драконовскія мѣры и пр. — но сомнительно, чтобы она могла воздѣйствовать на массу, инертную къ добру, въ смыслѣ слѣдованія ея быстрыми шагами къ тому нравственному совершенству, которое должно быть задачею всякаго дѣятеля. Тамерланъ въ нѣсколько лѣтъ могъ превратить цѣлыя государства въ пустыни, но Генрихъ IV во всю жизнь не добился даже скромной «курицы въ супѣ» для своего народа. На нашихъ глазахъ еще были страшныя бойни и можетъ быть судьба судила присутствовать намъ при еще болѣе ужасающей бойнѣ «націй» за свои интересы, а между тѣмъ уже 2000 лѣтъ назадъ было сказано Кроткимъ Учителемъ: «нѣсть эллинъ и іудей» и провозглашены другія святыя истины, которыхъ до сихъ поръ «не вмѣстили» народы.

Увы, какъ ни симпатичны теоріи о быстромъ пересозданіи человѣчества — сверху или снизу, — теоріи, привлекающія къ себѣ своею красотою въ особенности страстную и порывистую молодежь, — но истинное достиженіе добра получается мучительно-медленнымъ путемъ, способнымъ повергнуть чловѣка въ отчаяніе. И благо тѣмъ дѣятелямъ, которые своею жизнью не прибавляютъ зла къ массѣ его, — и такъ уже угнетающей мірѣ, — а даютъ людямъ хотя крупинцы добра, — жатву посѣва которыхъ увидятъ въ осязательной формѣ можетъ быть только отдаленные наши потомки.

Всѣ эти соображенія о возможной роли государственныхъ людей

въ исторіи нужно имѣть въ виду и при оцѣнкѣ дѣятельности Михаила Семеновича Воронцова, дѣтству, юношеству и первымъ шагамъ котораго на общественномъ поприщѣ мы посвящаемъ эту главу.

Немногіе люди были поставлены въ такія счастливыя условія въ дѣтствѣ, какъ Михаилъ Семеновичъ. Сынъ умнаго и просвѣщеннаго отца, передавшаго ему свою любознательность, онъ провелъ дѣтство въ странѣ, въ которой можно было получить прекрасное образованіе. У него были образцовые гувернеры и учителя. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ нѣсколькими новыми и зналъ классическіе языки. Въ его образованіи не были забыты математика, политическія науки и другія знанія. Съ ранней юности будущій фельдмаршалъ познакомился съ литературою европейскихъ странъ, а все это въ эпоху, когда у насъ, на Руси, «учились понемногу — чему-нибудь и какъ-нибудь», представляло цѣнное достояніе для будущаго дѣятеля. Кромѣ учебныхъ занятій не меньшее значеніе имѣли бесѣды съ отцомъ и встрѣчи съ его друзьями и знакомыми: въ воспримчивую душу ребенка могли почти неуловимо западать въ этихъ бесѣдахъ элементы знаній. Графъ Семенъ Романовичъ серьезно отдался дѣлу воспитанія своихъ дѣтей и аккуратно слѣдилъ за исполненіемъ плана систематическаго образованія въ нихъ вкуса, знаній и пониманія нравственныхъ обязанностей человѣка. Съ удовольствіемъ просматриваются его письма о совмѣстномъ чтеніи съ дѣтьми; такъ, Семенъ Романовичъ сообщалъ Александру Романовичу, что «Мишенька» (11—12-лѣтній мальчикъ) читаетъ то римскихъ классиковъ, то Мольера, отъ котораго хохочетъ до слезъ. Мальчикомъ Михаилъ Семеновичъ былъ уже au courant современныхъ политическихъ вопросовъ. Отецъ, болѣвшій глазами, диктовалъ часто 12-лѣтнему «Мишенькѣ» письма и депеши, — посвящалъ его въ частности предмета, — и то, что другимъ могло быть извѣстно изъ пятаго въ десятое изъ газетъ, — мальчикъ, стоявшій такъ сказать у лабораторіи, гдѣ изготовлялись политическіе вопросы, зналъ подробно и хорошо.

Въ смыслѣ влияния на образованіе характера будущаго дѣятеля, обстоятельства были не менѣе благоприятны: на мальчика дѣйствовалъ благородный примѣръ отца, стойкаго, твердаго и дѣятельнаго человѣка, не на словахъ только примѣнявшаго принципъ «noblesse oblige».

Вдали отъ тогдашняго Петербурга, гдѣ съ одной стороны

господствовали лезть и угодливость, а съ другой—надменность и чванство чинами и родовитостью; вдали отъ крѣпостного права, такъ развращающе дѣйствовавшаго на нашихъ предковъ; въ свободной странѣ, гдѣ рабочіе не ломали шапокъ даже передъ знатными лордами, — у молодого Воронцова не могло выработаться тѣхъ свойствъ характера, которыя такъ естественно развивались на родинѣ у представителей того класса общества, къ которому принадлежалъ сынъ посланника. И ту простоту и привѣтливость, ту одинаковую любезность ко всѣмъ людямъ, имѣвшимъ къ нему отношенія, когда онъ уже былъ всемогущимъ намѣстникомъ Кавказа и вельможею, достигшимъ высшихъ ступеней власти, — слѣдуетъ приписать жизни его въ Англіи. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что Михайлъ Семеновичъ, не видѣвъ Россіи до 18-лѣтняго возраста (онъ оставилъ ее, когда ему не было и 2 лѣтъ), тѣмъ не менѣе прекрасно говорилъ на русскомъ языкѣ, — результатъ усилій его отца.— то поймемъ тотъ успѣхъ, который былъ удѣломъ молодого Воронцова при появленіи его въ Россіи (въ маѣ 1801 г.). И дѣйствительно, какъ старый Завадовскій, такъ и графъ Александръ Романовичъ — въ письмахъ къ послу—раскваливали его сына и ставили молодого Воронцова въ примѣръ тогдашней молодежи, у которой было «на грошъ аммуниціи» по части образованія и способностей, и на цѣлыя сотни рублей «амбиціи». «Не полагалъ я,—пишетъ старый Завадовскій послу,—никакъ пережить судороги Россіи и начать счастливую эпоху утѣшеніемъ, увидя твоего прेमилаго сына... Сердце доброе и нѣжное, скромность не по лѣтамъ и разсудокъ здоровый имѣеть... о сихъ качествахъ предваряетъ всякаго и наружный видъ его...» Съ худо скрываемою радостью относился Семень Романовичъ къ этимъ похвалямъ его сыну, не стѣсняясь и самъ его хвалить. «Онъ у меня *bon garçon*»—пишетъ посоль друзьямъ о «Мишенькѣ».

Хотя юный Воронцовъ имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ и поступилъ въ гвардію, въ Преображенскій полкъ, но онъ жаждаль активной дѣятельности и у молодого человѣка сначала очевидно сказалась «военная» косточка отца. Немного спустя по пріѣздѣ въ Россію, въ 1803 г., мы уже видимъ Михайла Семеновича на войнѣ съ Персією, подъ командою знаменитаго героя князя Циціанова, знакомаго Воронцовыхъ. Съ сердечнымъ трепетомъ слѣдили старики графы за судьбою сына и племянника, «онъ

*

одинъ у насъ»—писалъ канцлеръ Александръ Романовичъ Циціанову, прося побережъ молодого Воронцова. И можно представить себѣ ту радость, которая наполняла сердце посла при чтеніи писемъ Циціанова, исполненныхъ похвалъ молодому человѣку, отличавшемуся и находчивостью, и храбростью и привлекавшаго товарищей обворожительною простотою обращенія. Конечно въ этихъ аттестаціяхъ старика Циціанова могло играть не малую роль и желаніе доставить пріятное высокопоставленнымъ и богатымъ вельможамъ, хваля ихъ питомца, но во всякомъ случаѣ поведеніе Михаила Семеновича стоило похвалъ. При штурмѣ крѣпости Ганжи, изъ подъ самыхъ стѣнъ ея, онъ вынесъ на плечахъ изъ боя раненаго Котляревскаго,—одно изъ знаменитыхъ Кавказскихъ именъ,—въ то время, когда это представляло страшный рискъ и сопровождавшій Воронцова солдатъ былъ убитъ. Въ эту-же экспедицію Михаилъ Семеновичъ участвовалъ въ веденіи переговоровъ съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ о подданствѣ его Россіи,—которое и состоялось въ 1804 году.

Но на Кавказѣ недолго пришлось побыть Михаилу Семеновичу и онъ вновь посѣтилъ эти страны болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ, когда уже сталъ старикомъ и когда его имя, какъ героя Наполеоновскихъ войнъ и устроителя обширнаго Новороссійскаго края, было всѣмъ извѣстно. А теперь прямо изъ Грузіи судьба бросила его на театръ европейской войны, туда, гдѣ гремѣлъ громъ наполеоновскихъ побѣдъ и гдѣ вскорѣ пришлось русскимъ войскамъ и на себѣ испытать тяжесть страшныхъ ударовъ императорской гвардіи и маршаловъ. Готовился уже богатый матеріалъ для созданья вандомской колонны—памятника славы Франціи и Наполеона, при взглядѣ на который однако, по словамъ Варбье, ни одна французская мать не можетъ удержаться отъ слезъ... Въ концѣ 1804 г. молодой, увѣнчанный лаврами Воронцовъ, понюхавшій уже пороху, появился въ Петербургѣ и, вскорѣ послѣ смерти дяди-канцлера, въ 1806 г. уже участвуетъ въ европейской войнѣ. Кстати скажемъ здѣсь, что воспитанный въ политическихъ идеяхъ отца, графъ Михаилъ Семеновичъ очень не сочувствовалъ союзу нашему съ Франціей и не любилъ Бонапарта. Онъ даже не пошелъ, какъ рассказываютъ, подъ предлогомъ болѣзни, со своимъ батальономъ на лѣвый берегъ Нѣмана, гдѣ происходило знаменитое Тильзитское свиданіе.

Прошелъ уже страшный для русской арміи день Аустерлица съ его выбравшимся изъ глубокаго тумана солнцемъ славы надъ побѣдоноснымъ Бонапартомъ, — близка уже была Іена, послѣ которой погибло прусское могущество... Наступали печальные дни для вновь образовавшейся противъ Франціи коалиціи. Недалекъ былъ новый рядъ блестящихъ побѣдъ Наполеона, когда французскіе орлы прошли черезъ всю Европу. Михайль Семеновичъ не былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствій: въ сраженіи подъ Пултускомъ (1806 г.) онъ, за оказанную храбрость и распорядительность, былъ произведенъ въ полковники. Но въ этой же битвѣ его ударила лошадь, едва не сломавшая ему ногу, — и графъ не могъ участвовать въ кровавомъ побоищѣ при Прейсишъ-Эйлау и видѣть гибель русской арміи, по которой изъ конца въ конецъ, какъ смертный ураганъ, пронесся Муратъ со своими 80-ю эскадронами, усыпавъ поле такою массою труповъ, что даже самъ Наполеонъ прослезился...

Мы не будемъ слѣдить за всѣми военными шагами молодого Воронцова, — это была бы слишкомъ подробная реляція о десяткахъ стычекъ и сраженій, нападений и отступленій, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Насталъ 1812 годъ, нашествіе десятковъ племенъ на Русь и страшный день Бородина (26 августа). Это было не сраженіе, а — по словамъ Михайла Семеновича — «бойня», въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова:

Гдѣ ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ!

Воронцовъ въ чинѣ генераль-маіора командовалъ гренадерской дивизіей въ этой «бойнѣ», гдѣ враги сошлись грудь съ грудью. Изъ 5.000 человекъ его дивизіи, защищавшей Шевардинскій редутъ, осталось послѣ этого дня въ строю только 300: она была почти вся уничтожена и ея командиръ раненъ на вылетъ въ ногу...

На перевязочномъ пунктѣ между прочимъ Воронцовъ видѣлъ, какъ принесли смертельно раненыхъ Тучкова и Баграціона. «Они были сначала друзьями, — говоритъ Михайль Семеновичъ, — потомъ стали врагами. Они холодно сошлись утромъ на полѣ сраженія и встрѣтились на минуту ранеными, чтобъ сойтись уже въ новомъ мѣрѣ».

Мы здѣсь приведемъ эпизодъ, послѣдовавшій послѣ кровавыхъ Бородинскихъ дней, который въ симпатичномъ свѣтѣ

рисуетъ нашего героя. Прибывъ въ Москву, онъ приказалъ разгрузить подводы, увозившія воронцовскія богатства (многія изъ нихъ потомъ погибли въ пожарѣ) въ село Андреевское и посадилъ на эти подводы многихъ своихъ товарищей, раненыхъ подъ Бородинымъ. Вмѣстѣ съ хозяиномъ села, перешедшаго къ нему отъ покойнаго Александра Романовича,—лѣчилось въ усадьбѣ до 50 офицеровъ, у которыхъ было до сотни деньщиковъ и до 300 раненыхъ рядовыхъ. Всѣ эти сотни людей и лошадей находились въ теченіи долгаго времени на полномъ содержаніи графа и при разставаніи съ солдатами Михаилъ Семеновичъ снабдилъ каждаго изъ нихъ теплою одеждою и 10 рублями.

Легко понять съ какимъ интересомъ слѣдилъ старый посоль за успѣхами своего сына, какъ онъ былъ опечаленъ Бородинскою катастрофою и какъ наконецъ обрадовался, когда Михаилъ Семеновичъ оправился.

Враги были выгнаны изъ Россіи. И на ихъ долю выпали страшные дни: морозы, недостатокъ продовольствія, партизанская война—все это быстро уменьшало ряды французовъ. а ужасная переправа черезъ Березину завершила дѣло. Но звѣзда Наполеона далеко еще не померкла: онъ быстро организовалъ новыя арміи и приносилъ ихъ въ жертву богу войны. И только Ватерлоо окончательно приковало этого маленькаго титана къ далекой скалѣ въ безграничномъ океанѣ.

Михаилъ Семеновичъ участвовалъ въ послѣдовавшихъ затѣмъ дѣйствіяхъ русской арміи и на его долю выпали уже крупныя самостоятельныя подвиги: онъ былъ подъ Лейпцигомъ, а въ сраженіи подъ Краономъ (1814 г., 23—24 февраля), командуя цѣлымъ корпусомъ, успѣшно удерживалъ всю французскую армію, бывшую подъ начальствомъ самого Наполеона, наконецъ подъ Парижемъ занялъ предмѣстье Лавиллетъ. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ битвъ и форсированныхъ маршей Михаилъ Семеновичъ, по заключеніи мира, командуя оккупационнымъ корпусомъ, оставался во Франціи до 1818 года. Получивъ высокія назначенія, графъ однако не измѣнилъ простыхъ и добрыхъ отношеній къ сослуживцамъ и какъ извѣстно продажею одного изъ своихъ имѣній уплатилъ долги офицеровъ своего корпуса во Франціи. Памятникомъ этихъ добрыхъ отношеній служитъ серебряная ваза, поднесенная Воронцову офицерами корпуса, съ вырѣзанными на ней ихъ именами.

Можетъ быть это долгое пребываніе во Франціи, гдѣ еще бродили отголоски идей, пугавшихъ Европу, и гдѣ не всѣми былъ забытъ девизъ «свобода, равенство и братство», оставило яркій отпечатокъ на образѣ мыслей Воронцова. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его, по возвращеніи изъ Франціи, въ числѣ самыхъ передовыхъ людей родины. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при подачѣ известной записки 5 мая 1820 г. императору черезъ графа Каподистрія.

Въ этой запискѣ, подписанной графомъ Воронцовымъ, княземъ Меншиковымъ, братьями Тургеневыми и Каразинымъ, говорилось объ основаніи нѣсколькими помѣщиками общества, цѣлью котораго являлось изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, вступающимъ въ общество. «Мы увѣрены,—говорилось въ этой запискѣ, — что таковое удаленіе единого справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло не только справедливое, но и благородное...» Увы, это «справедливое и благородное» дѣло должно было съ того времени ждать своего осуществленія болѣе 40 лѣтъ!

Во всякомъ случаѣ Воронцовъ былъ гуманнымъ и симпатичнымъ помѣщикомъ, чего къ несчастью нельзя сказать про многихъ, страстно распинавшихся за «мужика» писателей даже новѣйшаго періода. На гуманность Воронцова существуетъ много указаній и между прочимъ въ запискахъ Огаревой-Тучковой, невидѣвшей графа, но уважавшей его съ самаго дѣтства за умѣнье во время крѣпостного права сдѣлать своихъ крестьянъ счастливыми и богатыми. Онъ отдавалъ всю господскую землю «міру» и бралъ за нее легкой оброкъ. Имѣніями его завѣдывали управляющіе, но крестьяне не боялись графа и часто адресовались къ нему съ жалобами на управителей. Эти жалобы всегда принимались горячо и во многихъ случаяхъ управляющіе смѣнялись.

То, что мы сказали здѣсь о графѣ Воронцовѣ, рисуетъ его симпатичный образъ. И онъ всегда былъ такимъ: отважный и сильный въ опасностяхъ, онъ являлся ласковымъ, добрымъ и благороднымъ товарищемъ. Вся его переписка съ пріятелями указываетъ на то, какъ послѣдніе любили Воронцова и эта

любовь и уваженіе сохранились навсегда. Графъ несомнѣнно имѣлъ широкій и европейски-просвѣщенный взглядъ на обязанности государственнаго человѣка...

Въ молодости похожій лицомъ, манерами и характеромъ на добродушнаго «съ душою на распашку» отца, сынъ за послѣднее время кажется утрачивалъ это прекрасное свойство. Онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и красивъ, но въ немъ въ зрѣлые годы, по свидѣтельству напр. графини Блудовой, было больше тонкости и меньше прямодушія, — больше ума и меньше привлекательности. «Онъ смотритъ настоящимъ лордомъ, — прибавляетъ графиня, но безъ всякой примѣси родной безпечности». Эту черту — отсутствіе «души на распашку» старый Завадовскій отмѣчалъ еще и въ молодомъ графѣ, говоря о воронцовской «сокровенности». Но можетъ быть это свойство, раздувавшееся многими до размѣровъ лицемѣрія и мелкаго эгоизма, развилось у Воронцова уже послѣ жизни на родинѣ, среди людей и обстоятельствъ, гдѣ такой образъ дѣйствій являлся вполне естественнымъ.

Наоборотъ другіе, выставляя на видъ «гуланность» Воронцова, его ласковость и простоту, — приписывали государственному человѣку недальновидность и отсутствіе опытности. Эту послѣднюю ошибку часто дѣлаютъ люди, принимающіе прекрасныя качества сердца за недостатки ума.

Разумѣется были недостатки и у знаменитаго фельдмаршала, но кто-же свободенъ отъ нихъ?

Обаяніе громадной власти туманитъ голову человѣку, у него часто пропадаетъ перспектива событій и могущество превращаетъ быстро въ дѣйствіе какую-нибудь случайную эмоцію, отъ чего человѣкъ при другихъ условіяхъ могъ-бы воздержаться. Иногда впрочемъ тѣ дѣйствія, которыя кажутся не-симпатичными, являются результатами глубокаго убѣжденія въ ихъ цѣлесообразности. Конечно случай съ Пушкинымъ (о чемъ мы подробнѣе скажемъ ниже) мало прибавляетъ къ славѣ новороссійскаго генераль-губернатора, но въ данномъ случаѣ и нашъ знаменитый поэтъ кажется былъ не совсѣмъ правъ.

Для того, чтобъ закончить портретъ будущаго фельдмаршала, нужно сказать, что онъ еще въ ранней молодости энергично стоялъ за отмѣну тѣлесныхъ наказаній солдатъ и за ихъ развитіе, — и этихъ гуманныхъ правилъ придерживался во всю жизнь, не давая пощадъ притѣснителямъ низшихъ служащихъ; извѣстны многія его распоряженія въ этомъ смыслѣ. Тогда эти

дѣйствія, при совершенно противоположномъ настроеніи начальниковъ, возбуждали неудовольствіе противъ новатора. Этотъ принципъ справедливости къ «пушечному мясу» высоко стоялъ въ дѣятельности Воронцова, за всю продолжительную службу бывшего противникомъ прусской муштровки и шагистки, превращавшей человѣка въ манекена. Кавказскія войска при Воронцовѣ были «на распахку», но это, однако, не мѣшало имъ быть героями.

Михаилъ Семеновичъ обладалъ громаднымъ богатствомъ — однимъ изъ самыхъ большихъ въ тогдашней Россіи, такъ какъ въ его рукахъ соединились почти всѣ воронцовскіе капиталы, скопленные графами Романомъ Иларіоновичемъ и экономнымъ дядею Александромъ, — частью-же перешедшіе къ нему отъ княгини Дашковой. Въ 1819 году Воронцовъ женился въ Парижѣ на Елисаветѣ Ксаверьевнѣ Браницкой, дочери знаменитой и любимой племянницы Потемкина-Энгельгардъ. Съ этою женитьбою состояніе Воронцова почти удвоилось. Богатый, энергичный, просвѣщенный и «либеральный» вельможа, имѣвшій громадныя связи, — хотя не имъ однимъ обязанный своимъ возвышеніемъ, — могъ многое сдѣлать. И мы увидимъ, что время для Воронцова проходило не даромъ.

Въ маѣ 1823 г. Мих. Семеновичъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ обширнаго новороссійскаго края; и съ этого времени начинается новая — мирная эра его дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Мирная дѣятельность

Война и мирная работа. — Обширность и богатство Новороссійскаго края. — Привлеченіе поселенцевъ. — Швейцарскія колоніи и болгары. — Многочисленныя заботы Воронцова. — Основаніе общества пароходства. — Постройки городовъ. — Оживленіе торговой дѣятельности. — Выписка садовниковъ, винодѣловъ и виноградныхъ лозъ. — Шелководство и тонкорунное овцеводство. — Объѣзды края. — Южный берегъ Крыма. — Взятіе Варны. — Чума. — Бунтъ въ Севастополѣ. — Смерть дочери. — Кончина отца. — Голодъ и борьба съ нимъ. — Энергія и инициатива Воронцова. — Частная жизнь. — Процессъ съ Долгоруковымъ. — „Я самъ предокъ!“ — Просьба о князѣ Волконскомъ. — Любовь къ исторіи и археологіи. — Воронцовъ и Пушкинъ. — Достоинства и недостатки Воронцова

Война и ея дѣятели, опустошающіе цѣлыя страны и истребляющіе массы народа, до сихъ поръ еще имѣютъ болѣе вдохновенныхъ пѣвцовъ и поэтовъ, чѣмъ скромное мирное преуспѣя-

ніе страны, способной только медленнымъ шагомъ двигаться къ лучшему будущему. Какъ всякое грандіозное стихійное бѣдствіе, война и ея окруженные ореоломъ герои, громъ пушекъ, вопли погибающихъ людей и зарево пожаровъ сильнѣе врѣзываются въ память народа, слагающаго про нихъ яркія и многочисленныя пѣсни. А медленная работа мирнаго дѣятеля, черепашимъ шагомъ идущаго къ далекой, но вѣрно намѣченной цѣли, по самому свойству своему не способной къ быстрому осуществленію, не получаетъ такого яркаго отпечатка въ народной фантазіи и не создаетъ обширнаго эпоса, какъ разрушительная работа завоевателя.

Плоды мирной дѣятельности чаще всего обнаруживаются гораздо позже, а военныя дѣйствія имѣютъ непосредственный результатъ. Въ самомъ дѣлѣ, снятіе съ народа нѣкоторыхъ тягостей, уничтоженіе какой нибудь пошрины на хлѣбъ или соль не можетъ идти по своей импозантности въ сравненіе съ картиною яркаго побоища Аустерлица,—съ его цѣлымъ корпусомъ войскъ, провалившимся въ этой битвѣ подъ ледъ,—побоища, которое черезъ долгіе годы будетъ еще трубить о славу Наполеона.

Обширный Новороссійскій край и Бессарабія, отвоеванная въ послѣднюю войну у Турціи, были почти пустыни. Громадная страна, омываемая волнами Чернаго и Азовскаго морей, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ,—страна, богатая произведеніями природы, обладавшая могучими силами земли и ждавшая мирнаго нашествія «рыцарей труда», была дана Михаилу Семеновичу Воронцову. Недавно возникшая «южная красавица» Одесса, обязанная своимъ первоначальнымъ развитіемъ герцогу Ришелье, полюбившему свою новую родину, была еще маленькимъ городкомъ и ей суждено было разцвѣсть при Воронцовѣ. Чудная «Таврида», благословенный крымскій полуостровъ, способный наводнить, по плодородію своей почвы, всю Европу винограднымъ виномъ, отличался первобытною культурою этого драгоценнаго растенія. Торговля еще только зарождалась, отсутствовало мало-мальски хорошее морское сообщеніе и въ громадной странѣ, богатой дарами природы, едва только мелькали, какъ оазисы, людскія поселенія.

Привлеченіе поселенцевъ въ благодатный край, пригрѣваемый лучами теплаго южнаго солнца и омываемый глубокимъ моремъ, стало одною изъ главныхъ заботъ Воронцова. Населеніе Бессарабіи, считавшей не болѣе $\frac{1}{2}$ милліона жителей до

Воронцова, значительно возросло при немъ. Графъ исходатайствовалъ многочисленныя льготы для переселенцевъ, привлекавшія послѣднихъ въ пустынную страну. Появились швейцарскія колоніи, приняты десятки тысячъ эмигрировавшихъ изъ Турціи болгаръ,—трудолюбивое населеніе, способствовавшее быстрому экономическому росту края. Южный берегъ Крыма, теперь цвѣтущій садъ, обязанъ своимъ процвѣтаніемъ дѣятельному генераль-губернатору.

Не было почти ни одной отрасли государственнаго хозяйства, которой-бы не коснулась рука новаго правителя, снабженнаго громадными полномочіями и развивавшаго обширную дѣятельность. Въ чемъ другомъ, но въ необыкновенномъ трудолюбіи не могли отказать Воронцову даже его недоброжелатели: въ этомъ отношеніи онъ не измѣнился до глубокой старости, пріобрѣтя привычку къ постоянному труду еще съ дѣтства въ Англіи, гдѣ, какъ и въ Америкѣ, «время—деньги». Но, удѣляя время важнымъ заботамъ о ввѣренномъ ему краѣ, графъ не забывалъ ни литературы, ни искусствъ: онъ обратилъ вниманіе на обиліе классическихкихъ памятниковъ, находимыхъ въ раскопкахъ, а его собственныя обширныя библіотеки ломились подъ тяжестью собранныхъ книжныхъ сокровищъ. Основаніе учебныхъ заведеній составляло одну изъ усердныхъ заботъ графа. Кромѣ общеобразовательныхъ школъ въ разныхъ мѣстахъ края, были основаны вызывавшіяся нашими развивавшимися сношеніями съ востокомъ школы и цеха для подготовки моряковъ и школа восточныхъ языковъ въ Одессѣ

Еще ранѣе назначенія въ начальники новаго края Воронцовъ построилъ впервые въ своемъ имѣніи, на Днѣпрѣ, пароходъ и эта новинка, только что недавно появившаяся въ Европѣ, была конечно совершенною рѣдкостью въ Россіи. Вѣроятно это «чудовище обло и озорно» не мало производило сначала сенсаціи у скромныхъ приднѣпровскихъ обывателей. Обративъ вниманіе на глубокія и удобныя для морскихъ сообщеній воды Чернаго моря, графъ уже въ 1828 г. основалъ срочное пароходство между Одессою и Крымомъ; рейсы совершалъ коммерческій пароходъ «Одесса». А въ 1833 году Михаиломъ Семеновичемъ было основано на акціяхъ общество пароходства между Одессою и Константинополемъ. Это было только началомъ развившагося вскорѣ судоходства и обширной морской дѣятельности. Нечего и говорить, что помянутое обстоятельство отгра-

зилось благопріятно на развитіи богатаго края. На пустынныхъ берегахъ Азовскаго моря были основаны города Эйскъ и Бердянскъ (1835 г.). Много заботъ было посвящено Керчи и другимъ болѣе или менѣе важнымъ пунктамъ Азовскаго и Чернаго морей.

Это стараніе поднять экономическія силы страны и заботы о развитіи въ ней торговыхъ сношеній составляли въ графѣ черту, пріобрѣтенную за его продолжительное пребываніе въ классической странѣ «торгашей» — Англии. Эта-же черта дѣятельности Воронцова послужила основаніемъ и для названія графа «полукупцомъ» въ знаменитой эпиграммѣ Пушкина.

Графъ помимо этого тратилъ большія личныя средства на выписку опытныхъ садовниковъ и винодѣловъ изъ заграницы, поставившихъ эти отрасли хозяйства въ обширномъ краѣ на рациональную почву. Графъ выписывалъ изъ Франціи и Германіи виноградныя лозы, которыя и раздавались даромъ желающимъ. Если когда нибудь случится, что Крымъ, Кавказъ и Бессарабія будутъ снабжать своими винами всю Европу, перешеголявъ въ этомъ отношеніи классическую страну винодѣлія — Францію, то прочный фундаментъ этому дѣлу былъ положенъ несомнѣнно Воронцовымъ. Не было забыто развитіе шелководства и марены, а богатая пастбища съ сочною и густою травою являлись великолѣпнымъ кормомъ для стадъ, и Воронцовъ первый положилъ основаніе тонкорунному овцеводству въ подчиненной ему странѣ. Не забудемъ сказать также, что по инициативѣ графа начата разработка и знаменитыхъ Грушевскихъ залежей превосходнаго антрацита. Всѣ эти мирныя заслуги дѣятеля были оцѣнены по достоинству еще Александромъ I, путешествовавшимъ по южному краю и видѣвшимъ заботы графа: передъ смертью императора Воронцовъ былъ произведенъ въ «полные» генералы. Не забудемъ сказать, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ передъ тѣмъ графъ не принималъ участія въ дѣлахъ по причинѣ господства «аракчеевщины».

Графъ объѣзжалъ по нѣскольку разъ въ годъ громадную страну, слѣдя за всѣмъ и вездѣ проявляя свою инициативу. Южный берегъ Крыма, не имѣвшій дорогъ до Воронцова, — сталъ удобопрѣзжаемъ. Графъ часто посѣщалъ этотъ чудный уголокъ, купилъ тамъ большія пространства земли и завелъ образцовые виноградники. Въ Алупкѣ въ 1837 году оконченъ постройкою дворецъ расположенный въ полутропическомъ саду террасами,

спускающимися къ морю, которое съ шумомъ дробитъ свои волны о красивые берега Алуки. Этотъ уголокъ былъ мѣстомъ отдыха для Воронцова, куда онъ прѣѣзжалъ почти каждый годъ послѣ своихъ одесскихъ и кавказскихъ трудовъ. Обо всемъ заботился графъ; это была дѣятельность, не похожая на заботы щедринскихъ градоправителей, считавшихъ необходимымъ увѣковѣчить память о себѣ фонарными столбами и разсадкою тощихъ ветель на улицахъ,—а дѣло глубоко сознательное и живое. Но судьба и здѣсь отрывала Воронцова отъ мирныхъ заботъ къ шуму битвъ и къ тяжелымъ сценамъ войны. Кромѣ того и самый благословенный новороссійскій край посѣщали тяжелыя испытанія. Затѣмъ и на долю самого Воронцова, могущественнаго и казалось, застрахованнаго отъ земныхъ бѣдствій человѣка выпадали тяжелые личные удары.

Въ 1828 году русскія войска неудачно осаждали Варну. Государь, находившійся близко отъ мѣста военныхъ дѣйствій, поручилъ осаду Воронцову, — и Варна была взята, за что Михаилу Семеновичу досталась осыпанная брилліантами шпага.

Богатый край не разъ опустошала саранча и посѣщало еще болѣе страшное бѣдствіе—чума (въ 20 и 30-хъ годахъ). Михаилъ Семеновичъ былъ знакомъ съ чумою еще въ Грузіи. Эта убійственная зараза, страшный бичъ южныхъ странъ, — при появленіи которой ослабѣваютъ всѣ общественныя, дружескія и родственныя связи, не напугала генераль-губернатора. Съ сознаніемъ необходимости выполнить долгъ, онъ отдавалъ энергическія распоряженія, входилъ самъ въ зачумленные дома, уничтожалъ зараженное имущество и возможно, что, благодаря умнымъ распоряженіямъ Воронцова зараза, похитившая тысячи жертвъ, не сдѣлала еще болѣе страшныхъ опустошеній.

Эта борьба въ общественномъ дѣятелѣ долга съ личными привязанностями нанесла графу тяжелую рану въ сердце. Въ 1830 году, когда эпидемія, ослабѣвая въ Одессѣ (гдѣ она снова свирѣпствовала въ 1837 г.), продолжала усиливаться въ Севастополѣ, въ послѣднемъ городѣ возникъ опасный бунтъ: возмущившимися были убиты генераль Столыпинъ и служащіе въ карантинѣ. Между тѣмъ Воронцовъ только что послалъ свою опасно больную старшую дочь Александру въ Вѣну съ матерью, думая отправиться вслѣдъ за ними. Но когда было получено извѣстіе о бунтѣ, графъ не могъ покинуть края. И онъ былъ среди тяжелыхъ трудовъ и опасностей въ то время,

когда тамъ, далеко отъ родины, томилась предсмертною болѣзнью любимая дочь. Послѣ того, какъ спокойствіе было восстановлено, при чемъ, благодаря тактичности и умѣнью Воронцова, это обошлось почти безъ жертвъ, а наказанія примѣнялись съ возможною гуманностью, — измученный отецъ поспѣшилъ къ умиравшей дочери, но на дорогѣ получилъ извѣстіе о ея смерти. Нужно самому быть отцомъ да еще такимъ нѣжнымъ, какимъ былъ Воронцовъ, чтобъ понять его горе въ это печальное время.

Съ отцомъ своимъ Михаилъ Семеновичъ видѣлся въ предпослѣдній разъ въ 1828 г. Старикъ еще сохранялъ прежнюю любознательность и живой умъ: переписку съ сыномъ онъ велъ до послѣднихъ дней своихъ. Въ 1832 г., 9 іюня, Семень Романовичъ умеръ на рукахъ своего уже прославившагося сына, прѣбывающаго въ Англію съ семействомъ.

Михаилъ Семеновичъ оказался на высотѣ призванія и въ тяжелый 1833 г., когда, какъ теперь, громадныя пространства нашего отечества и Новороссійскій край въ особенности постигъ голодъ. Голодающихъ въ подчиненномъ Воронцову районѣ насчитывалось до милліона, но помощь кромѣ того была необходима и на обсеменение полей. Энергическими мѣрами было обезпечено и продовольствіе и урожай, причемъ не мало тратилось и личныхъ средствъ Воронцова, для котораго, при его колоссальномъ богатствѣ, это не представляло большой жертвы. Дѣйствія его рѣзко выдѣлялись своею инициативою на фонѣ тогдашней рутинны и ставились въ примѣръ другимъ администраторамъ.

Частная жизнь графа Воронцова какъ въ Одессѣ, такъ впослѣдствіи и на Кавказѣ рѣзко раздѣлялась на двѣ части: скромныя личныя потребности и роскошь тамъ, гдѣ нужно было поддержать престижъ власти и «представительство»: блестящіе балы собирали весь городъ, привѣтливость и радушіе хозяевъ не различало знатнаго гостя отъ скромнаго чиновника. А въ Алупкѣ, этомъ сказочномъ крымскомъ уголкѣ, было еще лучше: громадный, фантастическій, обвитый плющемъ и виноградомъ дворецъ давалъ пріютъ цѣлымъ сотнямъ гостей. Нужно сознаться, что сановитость и громадное богатство хозяевъ, соединенныя съ очаровательною и изящною простотою обращенія и ихъ роскошь — импонировали толпѣ и подкупали въ пользу чѣты населеніе, способное въ чаду «зрѣлищъ» не такъ назойливо приставать о «хлѣбѣ»...

Графъ, обладая громадною властью, иногда бывалъ скроменъ и застѣнчивъ замѣчательно. Онъ былъ стоекъ въ своихъ взглядахъ и не легко ихъ мѣнялъ, какъ и отношенія къ людямъ. Разъ составивъ созвательный и разработанный планъ дѣйствій, графъ не терпѣлъ противорѣчій. Добрый, прекрасный семьянинъ, онъ далъ дѣтямъ заботливое воспитаніе, при чемъ не измѣнилъ Англій и отправилъ туда, въ Брайтонъ, учиться единственнаго сына Семена. Отъ долгаго пребыванія въ Россіи и занимая такое положеніе, что льстецы такъ сказать полагались по штату, графъ немного и самъ могъ привыкнуть къ лесті: въ постоянномъ хвалебномъ хорѣ, окружавшемъ тогда нашихъ сановниковъ, нелестное отношеніе къ начальству являлось рѣзкимъ диссонансомъ. Но хорошее отношеніе графа къ людямъ, порою не заслуживавшимъ вниманія, — въ чемъ часто упрекали Воронцова, — могло быть и слѣдствіемъ вліянія жены его, имѣвшей при себѣ цѣлый дворъ и выдвигавшей людей, къ которымъ она питала симпатіи.

Воспитанный въ Англій, странѣ гордаго феодальнаго дворянства, считавшаго свою генеалогію на многія сотни лѣтъ и цѣнившаго какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ «породу», Воронцовъ перенесъ эти взгляды и въ Россію. Не смотря на свою извѣстную «демократичность» въ отношеніяхъ къ людямъ, онъ очень цѣнилъ «породу» и щепетильно относился къ вопросу о древности своего рода. Извѣстны пререканія покойнаго Воронцова съ княземъ Петромъ Долгоруковымъ, издателемъ «Россійской родословной книги», — завершившіяся громкимъ процессомъ (во Франціи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ), веденнымъ уже сыномъ покойнаго фельдмаршала. Мы не будемъ говорить объ этомъ процессѣ, но укажемъ только на то, что Долгоруковъ въ издаваемой книгѣ не хотѣлъ произвести рода нынѣшнихъ Воронцовыхъ отъ рода бояръ Воронцовыхъ, извѣстныхъ еще въ началѣ XVI столѣтія, между тѣмъ какъ у фельдмаршала были несомнѣнные документы, доказывавшіе тождество обоихъ родовъ. Видно, что этотъ вопросъ причинялъ старому и больному князю большія нравственныя огорченія.

Когда вообще возникаютъ подобныя притязанія, то невольно вспоминается дидактическое изреченіе изъ одной старой книги, что «люди, основывающіе свои права на уваженіе на заслугахъ предковъ, похожи на картофельное растеніе: полезнѣйшая часть его — въ землѣ». Фельдмаршалъ разумѣется

имѣлъ право считать себя принадлежащимъ къ «благороднымъ» представителямъ людской расы, но онъ не нуждался въ заслугахъ предковъ и могъ-бы сказать про себя, на подобіе наполеоновскаго маршала герцога Данцигскаго, вышедшаго изъ простаго званія: «я самъ — предокъ!»

На эту-же черту извѣстной «родовой» гордости указываетъ и тотъ фактъ, что, получивъ титулъ князя на Кавказѣ вмѣстѣ съ другими знаками уваженія и благодарности Николая I, Воронцовъ говорилъ: «Я былъ прежде *старый* графъ, а теперь сталъ *молодымъ* княземъ».

Характеризуя взгляды и свойства Воронцова, не забудемъ того, что онъ изъ Одессы въ 1840 г. просилъ о переводѣ декабриста князя Сергѣя Волконскаго изъ Сибири на Кавказъ, но Венкендорфъ отказался докладывать государю эту просьбу въ виду того, что Волконскій былъ «однимъ изъ главныхъ виновниковъ» Къ бывшему въ Одессѣ декабристу Лореру графъ тоже симпатично относился, — а все это указываетъ на несомнѣнную «порядочность» и доброе сердце Воронцова.

Нужно указать еще на одну черту графа, составляющую такъ сказать частную особенность его общей любви къ знанію и наукѣ: онъ, по примѣру своихъ родичей, собиралъ цѣнные историческіе матеріалы и манускрипты, занимаясь изученіемъ ихъ на досугѣ отъ своихъ многочисленныхъ занятій. Эти богатства, — накопленные правда еще графами Михаиломъ Иларіоновичемъ, Александромъ и Семеномъ Романовичами, и дали тотъ матеріалъ, который князь Семень Михайловичъ (единственный сынъ Михаила Семеновича) издалъ ввидѣ неоцѣненнаго «Воронцовскаго Архива». Можно думать, что не только въ собраніяхъ русскихъ нѣтъ такого огромнаго количества цѣнныхъ историческихъ документовъ, но даже и заграницею немного найдется подобнаго. Помимо бумагъ, относящихся собственно до дѣятельности Воронцовыхъ и ихъ русскихъ и иностранныхъ современниковъ, въ собраніи Михаила Семеновича были вообще матеріалы, драгоцѣнные въ историко-археологическомъ отношеніи, напр. «псковская судная грамота», «письма царевича Алексѣя Петровича» и др. И когда въ 1854 г. Одессу бомбардировали англо-французскіе корабли, Воронцовъ, не жалѣя своихъ одесскихъ богатствъ, просилъ только припрятать дорогіе манускрипты куда-нибудь подальше, во избѣжаніе опасности отъ пожара.

Частымъ и дорогимъ гостемъ у Воронцова въ Одессѣ сначала бывалъ и Пушкинъ,—веселый молодой поэтъ, любившій подурачиться, покутить и поухаживать. Это былъ еще свѣжій душою Пушкинъ,—не тотъ, какимъ мы его видимъ впоследствии въ Петербургѣ, гдѣ ему тѣснилъ широкія плечи камеръ-юнкерскій мундиръ и гдѣ свѣтлые часы вдохновенія омрачала пошлая клевета. Но къ своей живости, къ своимъ геніальнымъ способностямъ Пушкинъ и въ Одессѣ присоединялъ уже чрезмѣрное самолюбіе и никому не давалъ спуска, будь это даже самъ Воронцовъ. Эта черта—благородно стоять за права своей личности, вслѣдствіе горячности Пушкина, переходила иногда границы. Говоря здѣсь о столкновеніи поэта съ графомъ, обратимъ кстати вниманіе на то, какъ въ то время глубоко проникала въ общество идея о кастовыхъ различіяхъ. Пушкинъ, даже самъ геніальный Пушкинъ не могъ отдѣлаться отъ нея: къ правамъ своимъ на уваженіе, какъ поэта,—званіе разумѣется болѣе почетное въ глазахъ истинно просвѣщенныхъ людей, нежели счастье быть потомкомъ даже королей,—онъ примѣшиваетъ идеи о своемъ потомственномъ дворянствѣ; а какъ извѣстно—название «сочинителя» Пушкинъ совсѣмъ не выносилъ. Извѣстны письма поэта послѣ ссоры съ Воронцовымъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ, характеризуя графа жесткими и во многомъ несправедливыми словами, говоритъ: «онъ видитъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думалъ о себѣ что-то другое...» Гордые слова, въ которыхъ уже сквозитъ сознаніе грядущей славы. Не менѣе благородно звучитъ и слѣдующее мѣсто изъ другого письма: «Воронцовъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе...» Но является уже не только какъ поэтъ, но какъ поэтъ-дворянинъ, генеалогію котораго можно считать не менѣе какъ въ 600 лѣтъ.

Начало исторіи разрыва Пушкина съ Воронцовымъ, гдѣ были оба не правы и оба кажется впоследствии раскаялись, положилъ нашъ знаменитый поэтъ. Онъ написалъ нѣсколько эпиграммъ на дамъ и гостей, принятыхъ у графа. Весьма возможно, что въ ссорѣ, какъ осложненіе, явилось и то обстоятельство, что Пушкинъ не стѣснялся говорить любезности молодой и красивой графинѣ, писалъ ей стихи и вообще, какъ говорится на свѣтскомъ языкѣ, «ухаживалъ» за нею. Нѣко-

торые даже полагають, что со стороны Пушкина могло быть и глубокое чувство. И дѣйствительно, на такое утверждение могли-бы дать право прекрасные и прочувствованные стихи, связанные съ именемъ графини, какъ «Ангель» и «Талисманъ», а также и то обстоятельство, что Пушкинъ былъ всегда въ восторженномъ, нервномъ состояніи по полученіи писемъ изъ Одессы въ своемъ Михайловскомъ. А такое отношеніе поэта къ женѣ Воронцова могло вызвать особенно холодное отношеніе со стороны послѣдняго. Какъ-бы то ни было, но обидчивый Пушкинъ, въ отвѣтъ на холодность графа, разразился убійственными эпиграммами, хотя потомъ и увѣрялъ, что извѣстное:

„Полумилордъ, полукунецъ“

Онъ просто импровизировалъ, а его пріятели записали и разболтали. Къ другой-же эпиграммѣ подалъ поводъ неосторожнымъ выраженіемъ самъ Воронцовъ. Когда было получено извѣстіе о казни Риго, Михаилъ Семеновичъ сказалъ Александру I: «*Quelle heureuse nouvelle, sire!*»

Подлило масла въ огонь назначеніе Пушкина въ командировку для борьбы съ саранчею. Это порученіе, сочтенное за месть, окончательно взбѣсило поэта: онъ написалъ дерзкое письмо, вмѣстѣ съ знаменитымъ донесеніемъ о саранчѣ, и вскорѣ затѣмъ послѣдовало его удаленіе въ Псковскую губернію, въ село Михайловское, — удаленіе, шедшее въ разрѣзъ съ желаніями поэта, но тѣмъ не менѣе давшее безцѣнные перлы русской литературѣ въ періодъ жизни на родномъ пепелищѣ. Трудно конечно оправдать въ этомъ дѣлѣ и Воронцова. Величіе человѣка больше всего было-бы видно въ томъ, если-бы онъ, ради удовлетворенія личной обиды, не воспользовался своею громадною властью. Но когда читаешь письмо Воронцова къ Нессельроде, составленное въ простыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ о неудобствахъ пребыванія Пушкина въ Одессѣ для самого поэта, котораго и образъ жизни, и окружающіе льстецы портятъ, то невольно хочется вѣрить, что не одно негодованіе Воронцова было причиною удаленія изъ Одессы Пушкина, но помогла и его прежняя репутация, а также и несомнѣнная рѣшительность тогдашняго центрального начальства, часто дѣлавшаго изъ «мухи — слона».

Какъ бы то ни было, но извѣстно, что Воронцовъ въ годъ смерти поэта былъ у его вдовы съ выраженіями соболѣзнованія, а княгиня Воронцова до конца своей жизни сохранила

глубокую и добрую память о поэтѣ. Плохо владѣя подъ конецъ жизни глазами, она заставляла читать вслухъ произведенія усопшаго писателя,—по смерти котораго двѣ одесскія газеты «Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa», основанныя генераль-губернаторомъ и бывшія его полуофициальными органами, посвятили теплыя и прочувствованныя статьи автору злыхъ эпиграммъ на Воронцова.

Въ предыдущей и въ этой главахъ мы прослѣдили по возможности подробно жизнь, дѣятельность и взгляды послѣдняго знаменитаго Воронцова. Мы знаемъ его отвагу, его стойкость и энергію тамъ, гдѣ это было необходимо; его гуманность и привѣтливость такъ сказать въ «буднее» время. Намъ знакомъ его просвѣщенный взглядъ на задачи государственнаго чело-вѣка, который долженъ стремиться къ свободному и нестѣсняемому возрожденію общества во всѣхъ сферахъ его дѣятельности. Воронцовъ зналъ цѣну образованія и помогаль дѣлу просвѣщенія ввѣренныхъ ему областей, учреждая учебныя заведенія. Не можетъ не показаться высоко симпатичнымъ его отношеніе къ подчиненнымъ, къ крестьянамъ и солдатамъ, объ избавленіи которыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній онъ старался въ то время, когда это считалось почти «якобинствомъ», — и ненависть къ взяточничеству, когда эта привычка всасывалась съ молокомъ матери. Мы видѣли и недостатки графа: иногда онъ склоненъ былъ слушать льстецовъ, можетъ быть и самъ льстиль, — къ этому льстецы всегда пріучать. Иногда графъ пользовался своею громадною властью ради защиты личной чести и репутаціи; — употребляль въ необходимыхъ случаяхъ суровыя мѣры, что было въ очень большой степени присуще тогдашнему времени. Но имѣя въ значительно ослабленной степени пороки той эпохи, онъ далеко выдѣлялся надъ нею своими положительными достоинствами, и этого не должны забывать противники Воронцова при осужденіи его за недостатки.

Тѣ же качества проявилъ графъ Воронцовъ и за время его 9-лѣтняго кавказскаго намѣстничества, обзоръніемъ котораго мы и закончимъ нашъ очеркъ.

ГЛАВА VIII.

Кавказская эпопея.

Кавказскій хребетъ.—Горцы и ихъ нравы.—Неизбѣжность борьбы.—Отчаянная храбрость и мужество горцевъ.—Богатый матеріалъ для героическаго эпоса.—Назначеніе Воронцова намѣстникомъ и въѣздъ его въ Тифлисъ.—Надежды Николая I на энергію и таланты Воронцова.—Шамилъ и его успѣхи.—Первыя неудачи.—Кровавый походъ въ Дарго.—Гибель Пассека и его авангарда.—Любовь солдатъ къ Воронцову.—Выработка рациональнаго плана войны.—Штыкъ и топоръ.—Воронцовъ становится княземъ.—Картины кавказской войны.—Подвигъ рядового Осипова.—Сказочные случаи.—Кавказъ сдается пядь за пядью.—Мирная дѣятельность Воронцова на Кавказѣ.—Усталость и отдыхъ.—Смерть его.

Отъ Чернаго до Каспійскаго моря на 1.500 верстъ протянулась широкая кавказская горная цѣпь—одна изъ грандіознѣйшихъ въ Европѣ. Окутанныя вѣчнымъ снѣгомъ громадныя вершины, надъ которыми слышатся крики орловъ, глубокія угрюмыя ущелья, въ которыхъ бѣшено мчатся и ревуть быстрыя рѣки и шумятъ водопады, цвѣтушія, плодородныя долины—дѣлаютъ этотъ край по красотѣ и величію одною изъ такихъ мѣстностей, какихъ немного найдется на земномъ шарѣ. Климатъ—отъ холоднаго вверху до полутропическаго внизу; роскошная растительность, плодородная земля въ горныхъ долинахъ, большое количество разнообразныхъ ископаемыхъ,—всѣмъ надѣлена эта благословенная страна, представляющая въ прошломъ мѣсто, куда стремились представители разныхъ племенъ еще въ эпоху переселенія народовъ, и куда позже крестовые походы забросили толпы искателей приключеній. Такого смѣшенія племенъ, говорящихъ на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ, трудно отыскать на всемъ земномъ шарѣ. Нѣсколько большихъ царствъ, десятки ханствъ, безчисленное количество обществъ, управляющихся своими старшинами, населяютъ Кавказъ. Въ плодородныхъ долинахъ—мало-культурное осѣдлое населеніе; въ мрачныхъ ущельяхъ горъ—полудикіе, привыкшіе къ постояннымъ войнамъ и грабежамъ горцы. Живя часто въ недоступныхъ мѣстахъ, похожихъ на орлиныя гнѣзда, многія горскія племена пополняли скудную добычу своего хозяйства отважными набѣгами на мирное населеніе. Мусульманство, самая распространенная религія на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, воодушевляющая и фанатизирующая горцевъ, въ связи съ условіями всей ихъ наполненной опасностями жизни, дѣлаетъ ихъ

отчаянными храбрецами. Жилища горцевъ, похожія на крѣпости для защиты отъ нападеній, краснорѣчиво говорятъ о воинственныхъ нравахъ обитателей. Обычай кровавой мести являлся однимъ изъ святыхъ законовъ для этихъ полудикихъ людей.

Постоянная, вѣчная война племенъ между собою; междоусобія сосѣднихъ ауловъ и грозные набѣги хищниковъ на мирныя Грузію, Гурію и Имеретію — вотъ картина Кавказа до владычества русскихъ. Немудрено, что такая жизнь способствовала выработкѣ необычайно смѣлаго, ловкаго и хитраго воина, воодушевленнаго фанатизмомъ, презирающаго смерть и привыкшаго постоянно смотрѣть ей въ глаза.

И разумѣется, борьба и покореніе подобной страны должны были стоить громаднхъ средствъ и тяжелыхъ кровавыхъ жертвъ тому государству, которому судьба послала эту борьбу.

Могучій кавказскій хребетъ, обитаемый дикимъ, воинственнымъ населеніемъ, спускался своими предгоріями къ кубанскимъ и донскимъ равнинамъ громаднаго государства, уже много потратившаго силъ на свое «собираніе» и развитіе политическаго могущества. Въ привольныя русскія равнины, населенныя мирнымъ народомъ, гдѣ

Цвѣли богатыя станицы,
Плясалъ веселый хороводъ —

съ горъ часто спускались хищники, грабили, жгли и убивали, и пока успѣвало собраться русское войско, — отважный и свирѣпый врагъ былъ уже далеко, исчезая какъ вѣтеръ.

Война — безчеловѣчное, страшное явленіе — и не скоро еще быть можетъ придетъ время, когда Гоббесовское — «*homo homini lupus*» станетъ окончательнымъ анахронизмомъ. Но бываютъ роковыя историческія положенія, когда война является фатальною необходимостью и какъ бы ни былъ гуманенъ правитель, какъ бы онъ ни осуждалъ свирѣпый обычай, остатокъ далекаго прошлаго, — производитъ массовыя убійства, онъ силою обстоятельствъ принужденъ бываетъ санкціонировать войну.

Въ такомъ же положеніи была и наша родина, придвинувшаяся своими равнинами къ громадному горному гнѣзду, изъ котораго налетали хищники на мирныя села и города, производили опустошенія и безслѣдно скрывались. Государство требовало «округленія границъ» и должно было съ этой своей окраины опираться на мощную кавказскую цѣпь, способную составить прочную естественную преграду противъ нашихъ закавказскихъ сосѣдей. Началась кавказская война — эта колоссальная драма для цѣлыхъ

десятковъ племенъ, защищавшихъ до послѣдней капли крови родныя гнѣзда и все таки сдававшихся и покидавшихъ ихъ подъ натискомъ упornaго врага, приводившаго съ Сѣвера на мѣсто погибшихъ — новыя батальоны. Это была не нынѣшняя война, уничтожающая врага по математическимъ правиламъ, часто съ дальнихъ разстояній, и почти не нуждающаяся въ солдатѣ, какъ въ личности; это былъ скорѣе поединокъ, гдѣ враги сходились грудь-съ-грудью и вопросъ рѣшалось личное мужество.

Если-бы на Кавказѣ были поэты, обладавшіе фантазіей создателей индійскаго эпоса, то ими созданы были бы могучіе образы героевъ, передъ которыми поблѣднѣли бы теперешніе витязи сѣверныхъ сагъ и индійскихъ сказаній. Страшно читать про эти кавказскія битвы, гдѣ солдаты лѣзутъ на отвѣсныя скалы, цѣпляясь за кусты, опираясь на ружья, — къ засѣвшимъ на вершинѣ, поющимъ свою предсмертную пѣсню, мюридамъ; или про эти свалки на завалахъ, за которыми укрылся отчаянный врагъ, рѣшившійся дорого продать свою жизнь...

Много уже прогремѣло именъ кавказскихъ героевъ, воспѣтыхъ въ солдатскихъ пѣсняхъ и оставившихъ страшную память у горцевъ: Цицановъ, Котляревскій, Ермоловъ... Къ этимъ знаменитымъ именамъ прибавилось впоследствии имя Воронцова, Барятинскаго и Евдокимова.

Въ 1844 г., 27 декабря, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ уже 63-лѣтнимъ старикомъ (онъ родился 19 мая 1782 г.), былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ кавказскихъ войскъ, — съ правомъ однако проводить нѣкоторое время ежегодно въ Крыму. На это новое служеніе Воронцовъ призывался собственноручнымъ письмомъ императора Николая, надѣявшагося на мужество и таланты графа. Послѣднему были предоставлены громадныя права и полномочія, какихъ еще не было никому дано до того времени, — и на немъ же было оставлено главное завѣдываніе Повороссійскимъ краемъ.

Все русское и сочувствующее намъ туземное населеніе на Кавказѣ ликовало: слава о Михаилѣ Семеновичѣ, какъ о богатомъ, привѣтливомъ и просвѣщенномъ вельможѣ, какъ о знаменитомъ воинѣ и умудренномъ опытомъ государственномъ мужѣ, наконецъ какъ о добромъ и прекрасномъ человѣкѣ, — давно уже ходила по Кавказу, близкому къ району недавней дѣятельности Воронцова. Было не мало на Кавказѣ и прежнихъ сослуживцевъ графа, сохранившихъ о немъ хорошую память и передававшихъ добрыя вѣсти о новомъ

намѣстникѣ. Всѣ были довольны, тѣмъ болѣе, что Нейдгартъ, предмѣстникъ Воронцова, оставилъ по себѣ не совѣтъ хорошія воспоминанія. Новый начальникъ, по дорогѣ къ мѣсту службы, заѣхалъ къ своему другу, старому кавказскому ветерану Ермолу — посовѣтываться о предстоящихъ задачахъ.

Въ мартѣ 1845 года состоялся царственный, по своей торжественности и великолѣпію, вѣздъ въ Тифлисъ кавказскаго намѣстника. Далекю за городъ вышли къ нему и власти, и обыватели. Гремѣла музыка, слышались выстрѣлы, гудѣла зурна; яркое и теплое кавказское солнце освѣщало пеструю волнованную толпу, состоящую изъ смѣси всѣхъ племенъ, нарѣчій и состояній. На другой день состоялся во дворцѣ пріемъ разныхъ лицъ и новый «сардаръ» (главнокомандующій) показалъ себя ласковымъ, добрымъ и простымъ человѣкомъ.

Но вовсе не въ расчетѣ на свойственную ему «мягкость» посланъ былъ Воронцовъ на Кавказъ. Напротивъ императоръ Николай рассчитывалъ на его способность къ энергическимъ мѣрамъ, на незнающее усталю трудолюбіе и на способность рядомъ мощныхъ ударовъ сломить непокорный Кавказъ, стоявшій уже государству и безчисленнымъ милліонамъ, и громаднымъ кровавымъ жертвамъ. Рассчитывалось кромѣ того на большой административный опытъ графа для водворенія на мѣстѣ большаго порядка и для прочнаго соединенія этой непокорной окраины съ русскимъ государствомъ.

Въ энергической, мощной рукѣ для веденія войны на Кавказѣ являлась крайняя необходимость. Во главѣ горцевъ тогда стоялъ Шамиль, — хитрый, энергичный и смѣлый человѣкъ, объединившій подъ своею политической и религіозною властью фанатическія толпы враговъ и обнаружившій въ успѣшномъ веденіи войны съ русскими несомнѣнные военные таланты. Эти успѣхи въ свою очередь еще больше подняли его авторитетъ въ глазахъ населенія, и возбудили въ послѣднемъ надежду на полное освобожденіе отъ «урусовъ».

Шамиль, скромно проживавшій послѣдніе годы своей жизни, послѣ паденія Гуниба, въ Калугѣ и порою обнаруживавшій совѣтъ несвойственную герою сварливость и скардность, — много стоилъ крови и денегъ за тѣ десятки лѣтъ, въ которые онъ воевалъ съ нами, пока его не сломила энергическая рука князя Барятинскаго въ «орлиномъ гнѣздѣ» Гунибѣ... Года за 2—3 передъ назначеніемъ Воронцова, успѣхи Шамилля достигли

наивысшихъ размѣровъ: цѣлыя десятки русскихъ укрѣпленій были взяты мюридами, гарнизоны ихъ истреблены, совершены самыя отчаянныя набѣги въ русскія владѣнія и многіе, прежде покорные намъ, аулы отложились отъ насъ... Въ перспективѣ виднѣлось повальное возстаніе и неисчислимыя бѣдствія для нашего владычества на Кавказѣ. Необходимо было остановить дерзкаго врага, нужно было проникнуть въ глубь его страны и тамъ нанести ему рѣшительное пораженіе.

Но первые шаги Воронцова въ этомъ направленіи были печальны. Экспедиція въ Чечню для взятія аула Дарго, тогдашней резиденціи Шамиля, завершилась громадными потерями въ нѣсколько тысячъ человекъ, и еще болѣе подняла духъ Шамиля и горцевъ. Правда, Дарго, аулъ въ нѣсколько десятковъ укрѣпленныхъ сакель, былъ взятъ; но какое это могло имѣть значеніе, когда Шамиль могъ изъ каждаго дагестанскаго или чеченскаго аула сдѣлать неприступную твердыню?

Обратный походъ войскъ черезъ дебри Ичкеринскихъ лѣсовъ, наполненныхъ массами непріятели и десятками заваловъ, былъ похожъ на шествіе римскихъ легионовъ Варра въ Тевтобургскомъ лѣсу. Въ нѣкоторые моменты этого похода можно было опасаться гибели всего отряда и плѣна главнокомандующаго. Знаменитый кавказскій герой Пассекъ погибъ почти со всѣмъ своимъ авангардомъ, и даже самыя опытные и храбрыя генералы, прокопченные порохомъ кавказскихъ битвъ, едва спасли страшно порѣдѣвшій отрядъ, къ которому подоспѣло подкрѣпленіе изъ крѣпости Грозной.

Но Воронцовъ не такъ былъ виноватъ въ исходѣ этого дѣла, планъ котораго разрабатывался въ Петербургѣ, и уже готовымъ былъ врученъ для исполненія. Намѣстникъ указывалъ на необходимость отложить экспедицію до его личнаго подробнаго ознакомленія съ дѣлами, но желаніе императора Николая I-го унять Шамиля, и присутствіе большого количества войскъ на Кавказѣ въ 1845 г. рѣшили вопросъ въ пользу начатія немедленныхъ дѣйствій.

Тѣмъ не менѣе эта экспедиція, стоившая такъ много жертвъ, сдружила закаленныхъ кавказскія войска съ ихъ новымъ вождемъ: онъ самъ раздѣлялъ тягости экспедиціи въ простой походной палаткѣ. Во время отступленія въ глубинѣ чеченскихъ лѣсовъ для облегченія лошадей, предназначенныхъ для раненыхъ, онъ приказалъ вмѣстѣ съ имуществомъ отряда сжечь и свой большой, цѣнный багажъ. Ласковое, участливое

отношеніе къ солдатамъ и въ особенности къ раненымъ за этотъ достопамятный походъ надолго сохранилось въ сердцахъ войскъ, а поведеніе вождя, его неутомимость и та постоянная нравственная бодрость, которую онъ проявлялъ въ эти тяжелые дни, подкрѣпляли солдатъ и прогоняли панику.

Такъ началось кавказское служеніе Воронцова. Было еще нѣсколько такихъ же, сопряженныхъ съ огромными жертвами, походовъ, въ основѣ которыхъ лежала мысль, можетъ быть и вполне правильная по отношенію къ Европѣ, но совсѣмъ ложная на Кавказѣ: взятіемъ резиденціи покорить страну.

Такъ были взяты шамилевскіе укрѣпленные аулы въ Дагестанѣ: Гергебиль, Салты и Чохъ (1847—1849 гг.).

Эти экспедиціи, проникавшія въ сердце родины горцевъ, все-таки должны были дать послѣднимъ идею о могуществѣ русскихъ, и заставляли многіе аулы приносить намъ покорность. Но вышеуказанныя неудачи, неизбежныя въ страшномъ дѣлѣ войны, вскорѣ помогли Воронцову выработать болѣе цѣлесообразный планъ ея, при которомъ не могло уже быть такихъ большихъ жертвъ, какъ прежде. Краткая формула этой новой борьбы такова: Кавказъ нужно покорять не однимъ штыкомъ, но и топоромъ. Вырубка широкихъ просѣкъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ для безпрепятственнаго движенія русскихъ отрядовъ—зимой, когда непріятелю труднѣе было дѣйствовать въ безлиственныхъ дебряхъ; беспощадное истребленіе жатвы, имущества и ауловъ непокоряющихся и враждебныхъ племенъ и предоставленіе льготъ и преимуществъ изъясляющимъ покорность горцамъ, заселеніе пространствъ, освобожденныхъ отъ врага, казацкими станицами и постройка укрѣпленій—вотъ эта программа, для покоренія «непокорнаго» Кавказа, начало осуществленія которой положено Воронцовымъ, а окончательное выполненіе доставило славу энергическому князю Барятинскому и графу Евдокимову.

Параллельно съ этою программю военныхъ дѣйствій должна была осуществиться и программа гражданскихъ реформъ и мѣропріятій, которыя имѣли цѣлью обрусеніе окраины.

Въ августѣ 1845 г. Воронцовъ за экспедицію въ Дарго былъ возведенъ въ княжеское достоинство. «Благодарю Васъ душевно,—писалъ императоръ Николай I-й Воронцову послѣ страшнаго, но геройскаго Дарго,—за новые ваши подвиги. Я ожидалъ ихъ отъ Васъ, Вы ихъ исполнили...»

Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями военной борьбы на Кавказѣ и предоставимъ себѣ только отмѣтить нѣкоторые ея характерные эпизоды, — пока же перейдемъ къ «гражданской» дѣятельности Воронцова. Прежде всего Михаилъ Семеновичъ круто измѣнилъ практиковавшееся прежде отношеніе къ туземцамъ: вмѣсто «затиранія» и пренебреженія онъ показывалъ къ нимъ всѣ знаки уваженія, въ особенности къ представителямъ родового грузинскаго дворянства.

Въ такихъ дѣйствіяхъ сказывалась мысль государственнаго человѣка, желавшаго привязать къ Россіи лучшую часть населенія покоренной страны, а также и врожденное джентльменство Воронцова, не позволявшее третировать представителей благороднаго сословія. Мѣстное дворянство получило право выбора и назначенія на разныя должности. Нѣсколько дочерей мѣстныхъ князей назначены были фрейлинами къ императрицѣ. Есть конечно не мало представителей совсѣмъ иного взгляда на этотъ предметъ; многимъ удобнѣе кажется посылать въ покоренныя страны щедринскихъ «ташкентцевъ», нежели поручать работу людямъ изъ мѣстнаго общества, знающимъ обычаи и нравы своей страны; и конечно люди, державшіеся такого взгляда, осуждали Воронцова. «Затираетъ русскихъ!» Этотъ крикъ людей, усвоившихъ себѣ девизъ: «горе побѣжденнымъ» и тогда раздавался около намѣстника.

Но намъ такой образъ дѣйствій князя кажется и симпатичнымъ, и болѣе дальновиднымъ, чѣмъ всякіе иные взгляды на отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ.

Въ эту же систему входили и другія мѣры: покровительство бракамъ русскихъ съ представительницами мѣстныхъ аристократическихъ фамилій, частые балы во дворцѣ намѣстника, блескъ и великолѣпіе которыхъ дѣйствовали на восточную фантазію гостей и др.

Неутомимыя занятія стараго Воронцова и на Кавказѣ изумляли его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Вырубка лѣсовъ въ Чечнѣ и экспедиціи въ Дагестанѣ заставляли его часто покидать Тифлисъ и участвовать во многихъ походахъ, а также дѣлать объѣзды въ странѣ, которая была ему еще мало известна. Въ это уже время болѣзнь глазъ давала себя чувствовать, но не ослабляла энергій Воронцова. «Привѣтливость» и «мягкость» князя не оставляли его до конца его служенія на Кавказѣ. Доступенъ онъ былъ всѣмъ, и это очень нравилось тщеславнымъ туземцамъ, любившимъ часто стоять на подь-

ѣздѣ дома сардаря (главнокомандующаго) и, важно разглаживая усы, раскланиваться съ проходящими пріятелями, давая имъ такимъ образомъ знать о своемъ знакомствѣ съ княземъ. У дома намѣстника былъ прибитъ ящикъ, куда опускались просьбы, всѣ до одной разсматривавшіяся княземъ. Однимъ словомъ, поведеніе этого мягкаго савонника не отгораживавшаго себя барьеромъ отъ толпы, давало послѣдней возможность искать у него защиты и справедливости. Разсказываютъ, что послѣ ухода Воронцова съ Кавказа, за которымъ вскорѣ послѣдовала и его смерть, тамъ сложилась слѣдующая поговорка, указывающая на добрую память о князѣ: «до Бога высоко, до царя далеко, а Воронцовъ умеръ.»

Но жестоко ошибется читатель, если подумаетъ, что «мягкость» намѣстника нигдѣ ему не измѣняла. Увы, и этому европейски-галантному человѣку приходилось производить крутыя расправы и примѣнять по отношенію къ тяжело провинившимся горцамъ строгія мѣры: такъ бывали дни, что на площади Тифлиса вѣшали за грабежи и убійства сразу по нѣскольку туземцевъ. Князь очевидно былъ послѣдователемъ созданной юристами теоріи «устрашенія», жестокой и можетъ быть не разъ уже доказавшей свою несостоятельность, но до сихъ поръ еще примѣняемой. И «мягкій» Воронцовъ въ этихъ случаяхъ не церемонился, чему могла способствовать и вся атмосфера тогдашней кавказской жизни, гдѣ уже доподлинно жизнь была кошѣею. Возможно впрочемъ, что такое отношеніе къ преступникамъ выработалось у князя еще въ Англій, гдѣ въ то время вздергивали безъ церемоніи на висѣлицу за кражу барава или подлогъ векселя. Извѣстно, что безукоризненные англійскіе джентльмены, вѣчно укоряющіе другія государства въ жестокости, употребляли утонченныя казни при усмиреніи возстанія въ Индіи, и уже на нашихъ глазахъ произведены громадныя убійства въ Массовѣ просвѣщенными итальянцами.

Бываютъ такія натуры—мягкія и пріятливныя, но жестоко непоколебимыя въ исполненіи того, что они считаютъ роковою необходимостью. Одною изъ такихъ натуръ былъ Воронцовъ, прямолинейный человѣкъ, не терпѣвшій возраженій или помѣхъ въ томъ, что ему представлялось государственной необходимостью.

Мягкость его обращенія, не мѣшавшая строгости даже съ тѣми, кому князь еще вчера жалъ руку, — если узнавалъ объ ихъ виновности, — подавала поводъ къ довольно забавному анекдоту.

Во время объѣзда своихъ владѣній, Воронцовъ подалъ руку одному изъ представлявшихся, который внезапно упалъ князю въ ноги и умолялъ о помилованіи. На вопросъ удивленнаго сановника, что это значитъ, тотъ объяснилъ, что, если сардаръ кому подаетъ руку, — тотъ человекъ погибъ. Насилу князь успокоилъ бѣдняка.

А какую войну пришлось вести на Кавказѣ! Какіе и славныя и вмѣстѣ глубоко-трагическія картины были за 60, 70 лѣтъ этой войны! Славныя потому, что презрѣніе къ смерти неволью внушаетъ уваженіе, какъ и защита слабого, и спасеніе раненаго. Аулы разорялись, стада угонялись, жатва уничтожалась русскими, и бѣдные, оборванные горцы, выгнанные изъ своихъ жилищъ, шли въ Закавказье, шли въ Турцію и погибали на дорогѣ. Бывали не разъ случаи, что горскія женщины, не желая сдаваться русскимъ, бросались въ пропасти съ дѣтьми. А подвигъ рядового Осипова въ укрѣпленіи Михайловскомъ. Передъ нимъ блѣднѣютъ мифическій Муцій-Сцевола и Коклесь! Когда мюриды ворвались въ укрѣпленіе Михайловское, гарнизонъ котораго, весь перераненный, нѣсколько сутокъ отбивался отъ десятикратно сильнѣйшаго непріятеля, то Осиповъ со словами: «помните меня, братцы!» выстрѣлилъ въ пороховой погребокъ и вмѣстѣ со своими и толпою враговъ взлетѣлъ на воздухъ. Читатель конечно знакомъ съ характеромъ кавказской войны изъ прекрасныхъ разсказовъ Толстого, а также изъ Лермонтовскаго «Валерика» и «Максима Максимыча» «Только выйдешь, а ужъ за камнемъ какой нибудь косматый дьяволъ сидитъ!» — такъ говорилъ Максимъ Максимычъ про черкесовъ.

Кавказскіе враги русскихъ — это не знающіе усталости хищники, всюду проникающіе, смѣлые и неуловимые. При Воронцовѣ, какъ и при его предшественникахъ, бывали удивительные случаи, будто выхваченные изъ сказки: генералы, уцѣлѣвшіе въ кровавыхъ сраженіяхъ, погибали во время переходовъ по сравнительно мирнымъ дорогамъ только оттого, что удалялись на нѣсколько шаговъ отъ сопровождавшей ихъ «оказии», а убійца и слѣдъ простывалъ. Въ двадцати шагахъ отъ роты солдатъ, на ея глазахъ, нѣсколько горцевъ набрасываются на офицеровъ, неосторожно опередившихъ своихъ провожатыхъ, обезоруживаютъ ихъ и, связавъ добычу и схвативъ лошадей за узды, бросаются въ волны глубокаго и быстрого потока, въ виду оторопѣвшихъ солдатъ переправляются на другой берегъ и скачутъ съ плѣнниками въ горы. Но если бы мы взду-

мали перечислять многіе эпизоды сказочной кавказской эпопеи, то намъ разумѣется не хватило бы и десятковъ томовъ. Мы здѣсь расскажем только одинъ чрезвычайно интересный случай изъ этой войны при Воронцовѣ. Онъ укажетъ нѣсколько занимательныхъ чертъ изъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ, а также дастъ понятіе и о томъ, съ какими удалыми «джигитами» пришлось мѣряться силами кавказскимъ войскамъ.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ пособниковъ Шамиля былъ Гаджи-Муратъ, надѣлавшій русскимъ большихъ бѣдъ, въ которыхъ можетъ быть были виноваты мы сами.

Гаджи-Муратъ сначала служилъ офицеромъ въ нашей милиціи, но оскорбленный грубою формою ареста его за ссору съ родственникомъ, сдѣлался нашимъ врагомъ. Когда Гаджи-Мурата, связаннаго веревкою, вели по горной дорогѣ, онъ бросился въ пропасть и увлекъ за собою державшаго его солдата, убившагося до смерти. Самъ же горецъ со сломанною ногою доползъ до сосѣдняго аула, гдѣ его и приютили. Съ тѣхъ поръ онъ былъ грозою нашихъ, и слава его, какъ джигита, гремѣла по всему Кавказу. Безумно смѣлые набѣги, лихія схватки, неуловимость, отчаянная храбрость—все это сдѣлало его страшнымъ врагомъ, въ особенности при хорошемъ знаніи мѣстностей, куда онъ направлялъ свои удары. И легко понять радость Воронцова, когда онъ къ концу 1851 г. узналъ, что знаменитый сподвижникъ Шамиля Гаджи-Муратъ поссорился съ Имамомъ, завидовавшимъ его славѣ, а можетъ быть и награбленному набѣгами золоту. Вскорѣ Гаджи-Муратъ съ 2-мя, 3-мя преданными ему мюридами явился къ сардарю съ повинною.

Бѣглеца не только простили, но обласкали, отвели ему хорошую квартиру и давали большія деньги на расходы, хотя не переставали слѣдить за его дѣйствіями. Джигитъ обѣщаль оказать важныя услуги русскимъ и просилъ позволенія обѣхать наши передовыя линіи, что и было ему разрѣшено.

Но затосковалъ ли горецъ по своей семьѣ, захваченной Шамилемъ и неуступаемой намъ, не смотря на усилія Воронцова, или онъ опять раскаялся въ своемъ поступкѣ и хотѣлъ идти съ повинною къ Шамилю—неизвѣстно,—но на одной изъ своихъ обычныхъ верховыхъ прогулокъ Гаджи-Муратъ неожиданно убилъ конвоировавшаго его урядника, а одинъ изъ мюридовъ тяжело ранилъ другого провожатаго, и разбойники ускакали.

Это надѣлало страшнаго переполоха и напугало Воронцова,

такъ какъ Гаджи-Муратъ былъ-бы еще опаснѣе для насъ теперь, когда онъ познакомился съ расположеніемъ русскихъ войскъ. Но отважному джигиту не суждено было увидѣть Шамиля. Совершенно случайно обнаружили его бивуакъ въ кустахъ среди поля, гдѣ онъ остановился со спутниками, не думая, что русскіе пойдутъ искать бѣглецовъ по сосѣдству съ мѣстомъ происшествія. Его окружили до трехсотъ милиціонеровъ, но онъ не хотѣлъ сдаваться. Гаджи-Муратъ былъ такъ страшенъ, что никто не осмѣлился броситься на него въ рукопашную и въ знаменитаго джигита стрѣляли наугадъ, по кустамъ. Только прибытіе другой, болѣе отважной кучки милиціонеровъ, закончило эту неравную борьбу, и Гаджи-Муратъ, получившій нѣсколько ранъ отъ выстрѣловъ и затыкавшій ихъ ватою изъ своего бешмета, истекая кровью, все таки отчаянно защищался. Его убили и голову отправили въ Тифлисъ.

Тогда только успокоился Воронцовъ, когда увидѣлъ это несомнѣнное доказательство гибели джигита. Голову знаменитаго разбойника многіе смотрѣли, но разумѣется намѣстникъ не могъ воткнуть ее на колъ и показать всему Тифлису: это уже слишкомъ бы напоминало восточныхъ хановъ. Черепъ убитаго былъ отправленъ въ анатомическій музей.

На сколько важнымъ считался Гаджи-Муратъ и сенсационнымъ этотъ эпизодъ съ нимъ—доказываетъ цѣлый рядъ писемъ Воронцова къ военному министру Чернышеву и доклады государю. Но закончимъ на этомъ разсмотрѣніе «разрушительной» дѣятельности князя Воронцова, которая шла успѣшно, благодаря конечно и счастливому выбору помощниковъ, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ является Барятинскій, герой Гуниба (1859 г.), окончательнаго покорившій Кавказъ. Пядь за пядью отвоевывались твердыни Кавказа у горцевъ, заселялись русскими, и звѣзда Шамиля закатывалась. Близокъ уже былъ день окончанія этой болѣе чѣмъ полувѣковой борьбы.

Обратимся къ «созидательной» дѣятельности стараго кавказскаго намѣстника.

По прежнему онъ берегъ солдатъ и, будучи твердъ въ справѣ съ врагами, не падалъ и своихъ русскихъ, жестоко обращавшихся и обижавшихъ людей, сломившихъ своею грудью Шамилевскія твердыни. Въ этихъ случаяхъ Воронцовъ былъ неумолимъ, и многіе при немъ поплатились за покушеніе на «солдатскій паекъ» и за слишкомъ вольное обращеніе со шпич-

рутевами. Извѣстно между прочимъ громкое дѣло флигель-адъютанта Копьева, сначала бывшаго любимцемъ Воронцова.

Во время пріема депутаціи въ Прочномъ Окопѣ, при объѣздѣ подвѣдомственнаго Воронцову края, князь замѣтилъ, что жители раздѣлились на двѣ части, при чемъ оказалось, что большая кучка состояла изъ раскольниковъ, которые рассказали о претерпѣваемыхъ притѣсненіяхъ. У князя задрожали губы отъ волненія, онъ тутъ же приказалъ отпереть молельню и дозволилъ богослуженіе. Этотъ эпизодъ характеризуетъ вѣротерпимость князя, не совсѣмъ даже согласовавшуюся съ тогдашними законами. Рассказываютъ, что на представленія объ этомъ своихъ сослуживцевъ князь отвѣчалъ:

— Если бы нужно было здѣсь исполненіе законовъ, то государь не меня бы прислалъ, а сводъ законовъ!

Болѣе упрощенное раздѣленіе края въ административномъ отношеніи, основаніе большого количества учебныхъ заведеній не только русскихъ, но и магометанскихъ, триангуляція края, улучшеніе путей сообщенія, пароходство по Ріону и Курѣ, межеваніе, основаніе театра, бібліотекъ, фабрикъ и заводовъ, улучшеніе виноградарства и проч. — вотъ нѣкоторыя изъ чертъ созидательной дѣятельности Воронцова на Кавказѣ. Храбрые батальоны, сражавшіеся съ врагомъ, въ мирное время являлись у Воронцова культурными работниками

Инициаторъ пароходства по Черному морю, князь Воронцовъ учредилъ срочное пароходство и на Каспійскомъ. На основанія имъ благотворительныя учрежденія въ краѣ и вообще на цѣли благотворенія пошли его собственныя сотни тысячъ. Газета «Кавказъ», кавказскій музеумъ, оздоровленіе и обстройка грязнаго Тифлиса, общество сельскаго хозяйства — на все это хватало вниманія князя, постоянно отвлекаемаго военными событиями. Трудно перечислить все то, что сдѣлано, помимо военной сферы, княземъ. Само собою ясно, что вниманіе такого дѣятельнаго, просвѣщеннаго человѣка, считавшаго мирную работу могучимъ рычагомъ для прогресса общества, должно было захватывать всѣ стороны жизни этого общества.

Были конечно большіе промахи, были люди эксплуатировавшіе даже дальновиднаго князя. Были жестокости, требовавшіяся роковымъ ходомъ событий и нуждами того могучаго государственнаго организма, которому призванъ былъ служить князь и ради здоровья котораго считалось необходимымъ произ-

водити ампутаціи и кровопусканія. Есть конечно разные взгляды на служеніе государству, но, по крайней мѣрѣ, свое дѣло князь дѣлалъ безкорыстно и убѣжденный въ его полезности.

Постоянные труды и разъѣзды по нездоровой мѣстности сломили старика. Въ 1851 г., сопровождая отрядъ на р. Бѣлую, князь заболѣлъ лихорадкою, которая окончательно подорвала его силы и заставила подумать объ отдыхѣ.

Надвигалась Крымская война. Положеніе наше на Кавказѣ было трудное: обнаженными границамъ государства угрожали двѣ турецкія арміи, а между тѣмъ всѣ наши войска находились въ дѣйствиі противъ Шамиля. Усталый дѣятель сложилъ оружіе и уступилъ мѣсто другимъ. Время передъ его уходомъ было ознаменовано побѣдами нашихъ войскъ надъ турками — при Башкадыкларѣ и Ахалцыхѣ, а также знаменитымъ Аннибаловскимъ походомъ князя Аргутинскаго черезъ главный кавказскій хребетъ, спасшимъ насъ отъ опаснаго нашествія Шамиля.

Четвертаго марта 1854 г., послѣ девятилѣтняго намѣстничества, уѣзжалъ князь изъ Тифлиса. Хотя онъ уѣзжалъ въ отпускъ, но многіе ужъ знали, что онъ не возвратится въ Тифлисъ. Надломленное здоровье требовало окончательнаго отдыха дѣль, и въ томъ же 1854 г. Мих. Семеновичъ былъ уволенъ отъ должности намѣстника.

Въ 1856 г., въ коронацію покойнаго государя, Воронцову, имѣвшему уже титулъ «свѣтлѣйшаго», были оказаны высокія почести: онъ былъ произведенъ въ генераль-фельдмаршалы, — а 6-го ноября того же года князя не стало: онъ скончался въ Одессѣ, гдѣ и похороненъ въ Преображенскомъ соборѣ.

Въ Одессѣ въ 1863 г., а въ Тифлисѣ въ 1867 г., Воронцову, въ этихъ двухъ центрахъ его неутомимой дѣятельности, поставлены памятники.

Такъ кончилась эта бурная и во многихъ своихъ подробностяхъ славная жизнь. Воронцовъ достигъ всего, чего только можетъ добиться человекъ на землѣ: славы, почестей и богатства. Но былъ ли онъ счастливъ? Давали ли его душѣ удовлетвореніе эти внѣшніе атрибуты счастья? Неизвѣстно, — «чужая душа потемки». Но можетъ быть сознаніе того, что онъ исполнялъ свой долгъ, часто страшно тяжелый, и по мѣрѣ силъ и пониманія старался быть справедливымъ — это сознаніе давало извѣстное нравственное удовлетвореніе покойному фельдмаршалу.

